
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

МАТЕРІАЛЫ

для разоблаченія

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО НИГИЛИЗМА.

С.-Петербургъ.

1864.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РАЗОБЛАЧЕНІЯ

МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО НИГИЛИЗМА.

Собраны изъ нѣмецкихъ источниковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

Дозволено ценсурою. С.-Петербургъ, 8 Февраля 1864 года.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Величайшее въ Европѣ зло, намъ современное, — это матеріалистическія ученія: онѣ отрицаютъ Бога, ниспровергаютъ христіанскую и всякую религію, растлѣваютъ нравственность и подкапываютъ всѣ основы гражданскаго и политическаго устройства обществъ. Основываясь *будто-бы* на результатахъ естественныхъ наукъ и пользуясь расположеніемъ нѣкоторыхъ классовъ народа къ представителямъ этихъ наукъ, доставившихъ и доставляющихъ столько выгодъ промышленности и ремесленности, матеріалисты проводятъ свои ученія въ низшіе слои народа, посредствомъ дешевыхъ брошюръ и журналовъ, гдѣ, подъ прикрытіемъ естествознанія, при всякомъ удобномъ случаѣ, дѣлаютъ выводы и явные намёки на ничтожность существующихъ нынѣ вѣрованій и

учрежденій, и на необходимость ихъ разрушенія для блага народа. Эти ученія разлились по всей западной Европѣ, но встрѣтили мужественный отпоръ со стороны людей здравомыслящихъ и знаменитыхъ мужей науки. Тамъ идетъ борьба, изъ которой всякій имѣетъ возможность узнать полнѣйшее безобразіе матеріалистической язвы и принять мѣры, чтобъ отъ ея заразы предохранить себя или своихъ ближнихъ.

Эта язва, къ несчастію, проникаетъ и къ намъ. Рѣдкій молодой человѣкъ, побывавшій за границей (а ихъ не мало), не вынесетъ отъ туда хотя начатковъ этихъ уродливыхъ ученій, обольстительныхъ для юнаго ума. На родинѣ, гдѣ есть ужѐ закваска и между болѣе зрѣлыми людьми, начальныя идеи матеріализма разработываются, дополняются, распространяются въ кружкахъ молодыхъ людей. Литература, съ своей стороны, проводитъ частенько матеріалистическія идеи въ публику, то мелкими статейками въ журналахъ, то отдѣльны-

ми сочиненьицами: словомъ сказать, вокругъ насъ дѣйствуютъ, а мы, люди степенные, отцы и наставники, мы какъ-будто ничего не видимъ, молчимъ, или только слегка и въ общихъ выраженіяхъ опровергаемъ. По моему мнѣнію, такое равнодушіе, такое молчаніе преступно: молодое поколѣніе — это наши будущіе администраторы, судьи, вòины, ученые и пр. и пр. Если въ нихъ окрѣпнетъ безбожіе, безнравственность, то чего можетъ отъ нихъ ожидать наше отечество? Конечно, русскій народъ слишкомъ здоровъ природнымъ разсудкомъ, онъ слишкомъ приверженъ къ своей православной Вѣрѣ, чтобъ поддаться духовному и нравственному растлѣнію матеріализма; за такой народъ нечего бояться; но должно бояться того страшнаго разлада, который могъ-бы со временемъ послѣдовать между высшими и низшими слоями русскаго общества.

Я твердо убѣжденъ, что необходимо теперь же смѣло выставить на всеобщій позоръ, и въ полной наготѣ, все безобразіе матеріалистическихъ ученій и

показать, что онѣ суть порожденія болѣзненнаго ума или людей, стремящихся перевернуть все кверху дномъ и ловить рыбу въ мутной водѣ.

Для содѣйствія этой цѣли, по мѣрѣ силъ моихъ, я собралъ изъ нѣмецкихъ источниковъ нѣкоторые матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма. Изъ нихъ русскій читатель увидитъ, ка́къ принимается и понимается *новѣйшій* матеріализмъ на самой почвѣ его рожденія и воспитанія — въ Германіи. Смѣю думать, что отзывы о матеріализмѣ Эрстеда, Либиха, Тренделенбурга, Шлейдена, имѣютъ достаточный научный авторитетъ, и — можетъ быть заставятъ поразмыслить нашихъ молодыхъ людей куда ведутъ матеріалистическія бредни. Надѣюсь также, что и наши здравомыслящіе ученые и писатели возвысятъ свой голосъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, и такимъ образомъ общими силами дадутъ отпоръ наплывающимъ на насъ изъ за границы тлетворнымъ ученіямъ.

I.

О НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСАХЪ ВЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ НАУКѢ.

Беконъ раздѣлялъ естествоиспытателей на три класса. Одни, говорилъ онъ, похожи на пауковъ, которые свою ткань вырабатываютъ изъ себя; другіе — на муравьевъ, которые собираютъ все извнѣ, и наконецъ, третьи—на пчелъ, которыя высасываютъ медъ и превращаютъ его въ воскъ. Къ паукамъ, съ самодѣльною ихъ тканью, довѣріе нѣсколько поуменьшилось, хотя это и не совсѣмъ справедливо. Съ незапамятныхъ временъ они устраиваютъ изъ внутри себя свои жилища, отъ куда могутъ съ точки зрѣнія, болѣе возвышенной, чѣмъ пресмыкаясь по землѣ, разсматривать, обсуживать и воспринимать предметы, ихъ занимающіе. Конечно, еслибъ они вообразили себѣ, что весь міръ заключенъ въ ихъ ткани, которую они выработали изъ себя, то они впали бы въ огромное натурфилософское заблужденіе. Въ противоположность этимъ *идеалистамъ*, му-

равьи представляются намъ какъ прилежные наблюдатели и собиратели. Съ неутомимою дѣятельностію собираютъ, ощупываютъ, обгрызываютъ они все что только имъ нужно и чѣмъ они живутъ, и за это они заслуживаютъ похвалу. Но если бъ они вздумали собранныя ими вещества, въ которыхъ они одни понимаютъ и видятъ міръ, выдавать вообще за вселенную, то мы могли бы этихъ *реалистовъ* упрекнуть въ односторонности и ограниченности. —Правильнѣе дѣйствуютъ пчелы, которыя всюду, куда только могутъ залетѣть, собираютъ съ разнообразнѣйшихъ растеній медъ и, помощію своей дѣятельности, устраиваютъ себѣ восковой домъ. Планъ этого дома, со множествомъ отдѣленій, возведеннаго на точномъ основаніи геометрическихъ правилъ, получили онѣ не извнѣ; имъ внушаетъ его врожденный имъ пчелиный умъ.

Бросимъ теперь взглядъ на природу человѣка и на мѣру силъ его. Потомъ, въ необъятной области естественныхъ наукъ, изберемъ нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, которыя дозволятъ намъ заглянуть поглубже въ связь и гармонію явленій природы, и спросимъ, наконецъ, какія представленія *даетъ* намъ сама природа, и какія мы пріобрѣтаемъ изъ другихъ источниковъ? Изъ этого всего получатся выводы о назначеніи природы и о значеніи ея относительно духа человѣческаго. Въ заключеніе приведемъ по этому предмету мнѣнія великихъ естествоиспытателей различныхъ временъ.

Человѣкъ составленъ изъ земной матеріи; какъ всякое другое тѣло, онъ подчиненъ законамъ тяжести; кости его состоятъ изъ известковой земли, какъ известковыя горы. Человѣка можно уподобить печи или паровику; чтобъ они дѣйствовали, ихъ надобно безпрерывно топить. Человѣку нужны безпрестанно: *топливо* (пища), которое сгараетъ, и *кислородъ*, необходимый для всякаго горенія. Этотъ про-

цесъ объявленъ даже *причиной* жизни; но здѣсь условіе принято за причину.

Подобно растенію, и человѣкъ растетъ и питается; однако, растительная жизнь только содѣйствуетъ жизни животной. Подобно каждому животному, человѣкъ имѣетъ ощущеніе и произвольное движеніе, чувства потребности и представленія, отъ нихъ происходящія и ихъ порождающія.

Но человѣкъ не только земля, не только растеніе, не только животное. Въ немъ все низшее существуетъ для высшаго; все низшее составляетъ только подножіе, на которомъ стоитъ, съ обращеннымъ къ небу ликомъ, человѣкъ. Онъ не только цвѣтъ, которому предшествовали корень и стебель; онъ, по духовной природѣ своей, составляетъ и качественно высшее существо; онъ одаренъ разумомъ и совѣстью; онъ можетъ Вѣчное мыслить и желать. Кто склоненнымъ долу взоромъ разсматриваетъ только подножіе, тотъ хотя и можетъ получить о немъ вѣрное понятіе, однако, чтобъ познать верхнюю половину, ему надобно обратить свое око горѣ.

Мы говоримъ о художникѣ: у него искусная рука. Но мускулы руки движутся подъ вліяніемъ *нервовъ*, на нервы дѣйствуетъ *мозгъ*, а мозгъ повинуется *волѣ*. Можно очень хорошо знать строеніе руки; но это еще не ведетъ насъ къ познанію дѣятельности мозга. Надобно удивляться какъ необыкновенно мало мы знаемъ о физіологіи мозга. Между тѣмъ какъ человѣкъ съ такою точностію измѣряетъ движеніе двойныхъ звѣздъ, онъ такъ мало понимаетъ тотъ непосредственный инструментъ, который имъ для того употребляется.

Заблужденіе *матеріализма* бо̀льшею частію заключается въ томъ, что онъ матеріальный о̀рганъ принимаетъ за главное, а предшествующую ему, для извѣстныхъ цѣлей, тво-

рящую дѣятельность и ею управляющую мысль не видитъ или не надлежащимъ образомъ обсуживаетъ. Цѣлое важнѣе своихъ частей, сказалъ уже Аристотель. Въ зародышѣ сокрыто цѣлое; жизненное начало прежде всего образуетъ свои ȍрганы; побужденіе къ дѣятельности, къ индивидуальной жизни, производитъ свои орудія. Мозгъ есть *органъ* мышленія, однакожъ, онъ не *субъэктъ* мышленія. Мы познаемъ организующее жизненное начало не чувствами; мы познаемъ его точнѣйшимъ образомъ въ его послѣдствіяхъ. И такъ, побужденіе и сила къ образованію ȍргановъ предшествуютъ самымъ ȍрганамъ. Ктȍ сталъ бы отрицать въ органическихъ тѣлахъ соприсущую имъ цѣль? Какъ могли бы сохраниться, въ дальнѣйшемъ развитіи, первообразы (типы) органическихъ тѣлъ, еслибъ мы приняли только дѣйствующія причины?

«Творящая природа, говоритъ Тренделенбургъ (Logische Untersuchungen), замыкаетъ свою мастерскую такъ тщательно, кȁкъ бы съ намѣреніемъ лишить насъ возможности даже помыслить о разъясненіи посредствомъ одной дѣйствующей причины. Еслибъ, наприм. глазъ, во время своего образованія, былъ обращенъ къ свѣту, то можно бы подумать, что прикасающійся къ глазу лучь приготовляетъ для себя этотъ драгоцѣнный ȍрганъ. Въ силѣ свѣта мы подозрѣвали бы дѣйствующую причину. Но глазъ образуется во тьмѣ чрева матери и, по рожденіи, соотвѣтствуетъ свѣту. Точно то же можно сказать и о другихъ чувствахъ. Между свѣтомъ и глазомъ, между звукомъ и ухомъ, между устойчивостію и механизмомъ ȍрганонъ движенія и пр. является уже̇ напередъ опредѣленная гармонія. Не имѣвъ ничего общаго *во время* своего образованія, они вдругъ, *послѣ* совершившагося уже̇ образованія, вступаютъ въ тѣснѣйшую связь. Зрѣніе возникло не отъ свѣта, ухо не отъ звука, ȍрганы движенія не отъ той стихіи, въ которой имъ опредѣлено двигаться; однакожъ, ȍрганы существуютъ для этихъ явле-

ній. Дѣятельностью своею органъ подчиняется дѣйствующей причинѣ, но соотвѣтственное цѣли его строеніе подлежитъ закону его собственнаго дѣйствія. Глазъ видитъ, но самое зрѣніе устроено глазомъ. Ноги ходятъ, но самому хожденію даютъ направленіе члены ногъ. Вотъ волшебный кругъ простаго факта, и предустановленная гармонія (praestabilirte Harmonie) указываетъ, повидимому, на объемлющую всѣ члены силу, въ которой мысль составляетъ альфу и омегу».

Далѣе онъ же говоритъ: «Мы видимъ тотъ простой, но замѣчательный фактъ, что всякой цѣли, осуществившейся въ мірѣ, предшествовала, какъ основаніе, мысль; мысль основная, выражающая извѣстную волю. У глáза есть преломляющія средины. Нѣкоторыя животныя имѣютъ такое строеніе, что онѣ ѣдятъ мясо. И такъ, мысль имѣетъ опредѣленное направленіе».

Если цѣлесообразность созданій доказываетъ, что мысль предшествовала появленіямъ одиночныхъ органовъ, то эта предопредѣляющая мысль высказывается еще болѣе, когда мы разсмотримъ рядъ живыхъ существъ въ ихъ общей связи. Морфологія (*) объясняетъ намъ различіе между *гомологіею* и *аналогіею* органовъ. Первая указываетъ зависимость между органами и частями тѣла, которыя устроены по одному и тому же плану, какъ-бы ни была различна ихъ форма, и служатъ для совершенно разныхъ отправленій. Ихъ можно бы сравнить съ прототипами, которые въ различно изогнутыхъ зеркалахъ принимаютъ различный видъ. Напротивъ того, аналогія означаетъ подобіе цѣлей или отправленій, которыя исполняются органами различнаго устройства. Такъ, напр. крылья птицы и рука обезьяны— органы *гомологическіе*, потому-что они, хотя и устроены

(*) Морфологія, часть анатоміи, занимается изслѣдованіемъ органовъ, состоящихъ изъ микроскопическихъ элементовъ.

по одному и тому же плану, однако служатъ для разныхъ цѣлей. Крылья птицы и мотылька—органы *аналогическіе*, потому-что служатъ для одной и той же цѣли, т. е. для летанія.

Уже Бюффонъ признавалъ «un dessein primitif et général qu' on peut suivre tres-loin, sur lequel tout semble avoir été conçu.» (Цѣль первоначальную и всеобщую, которую можно прослѣдить очень далеко, и на основаніи которой, повидимому, все устроено).—Между Жоффруа Сентъ-Илеромъ и Кювье этотъ предметъ возбудилъ жаркія пренія. Первый придерживался болѣе *связующему началу*, другой — болѣе *раздѣляющему*. Первый пытается понять природу въ ея великой всецѣлости, послѣдній только въ томъ, что̀ можетъ быть положительно доказано. Первый, примыкая къ нѣмецкимъ естествоиспытателямъ, и именно: къ Кильмейеру, Окену, Гёте, отстаивалъ такъ названное имъ «unité de composition organique»(единство органическаго сложенія), которое онъ принималъ за ключь къ воззрѣнію на природу, и нашелъ въ Амперѣ остроумнаго сподвижника. Кювье ратовалъ противъ него слишкомъ слабымъ оружіемъ, ка̀къ то видно изъ его сочиненій. Все направленіе было не по немъ. Однакожъ, въ пользу Кювье должно сказать, что прежде чѣмъ соединять, обобщать, надобно умѣть раздѣлять, различать, а въ этомъ-то и заключалось неоцѣненное дорованіе Кювье, его настоящее научное призваніе. Наконецъ, нельзя же и требовать, чтобъ великій человѣкъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ великъ. Поэтому понятно, отъ чего одинъ изъ новѣйшихъ Французскихъ писателей сказалъ о Кювье: «il appuye presque toujours ses divisions sur des differences. Aussi ce grand historien de la nature n'en est pas le philosophe. Il a donné le catalogue précis da la création, mais il n'en a jamais compris la pensée». (Раздѣленія свои онъ всегда почти основывалъ на различіяхъ. Такимъ образомъ этотъ ве-

ликій бытописатель природы не есть ея философъ. Онъ далъ намъ точный каталогъ созданія, но никогда не понялъ созидавшей мысли).

Столь важный по своимъ послѣдствіямъ на міросозерцаніе вопросъ оставался долгое время не тронутымъ. Но въ послѣднихъ годахъ Ричардъ Овенъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ анатомовъ нашего и всѣхъ временъ, избралъ его предметомъ своихъ изысканій, которыя и напечаталъ въ новѣйшемъ сочиненіи: «Principes d' Ostéologie comparée, ou Recherches sur l' archetype et les homologies du squelette vertébré». (Начала сравнительной остеологіи или изслѣдованія о прототипѣ и гомологіяхъ позвоночнаго скелета). Здѣсь онъ указываетъ ка̀къ во всѣхъ позвоночныхъ животныхъ можно до мелочей видѣть прототипъ, по которому онѣ образованы. Въ предисловіи къ своему сочиненію этотъ великій естествоиспытатель приводитъ слѣдующія слова Боннета: «l'unité du dessein nous conduit à l'unité de l'intelligence qui l'a conçu.» Далѣе говоритъ онъ: «ученики Демокрита и Эпикура разсуждали слѣдующимъ образомъ: если бы міръ сотворенъ былъ духомъ или предвѣчнымъ разумомъ, т. е. Богомъ, то существовала бы конечно и идея или образецъ вселенной *прежде* ея созданія; слѣдовательно, созданію вещей предшествовало бы познаніе ихъ». Но какъ ученики этихъ философовъ ни во вселенной, ни въ частяхъ ея не открыли признаковъ идеальнаго прототипа, то изъ сего заключили они, что ни познаніе, ни разумъ передъ началомъ міра не могли быть причиной его созданія. Теперь, однакожъ, признаніе идеальнаго типа, какъ основной организаціи позвоночныхъ животныхъ, доказываетъ, что познаніе такого существа, какъ человѣкъ, существовало прежде чѣмъ онъ явился на землѣ. При образованіи прототипа, Божественный Разумъ предвидѣлъ и всѣ его видоизмѣненія. Идея прототипа проявилась на нашей планетѣ задолго до

существованія тѣхъ породъ животныхъ, въ которыхъ мы видимъ теперь развитіе этой идеи.

Въ типѣ идея предшествуетъ существамъ; въ цѣли, въ предназначеніи, какъ конечной причинѣ, она совмѣщается въ существахъ. Платонъ признавалъ, что идея существуетъ прежде явленія, а Аристотель—что она совершается въ существахъ; оба они дополняютъ другъ друга. Изъ этого видно, что истинные успѣхи науки, расширяя нашъ кругозоръ, болѣе и болѣе доказываютъ владычество духа въ природѣ. Не въ отдѣльныхъ каменьяхъ, а въ возводимомъ исподоволь строеніи, дѣлается понятнымъ планъ его. Но между естествоиспытателями больше прилежныхъ каменьщиковъ, чѣмъ хорошихъ архитекторовъ. Предшествующая органическимъ образованіямъ и опредѣляющая ихъ идея, довременное предначертаніе, словомъ сказать, міровой планъ, доказывается также остатками прежнихъ геологическихъ періодовъ; такъ напр. у рыбъ, находимыхъ въ древнѣйшихъ формаціяхъ, мы видимъ тотъ же прототипъ, какой существуетъ и въ настоящее время, только въ болѣе усовершенствованномъ видѣ. Прежніе обитатели нашей планеты предвозвѣщаютъ такимъ образомъ позднѣйшихъ.

Все это наводитъ на то, что землю слѣдовало бы разсматривать какъ живой организмъ особаго рода. Покрайней мѣрѣ земля есть тѣло, проходящее различныя степени развитія, въ основѣ коихъ лежитъ единство.

Изъ всего выше сказаннаго мы усматриваемъ цѣлесообразное устройство и владычество идеи, предначертанія, превыше и прежде явленія всѣхъ живыхъ существъ. Прежде ихъ былъ проявившійся во вселенной духъ: «въ началѣ бѣ Слово».

Тѣ, которые человѣка считаютъ продуктомъ природы, полагаютъ также, что и познанія его, соотвѣтственно его организаціи, образуются только посредствомъ впечатлѣнія

чувствъ и комбинацій. Поэтому, для человѣка существуетъ только знаніе природы, а все остальное—игра воображенія, сновидѣніе. Посмотримъ, однакожъ, какимъ образомъ природа отражается внутри насъ, не говоримъ въ нашемъ духѣ, потому что это было бы противно выше приведенному мнѣнію. Возьмемъ въ примѣръ астрономію, какъ наиболѣе разработанную и обширнѣйшую часть естествознанія. Кто не удивляется стройному порядку движеній въ нашей планетной системѣ! Небесная механика—одно изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго духа. Возникла ли она единственно отъ прилежнаго наблюденія и точности инструментовъ, или не есть ли она трудъ расчитывающаго ума? Что̀ была бы астрономія безъ математики? Она почти вся состоитъ изъ прикладной математики; а существовала бы эта послѣдняя безъ чистой математики, т. е. безъ науки, которую человѣкъ получилъ не *извнѣ*, но выработалъ единственно дѣйствіемъ своего ума? Въ этомъ случаѣ, *даетъ* ли человѣкъ болѣе, чѣмъ онъ *воспринимаетъ*?

Но разсмотрѣніе математическихъ законовъ въ природѣ ведетъ насъ къ такой теоріи о сознавательной способности, которая не допускаетъ ни чистаго идеализма, ни чистаго реализма. Законъ о числахъ лежитъ въ человѣкѣ; ему остается только примѣнить его, посредствомъ своего ума. Отъ простѣйшаго счисленія ребенка или дикаря до интегральнаго вычисленія, открытаго по истеченіи столькихъ вѣковъ Лейбницомъ и Ньютономъ, разстояніе безъ сомнѣнія далеко, и показываетъ намъ къ какому безконечно богатому развитію способенъ человѣческій духъ, независимо отъ того что̀ ему сообщается *извнѣ*. Столь же далеко отъ вычисленія обращенія Луны до «Небесной Механики»—Лапласа. Но подобно тому, какъ законъ о числахъ и геометрическихъ линіяхъ кроется въ человѣкѣ, онъ находится и въ природѣ.

Природа, какъ и умъ человѣческій, образуетъ круги, элипсы и параболы.

Чѣмъ глубже мы умомъ нашимъ вникаемъ въ природу, тѣмъ болѣе познаемъ въ ней математическіе законы, какъ, на примѣръ, въ движеніи свѣта, гдѣ теорія вибрацій даетъ намъ точнѣйшее познаніе объ этомъ движеніи, хотя ничего не объясняетъ ни о существѣ, ни о началѣ свѣта;—въ химическихъ сродствахъ, стехіометріи, при первомъ открытіи которой Рихтеръ избралъ себѣ эпиграфъ: «Богъ сотворилъ все на основаніи числа, мѣры и вѣса»;—въ органической клѣточкѣ, основной формѣ всѣхъ животныхъ и растеній. Въ заключеніе скажемъ, что человѣческій умъ, содержащій въ себѣ математическій законъ, познаетъ тотъ же законъ и въ природѣ. Такимъ образомъ равное сходится съ равнымъ, субъэктивное съ объэктивнымъ.

То, что относится до закона математическаго, можетъ быть приложено и къ закону логическому. Основныя формы, безъ которыхъ мы не можемъ мыслить, суть также и основныя формы всякаго бытія. Повсюду во внѣшнемъ мірѣ мы находимъ качество и количество, причину и дѣйствіе и цѣль. Законъ развитія, составляющій основный законъ всего живущаго, предполагаетъ цѣль. Такимъ образомъ законы разума встрѣчаются съ законами природы.

О времени и пространствѣ нельзя сказать того же, не смотря на различныя мнѣнія по этому предмету. Представленіе о нихъ мы получаемъ также не извнѣ. Только односторонняя идеалистическая теорія можетъ полагать, что время и пространство не иное что какъ формы мышленія. Стройное движеніе міровыхъ тѣлъ и пробѣгаемыя ими пространства показываютъ намъ неопровержимо, что онѣ имѣютъ и объэктивное значеніе. Столь же ясно становится намъ представленіе о времени, при разсмотрѣніи законовъ

развитія, ибо зародышъ не можетъ въ тоже время быть и организмомъ совершеннаго вида.

Но какая же причина тому, что одинаковые или подобные законы находятся въ мышленіи и въ бытіи, въ духѣ и въ природѣ, и что они соединяются въ нашемъ сознаніи? Мы больше ничего не знаемъ, какъ то̀, что причина ихъ высшая, общая, первобытный Разумъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальная сила, однимъ словомъ, Богъ.

Однако, выше изложенная аксіома, что математическій и логическій умъ понимаетъ господствующіе въ природѣ математическіе и онтологическіе законы, могла бы повесть къ односторонности и, на самомъ дѣлѣ, часто къ тому приводитъ. Человѣкъ существо не только разумное, но также свободное, одаренное творческою фантазіею, а природа—не исключительно математическая таблица или обратившаяся въ вещество логика. Въ послѣднемъ смыслѣ природа разсматривалась уже одною философской системой; но законъ логической необходимости составляетъ только первый ярусъ міроздавія.

Человѣкъ, всегда логически-разумно размышляющій, еще не художникъ и не поэтъ. Въ картинѣ, въ статуѣ, должны быть соблюдены прежде всего правильныя пропорціи, правильные размѣры отдѣльныхъ частей между собой и въ отношеніи къ цѣлому. Но кромѣ стройной формы, требуется еще многое другое: жизнь, своеобразность, характеръ, выраженіе *свободнаго*, которому *необходимое* служитъ только основой. Такъ и жизнь природы не одна прикладная математика или облеченная въ матерію логика.

Творческая фантазія, въ области ей указанной, воспроизводитъ безконечное обиліе индивидуальной, своеобразной жизни въ искуснѣйшихъ формахъ и въ роскошнѣйшихъ краскахъ. Природа также образцовое поэтическое созданіе и указы-

ваетъ на первобытнаго поэта, на создателя міровой поэзіи, который вмѣстѣ съ тѣмъ создатель математики и логики; по этому-то, въ мастерской природы, какъ и въ творческой дѣятельности человѣческаго духа, не можетъ свободная, индивидуализирующая и своеобразная дѣятельность отдѣлиться отъ дѣятельности подзаконной, не впавъ въ болѣзнь, т. е. въ художествѣ въ манеру, а въ природѣ—въ уродливость,

И такъ, повсюду между сознающимъ духомъ и сознаваемой природой существуетъ гармоническое соотношеніе. Понимая глубоко и прекрасно это соотношеніе, Гёте сказалъ: «все что мы называемъ изобрѣтеніемъ, открытіемъ въ высшемъ смыслѣ, есть изнутри внаружу развивающееся откровеніе, которое даетъ человѣку предчувствовать его богоподобіе. *Это* синтезъ міра и духа, дающій блаженнѣйшее удостовѣреніе въ вѣчной гармоніи бытія».

Наконецъ, въ сознаніи человѣческомъ есть мысли, которыя оно не воспринимаетъ отъ природы и которымъ нѣтъ параллельныхъ въ природѣ. Человѣкъ имѣетъ око для вѣчности.

Wäre nicht das Auge sonnenhaft,
Wie könnten wir das Licht erblicken?
Lebte nicht in uns des Gottes eigne Kraft,
Wie könnt' uns Göttliches entzücken?

(Еслибъ глазъ не соотвѣтствовалъ солнцу, какимъ образомъ восприняли бъ мы свѣтъ? Еслибъ въ насъ не жила Божія сила, какимъ образомъ могло бы насъ восхищать Божественное?).

Эти слова Гёте, приводимыя такъ часто другими, найдены имъ, какъ онъ самъ говоритъ, въ одномъ древнемъ мистикѣ. Но онѣ, кажется, первоначально заимствованы у Плотина, который говоритъ: зрящее должно быть родственно и подоб-

но зримому, чтобъ перейти въ созерцаніе. Око никогда не увидѣло бы солнца, еслибъ не соотвѣтствовало ему (ἡλιοειδης). Такъ и каждый изъ насъ, чтобъ познать Бога и прекрасное долженъ сдѣлаться соотвѣтствующимъ Божеству и прекрасному (въ смыслѣ греческомъ, т. е. благолѣпымъ καλὸς κἀγαϑὸς—der Schöngute). Ennead. I. 6. c. g.

Никакое религіозное вѣрованіе, никакая философская система не были бы возможны, еслибъ человѣку не было прирождено, хотя и въ неразвитомъ еще видѣ, чувство абсолютнаго добра и правды и побужденіе къ этому чувству. Рядъ представленій, образующихся изъ этого принципа, т. е. *вѣчныя идеи*, человѣкъ получилъ, конечно, не отъ природы; онъ не находитъ въ ней и параллельныхъ имъ понятій. Дальнѣйшее развитіе этихъ идей принадлежитъ богословской или философской системѣ. Мы ограничиваемся только тѣмъ фактомъ, что такая способность соприсуща человѣку. Но въ этой высшей сферѣ духовной жизни мы видимъ замѣчательное различіе. Мы можемъ глазъ нашъ передъ свѣтомъ открыть и закрыть; ухо же наше мы не въ состояніи укрыть отъ звука. Точно такъ можемъ мы вознестись до вѣчной правды, открывая и закрывая для нея духовное око; но передъ голосомъ ея мы не можемъ, покрайней мѣрѣ навсегда, закрыть наше ухо. Въ этомъ то и заключается особенность совѣсти, этого законодателя и неподкупнаго судьи; она повелѣваетъ и осуждаетъ, еслибъ мы даже и не хотѣли ее слышать.—Кротокъ ея голосъ, когда мы ему слѣдуемъ; грозенъ, когда его не слушаемся. Для преступника, который усиливается не слушать её, она гремитъ какъ труба въ день страшнаго суда.

Ach, dass wir doch dem reinen, stillen Wink
Des Herzens nachzugehn so sehr verlernen!
Ganz leise spricht ein Gott in unsrer Brust,

Ganz leise, ganz vernehmlich, zeigt uns an,
Was zu ergreifen ist, und was zu fliehn.
(Iphigenie, von Goethe).

(Ахъ, для чего мы разучиваемся слѣдовать чистому, тихому призыву сердца! Тихо шепчетъ Богъ въ нашей груди; тихо, но совершенно понятно указываетъ онъ намъ, что̀ мы должны дѣлать и чего избѣгать).

Богъ, направляющій насъ къ добру и отклоняющій отъ зла, помогаетъ намъ познавать и истину. Такъ-какъ мы, по несомнѣнному откровенію Его, должны сознавать въ себѣ законъ нравственности и свободу, то всякое мнѣніе, не признающее или отвергающее одно и другое, должно быть по необходимости ошибочно. Богъ далъ намъ вѣсы, на которыхъ извѣшиваются мнѣнія и системы размышляющаго разума и многія изъ нихъ оказываются слишкомъ легкими. Сюда принадлежатъ всѣ системы *эвдемонизма*, которыя нравственно-доброе низводятъ на степень только полезнаго; а также и *детерминизма*, которыя не сознаютъ ни нравственной свободы, ни существа человѣка. Сюда принадлежитъ еще и то довольно распространенное и часто весьма остроумно выводимое ученіе, по смыслу котораго зло необходимо въ мірѣ, потому будто-бы, что безъ него добро не можетъ достигнуть высшей степени. Но если зло необходимо, то оно ужѐ не зло, и если добро не можетъ безъ зла развиться до высшаго совершенства, то зло составляетъ нѣчто очень хорошее: такимъ образомъ должно бы хвалить преступленія и пороки, какъ самыхъ сильныхъ двигателей къ добродѣтели. Но здѣсь очевидно *настоящее зло* поставлено вмѣсто *возможности зла*. Возможность зла, конечно, есть необходимое свойство свободныхъ тварей. Искушеніе, противъ котораго ратуетъ человѣкъ, доставляетъ ему побѣду. Каждая побѣдоносная борьба противъ себялюбія возводитъ на высшую нравственную ступень и наконецъ къ полнотѣ свободы, гдѣ

никакое зло не обольщаетъ уже испытанной добродѣтели, уже окрѣпшаго въ добрѣ характера. Конечно, побѣжденный въ бою и потомъ возвратившійся къ истинѣ можетъ, чрезъ это самое, стать на высшую степень, чѣмъ не испытанный еще, однакожъ не выше того, кто съ безпрерывно возрастающею силою побѣдоносно отражалъ искушеніе.—Человѣкъ, послѣ долгихъ нравственныхъ заблужденій возвращающійся къ истинѣ, стоитъ не такъ высоко, какъ тотъ, котораго цѣлая жизнь, всѣ усилія и всѣ жертвы, были посвящены истинѣ. Всякое мнѣніе, которое не считаетъ дѣйствительное зло какъ нѣчто неправомѣрное, быть недолженствующее, противорѣчитъ вложенному въ насъ Богомъ голосу справедливости. Свѣту не нуженъ мракъ; свѣтъ разгоняетъ мракъ.

Такимъ образомъ мы довели наши, хотя отрывочныя, разсужденія о человѣкѣ, въ различныхъ отношеніяхъ его къ природѣ, до той точки, гдѣ онъ, по высшему составу своему, стоитъ надъ земной природой и составляетъ звено духовнаго міра.

Наконецъ, мы спросимъ еще: какое же значеніе имѣетъ природа и какая цѣль ея? Она существуетъ не для одного, на землѣ живущаго человѣка; это доказывается тѣмъ, что человѣкъ находится въ соприкосновеніи только съ малою частію природы, а еще болѣе тѣмъ, что прошли великія геологическія эпохи прежде чѣмъ человѣкъ сталъ обитать землю. Повсюду въ природѣ видимъ мы осуществившіяся цѣли и единый, всѣмъ преобладающій, міровой планъ; и это заставляетъ насъ вѣровать въ конечную цѣль природы, въ окончательное довершеніе плана. Хотя намъ извѣстны только немногіе законы природы, однакожъ знаніе и этихъ немногихъ не позволяетъ сомнѣваться, что во всей вселенной владычествуютъ законы. Въ отношеніи человѣка природа—какъ бы преддверіе, средство къ образованію, органъ духа человѣческаго. Мы понимаемъ самихъ себя посредствомъ

природы. Растительное царство вырабатываетъ свое тѣло изъ элементовъ; имъ питается царство животныхъ; человѣкъ, какъ послѣднее звено, какъ глава земныхъ созданій, видитъ все ему предшествовавшее, пользуется всѣмъ для своего духовнаго развитія и совершенствованія. Природа существуетъ не для самой себя; она есть твореніе духа и для духа. «Создать этотъ міръ изъ простыхъ элементовъ, говоритъ Гёте, было бы для Творца мало; Онъ хотѣлъ на этомъ матеріальномъ подножіи основать разсадникъ для міра духовнаго. Такимъ образомъ Его дѣятельность проявляется всегда въ возведеніи низшихъ породъ къ высшимъ».

Мы сдѣлаемъ еще одинъ практическій вопросъ. Какимъ образомъ противодѣйствовать распространяемому популярными сочиненіями ложному, т. е. отвергающему духовное, пониманію природы? Полузнанію должно противупоставлять цѣлое знаніе. Та́къ мы видѣли, что только высшее развитіе сравнительной анатоміи открыло неизмѣнный законъ типа. Такъ, химія—въ своемъ обширномъ совершенствованіи—дознала цѣлесообразное устройство природы; она доказала, напр. ка́къ растенія приготовляютъ изъ элементовъ пищу для животныхъ, или ка́къ выдыхаемая животными углекислота служитъ питаніемъ для растеній, которыя съ своей стороны возвращаютъ воздуху кислородъ, необходимый животнымъ для дыханія и произведенія животной теплоты.

Мы не хотимъ, впрочемъ, отрицать, чтобъ одностороннее изученіе природы не вело къ натурализму или детерминизму, потому-что природа *отдѣльно* разсматриваемая, проявляетъ *преимущественно законъ необходимости*, отъ чего иные и толкуютъ только о вѣчныхъ законахъ природы, какъ будто нѣтъ и другихъ законовъ, напр. этическихъ, которые съ такимъ же пра́вомъ можно назвать вѣчными. По этому-то великіе естествоиспытатели не рѣдко чувствовали необходимость, такъ сказать, дополнять себя въ противо-

положномъ направленіи духа. Кювье, напр. ежедневно читалъ древнихъ классиковъ, а Вернеръ, этотъ старѣйшина въ геологіи, занимался сравнительной лингвистикой. Значительные успѣхи этой науки въ новѣйшее время составляютъ также дополняющую параллель успѣхамъ въ естествовѣдѣніи. Если въ природѣ проявляется преимущественно законъ необходимости, то въ языкѣ обнаруживается законъ свободы. На основѣ логической необходимости и соотвѣтственно устроенію говорящихъ органовъ, образуется свободно самый языкъ, соотвѣтственно характеру, чувствованію прекраснаго и духовному развитію народовъ. Поэтому желалательно, чтобы при воспитаніи юношества, тщательное изученіе языковъ было принято въ основаніе, не только какъ средство къ другимъ наукамъ, но какъ самоправное образовательное средство, какъ первоначальная философія человѣчества.—Наконецъ, едва ли нужно упоминать, что одностороннему натурализму не можетъ помочь одностороннiй спиритуализмъ, слѣпому вѣрованію въ природу какое нибудь другое слѣпое же вѣрованіе, словомъ сказать, одной односторонности другая протувоположная односторонность. Такъ-какъ въ различнѣйшихъ сферахъ жизни очень часто господствуютъ одни и тѣже законы, потому-что одна сфера міра отражаетъ другую, то да будетъ намъ позволено въ параллель выше изложенному мнѣнію, привесть слѣдующій анекдотъ. Когда въ 1821-мъ году реакціонерная партія во Франціи стремилась захватить въ свои руки правленіе, Людовикъ XVIII сказалъ слѣдующія слова одному государственному сановнику, къ которому онъ питалъ особую довѣренность и изъ устъ котораго вскорѣ послѣ того слышалъ ихъ пишущій эти строки: «Смотря на эту партію, я всегда припоминаю себѣ одну сцену, которой я былъ свидѣтелемъ въ Неаполѣ. Погонщикъ ословъ, порядочно пьяный, пытался напрасно вскарабкаться на своего осла. Тогда онъ обра-

тился къ св. Антонію съ мольбой, чтобъ онъ ему помогъ. При новомъ усиліи, онъ дѣйствительно успѣлъ сѣсть на осла, но тотчасъ же упалъ съ другой стороны. Тутъ онъ вскричалъ: E troppo, Santo Antonio!»

Глубокій смыслъ въ легкой шуткѣ не трудно понять, и мы примѣняемъ его здѣсь къ одностороннимъ направленіямъ науки. Истина находится не въ крайностяхъ, но и не въ срединѣ между ними; средина составляетъ только безсильную, безучастную точку, и когда все въ движеніи, она становится колеблющеюся срединой. Настоящая средина не *между*, а *надъ* крайностями; она примиряетъ противуположности, возводя ихъ до высшаго, ихъ уравнивающаго единства.

До сихъ поръ мы имѣли преимущественно въ виду разъяснить высшую природу человѣка и доказать независимость его духа отъ матеріальной природы. Теперь спросимъ ка̀къ думали объ этомъ, для человѣка важнѣйшемъ вопросѣ, великіе мужи, возведшіе естественныя науки до настоящей ихъ высоты.

Коперникъ, основатель новѣйшей астрономіи, сочинилъ самъ надгробную надпись себѣ, въ которой смиреніе рѣзко отличается отъ самовосхваленія многихъ послѣдователей его. *Кеплеръ*, великій мыслитель, великій человѣкъ, передъ которымъ каждый естествоиспытатель преклонитъ свою главу, который первый извѣдалъ пути планетъ, окончивъ свое сочиненіе «о гармоніи міровъ,» написалъ въ концѣ этой книги: «Благодарю тебя, Создатель мой и Господь, что ты сподобилъ меня радоваться твоему созданію и восхищаться дѣлами рукъ Твоихъ. Величіе Твоихъ дѣлъ я повѣдалъ на сколько мой конечный духъ могъ понять Твою безконечность. Если я сказалъ что-нибудь недостойное Тебя или къ возвышенію своей славы, прости мнѣ многомилостиво»; и въ другомъ мѣстѣ: «Близокъ день, въ который мы узнаемъ чистую

истину въ книгѣ природы и въ свящ. писаніи, и будемъ радоваться гармоніи обоихъ откровеній». Доказательствомъ того, какъ Кеплеръ смотрѣлъ на независимость духа отъ матеріальной природы, можетъ служить составленная имъ самимъ надгробная надпись:

Mensus eram coelos, nunc terrae metior umbras;
Mens coelestis erat, corporis umbra jacet.

Ньютона строгія христіанскія правила извѣстны. Изъ новѣйшихъ ученыхъ (не говоримъ о живыхъ), *Гумфри Деви* высказываетъ въ «Послѣднихъ дняхъ естествоиспытателя» (Consolations in travel), въ нѣсколькихъ мѣстахъ, свое вѣрованіе въ неразрушимость человѣческой личности. Мы приведемъ только слѣдующія слова его: «Вліяніе религіи переживаетъ всѣ радости земныя; оно усиливается чѣмъ болѣе органы дряхлѣютъ и тѣло близится къ своему разложенію; оно подобно свѣтлой вечерней звѣздѣ на горизонтѣ жизни, которая, мы въ томъ убѣждены, въ другое время явится звѣздой утренней и устремитъ свои лучи сквозь тѣни и мракъ смерти». (стр. 240).

Эрстедъ, который открытіемъ отношеній магнитизма къ электричеству (1820) пролилъ новый свѣтъ на связь міровыхъ силъ, говоритъ въ своемъ сочиненіи «Духъ природы»— (Geist der Natur), что сущность изслѣдованій заключаетъ въ себѣ изысканіе Вѣчнаго въ предметахъ, и пытается показать,» какъ самое существо науки требуетъ, чтобы ея обработка развивалась до религіи». Въ одной рѣчи онъ сказалъ: «Безсмертная слава нашего имени—мысль великая, достойная трудовъ. Но если бъ безсмертіе имени не было поддерживаемо надеждой на высшее безсмертіе, еслибъ оно не было земнымъ отблескомъ вѣчной жизни, оно было бъ ни что иное, какъ пустой призракъ, безтѣлесная тѣнь, радуга безъ обѣтованія, которая сквозь капли земной матеріи не выказываетъ сіянія высшаго свѣта.»

Можно бы привести еще многихъ знаменитыхъ естествоиспытателей, которые были твердо убѣждены въ неразрушимости человѣческаго духа. Относительно двухъ ученыхъ мужей, Ампера и Кильмейера, оказавшихъ естественнымъ наукамъ величайшія услуги, пишущій сіи строки можетъ въ этомъ положительно удостовѣрить. *Амперъ* питалъ непоколебимое религіозное убѣжденіе и часто разговаривалъ о томъ съ сочинителемъ этой статьи, въ то самое время, когда онъ объяснялъ ему свое открытіе по предмету динамическаго электричества. У смертнаго ложа Ампера (1836), одинъ изъ друзей его хотѣлъ прочесть ему какое-то мѣсто изъ «Послѣдованія Іисусу Христу». Амперъ сказалъ ему: «я знаю эту книгу наизусть.» Это были послѣднія слова его.—Въ послѣднемъ разговорѣ съ сочинителемъ этой статьи, *Кильмейеръ* выразилъ свое мнѣніе о неразрушимой природѣ человѣческаго духа такъ: «человѣкъ ужѐ и въ старости (указывая на себя) утрачиваетъ многое; однакожъ, все, что̀ существенно принадлежитъ человѣческому духу, проясняется снова.»

Выше мы привели мнѣніе великаго поэта, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достойный естествоиспытатель, на счетъ предназначенія природы быть разсадникомъ человѣческаго духа, мы и заключимъ нашу статью его же словами относительно предназначенія человѣческаго духа: «Я никакъ не хочу лишить себя счастія вѣровать въ будущую жизнь; я сказалъ бы даже вмѣстѣ съ Лоренцо, что всѣ, не чающіе будущей жизни, мертвы уже *въ этой* жизни».

II.

О НЕОРГАНИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ И ОРГАНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(Изъ лекціи Либиха, читанной имъ $\frac{7}{19}$ Января 1856 г).

Жизнь растеній зависитъ отъ принятія ими питательныхъ веществъ изъ воздуха, воды и земли. Тѣла эти безорудныя (неорганическія); изъ углекислоты, амміака и воды, изъ кислотъ: сѣрной, фосфорной и кремневой, изъ щелочей и желѣза—созидаются элементы для живущихъ созданій. Однакожъ, совершающійся въ растеніи процесъ противоположенъ процесамъ неорганическимъ. Въ неорганической природѣ господствуетъ механизмъ и химизмъ; распаденіе камней, разрушеніе горныхъ массъ зависитъ отъ измѣненій температуры, отъ вліянія воды и воздуха. Органическое существо, по смерти, обращается, чрезъ химическое дѣйствіе кислорода, въ первоначальныя соединенія, изъ которыхъ образовалось тѣло. Но въ живомъ организмѣ растенія вода, воздухъ, кислородъ и углекислота теряютъ свой химическій характеръ. *Внѣ* дѣйствующихъ въ растеніи жи-

выхъ силъ, кислородъ проявляетъ свое сродство къ сгараемымъ элементамъ угля, водорода; но *внутри* растенія кислородъ выдѣляется изъ воды, изъ углекислоты, и проводится чрезъ листья въ атмосферный воздухъ. Жизненный процесъ растенія совершенно противоположенъ процесу окисленія, происходящему въ неорганической природѣ; первый есть процесъ возстановленія.—Большая часть образующихся въ растительномъ организмѣ и выдѣляющихся изъ него продуктовъ содержатъ въ себѣ кислородъ и, кромѣ того, еще отъ двухъ до четырехъ элементовъ сгараемыхъ; изъ этихъ-то трехъ, или много-пяти элементовъ составляется тотъ безконечный рядъ органическихъ соединеній, которыхъ свойства столь чрезвычайно разнообразны. Если вы сравните волокно хлопчатой бумаги съ молочнымъ сахаромъ и щавелевой кислотой, васъ тотчасъ же поразитъ необыкновенное различіе этихъ веществъ. Между тѣмъ, химическій анализъ показываетъ, что эти тѣла заключаютъ въ себѣ кислородъ, водородъ и углеродъ совершенно въ одной и той же пропорціи. Такъ точно тростниковый сахаръ и камедь (гумми) сложены изъ совершенно равныхъ составныхъ частей. Всѣмъ извѣстно, что въ кипящей водѣ яйцо твердѣетъ, при этомъ въ составѣ бѣлка ничто не измѣняется, ничто извнѣ къ нему не присоединяется, ничто не отнимается; только элементы его принимаютъ другое расположеніе, и такой перемѣнѣ соотвѣтствуютъ теперь другія свойства. Точно также и различіе между тростниковымъ сахаромъ и камедью, между щавелевой кислотой и волокномъ хлопчатой бумаги, зависитъ только отъ различнаго расположенія однихъ и тѣхъ же элементовъ, находящихся въ нихъ въ одинаковой пропорціи. Стрихнинъ содержитъ въ себѣ углеродъ, азотъ и элементы воды; на живущее тѣло онъ дѣйствуетъ какъ страшнѣйшій ядъ. Въ хининѣ тѣ же элементы и въ той же пропорціи; однакожъ, она дѣйствуетъ на организмъ какъ

спасительное врачебное средство. Коффеинъ состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ; мы пьемъ его ежедневно въ чаѣ и кофе, и не видимъ въ немъ ни ядовитыхъ, ни врачебныхъ свойствъ. Всѣ вещества, образующія кровь, содержатъ въ себѣ азотъ, углеродъ и элементы воды. Нѣтъ никакой возможности ядовитыя, врачебныя или питательныя свойства стрихнина, хинины и проч. приписать углероду, азоту или элементамъ воды. Чрезвычайное различіе ихъ свойствъ зависитъ отъ порядка расположенія въ нихъ элементовъ; въ одномъ извѣстномъ расположеніи они останавливаютъ жизненный процесъ, въ другомъ ему содѣйствуютъ, въ третьемъ только поддерживаютъ его. Итакъ, *химическій элементарный анализъ не представляетъ никакихъ данныхъ къ обсужденію или объясненію свойствъ органическихъ соединеній;* потому-то всѣ усилія химиковъ направлены въ новѣйшее время къ тому, чтобъ изслѣдовать, открыть порядокъ расположенія элементовъ въ различныхъ продуктахъ растительной жизни, такъ-какъ отъ этого порядка зависятъ и самыя ихъ дѣйствія.

Еслибъ химикъ, съ своей точки зрѣнія, подвергъ химическому анализу, напр. *домъ*, онъ сказалъ бы, что домъ состоитъ изъ кремнія, кислорода, глинія, кальція, небольшаго количества желѣза, свинца и мѣди, изъ углерода и элементовъ воды; но отъ такого объясненія вы не получили бы ни малѣйшаго понятія объ устройствѣ дома. Кальцій, углеродъ и кислородъ, составляющіе кирпичъ,—углеродъ, водородъ и кислородъ, производящіе дерево,—дѣйствуютъ не какъ элементы, но какъ известковый растворъ и камень, изъ которыхъ выводятся стѣны, какъ стекло, которое употребляется въ окна, какъ дерево, изъ котораго приготовляются столы, стулья: тогда только, когда эти элементы будутъ соединены въ видѣ дерева, кирпича, стекла и пр. составится домъ. Еслибъ кто нибудь захотѣлъ вамъ доказать,

что королевскій дворецъ, съ его внутреннимъ устройствомъ, со статуями и картинами, возникъ самъ собой отъ дѣйствія силъ природы, которыя случайно встрѣтились и расположили элементы такъ, что изъ нихъ образовался дворецъ, потому-будто, что строительный растворъ состоитъ изъ химическаго соединенія углекислоты съ известью, что камни, стекло, состоятъ изъ кремнія, глинія, кальція, калія и кислорода, которые соединяются, при посредствѣ химическаго сродства, и получаютъ твердость отъ силы сцѣпленія,—словомъ сказать, что въ постройкѣ дворца участвовали одни химическія и физическія силы,—вы отвѣчали бы ему улыбкой сожалѣнія, потому-что знаете какимъ образомъ строится дворецъ.—Наружный видъ, внутреннее расположеніе—все исходитъ отъ строителя; онъ возводитъ дѣйствительный домъ по образцу идеальнаго дома, не существующаго внѣ его ума; зачатую и завершенную въ умѣ идею онъ осуществляетъ въ самой постройкѣ, помощію силъ, которыя рождаются въ организмѣ человѣка и привлекаютъ къ услугамъ идеи тѣ силы химическія и физическія, отъ коихъ строительный матеріалъ получилъ свои свойства. Всегда и повсюду постройкѣ дома предшествуютъ *идея* дома, и *причина*, которая въ извѣстныхъ направленіяхъ, въ извѣстномъ порядкѣ, двигаетъ другія силы и пользуется ими для достиженія предположенной цѣли.

Въ строеніи и развитіи какъ самаго крошечнаго, такъ и самаго огромнаго растенія, вы видите вещество, сложившееся въ формы такой тонкости, такой правильности и въ такомъ порядкѣ, которые далеко превосходятъ все, что мы видимъ въ устройствѣ дома; и въ каждой породѣ растеній повторяется одна и та же идея, которую мы, по ея неизмѣнности, признаемъ за законъ природы. Наконецъ, мы видимъ передъ собой нѣчто готовое цѣлое, которое, въ извѣстное время, въ сѣмяни воспроизводитъ само себя. Въ формахъ,

въ стройномъ, порядочномъ развитіи, понимаемъ мы цѣль и идею; но чувства наши только въ самомъ созданіи познаютъ строителя; мы не видимъ силу, которая одолѣваетъ сопротивляющійся матеріалъ и заставляетъ его принять установленныя формы и подчиниться извѣстному порядку. Однакожъ, нашъ разумъ постигаетъ, что идея имѣетъ Творца и что въ живомъ тѣлѣ есть причина, которая господствуетъ надъ химическими и физическими силами матеріи и соединяетъ ее въ формы, никогда внѣ организма не проявляющіяся.

Всѣ сложенія неорганическихъ тѣлъ ограничены прямыми плоскостями и прямыми линіями; всѣ сложенія, заключающія въ себѣ органическую дѣятельность, ограничены кривыми плоскостями и кривыми линіями; стало-быть, въ органическихъ тѣлахъ должна дѣйствовать причина, искривляющая прямую линію.

Только недостаточное знаніе неорганическихъ силъ приводитъ иныхъ къ отрицанію существованія особой, въ органическихъ существахъ дѣйствующей силы, приводитъ къ тому, что неорганическимъ силамъ приписываются дѣйствія, которыя несвойственны ихъ природѣ и противорѣчатъ ихъ законамъ. Они не знаютъ, что при каждомъ химическомъ соединеніи предполагается не одна, а три причины; видообразовательная сила сцѣпленія или кристаллизація, при содѣйствіи теплоты, управляетъ всегда химическимъ сродствомъ въ его проявленіяхъ и обусловливаетъ порядокъ сложенія кристалла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его свойства. Въ живомъ тѣлѣ присоединяется къ тому еще четвертая причина, которая, управляя силой сцѣпленія, совокупляетъ элементы въ новыя формы, отъ чего они пріобрѣтаютъ новыя свойства —формы и свойства, не существующія внѣ организма. Если справедливо, что въ неорганической природѣ существуетъ сила сцѣпленія, образующая формы, то столь-

ко же истинно и то, что въ организмахъ дѣйствуетъ сила— причина движенія и сопротивленія,—которая противоборствуетъ силѣ сцѣпленія и проявленіямъ ея, которая прекращаетъ дѣйствія кислорода и самыхъ сильныхъ химическихъ притяженій, и даже даетъ имъ другое направленіе. Если вы пристально всмотритесь въ тѣхъ людей, которыми поддерживается *матеріализмъ*, вы тотчасъ замѣтите, что они не принадлежатъ къ той сферѣ, гдѣ изслѣдованіе химическихъ и физическихъ силъ составляетъ великую задачу. Ни одинъ настоящій химикъ или физикъ никогда еще съ ними не соглашался. И если вы спросите нашихъ знаменитыхъ физіологовъ, которымъ мы обязаны открытіемъ фактовъ, служащихъ опорой отрицателямъ жизненной силы, они скажутъ вамъ, что такой выводъ, такое мнѣніе, ни на чемъ не основаны и ни чѣмъ не подтверждаются. Это мнѣніе дилеттантовъ, которые, прогуливаясь вдоль границъ области изслѣдованія природы, присвоиваютъ себѣ право толковать невѣжественной и легковѣрной толпѣ, какимъ образомъ возникли міръ и жизнь, и какъ далеко человѣкъ зашелъ въ изслѣдованіи высшихъ предметовъ, и толпа вѣритъ имъ точно такъ же, какъ она вѣрила въ движущіеся, пишущіе и говорящіе столы.

Эти дилеттанты говорятъ вамъ, что органическія существа состоятъ изъ углерода, водорода, азота, кислорода и сѣры, и что въ столкновеніи этихъ тѣлъ, отъ присущихъ имъ силъ, могли образоваться когда-то составныя части клѣточки, сама клѣточка и весь организмъ. Химикъ можетъ въ своей лабораторіи произвесть много веществъ, которыя производитъ только растеніе или животное въ своемъ организмѣ; онъ можетъ изъ дерева приготовить сахаръ, составить тауринъ желчи и мочевину; но никогда углеродъ *самъ собой*, вмѣстѣ съ водородомъ и азотомъ, не производилъ подобнаго химическаго соединенія, а тѣмъ менѣе органической

образовательной матеріи; и то, что̀ выше сказанные дилетанты называютъ органическими соединеніями, суть только химическія, въ которыхъ содержатся составныя части органическихъ соединеній. Тауринъ изъ желчи и тауринъ изъ лабораторіи ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другаго; такое соединеніе образовалось посредствомъ химическихъ, а не органическихъ силъ. Это ясно какъ солнце: въ живомъ тѣлѣ дѣйствуютъ и химическія силы. Что̀ химія тридцать лѣтъ тому назадъ утверждала, то она теперь доказываетъ. Подъ вліяніемъ не-химической причины дѣйствуютъ въ организмѣ также и химическія силы. Только вслѣдствіе этой преобладающей причины, а не сами собой, слагаются элементы и составляютъ мочевину, тауринъ, точно такъ какъ разумная воля химика заставляетъ ихъ сложиться внѣ тѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что химикъ найдетъ возможность произвесть хинину, коффеинъ, растительныя красящія вещества и всѣ тѣ соединенія, которыя имѣютъ не жизненныя, а только химическія свойства, коихъ малѣйшія частички слагаются въ кристаллы, коихъ форму и видъ опредѣляетъ сила не органическая. Но никогда химія не воспроизведетъ въ своей лабораторіи клѣточку, мускульное волокно, нервъ, словомъ сказать, дѣйствительно органическую, одаренную жизненной силой частицу организма или самый организмъ. Неорганическія силы творятъ всегда только неорганическое; посредствомъ дѣйствующей въ живомъ тѣлѣ высшей силы, распоряжающейся силами неорганическими, образуется вещество органическое, своеобразно сформированное, отличное отъ кристалла и одаренное свойствами жизненными. Не далѣе ста лѣтъ вѣрили тому, что рыба и лягушки зараждаются сами собой въ болотахъ, а растенія и всякія насѣкомыя возникаютъ въ подверженныхъ броженію, гніющихъ тѣлахъ, въ сырыхъ древесныхъ опилкахъ. Еслибъ это было справедливо, то, конечно, можно бы допустить, что при по-

добныхъ обстоятельствахъ и человѣкъ могъ бы зародиться. Однако, точное излѣдованіе природы доказало, что всѣ эти, за истину принимавшіяся, мнѣнія основаны на ложныхъ, поверхностныхъ наблюденіяхъ. Во всѣхъ изслѣдованныхъ случаяхъ найдены зародыши и сѣмяна растеній, яички животныхъ, изъ которыхъ онѣ и возросли, но яичко и сѣмя происходятъ отъ организма. Нѣкоторые философы утверждали, что жизнь, подобно матеріи, существовала отъ вѣка, не имѣла начала. Точное изслѣдованіе природы доказало, что въ извѣстный періодъ, температура возвышалась до такой степени, что невозможна была никакая органическая жизнь; уже при 78° теплоты створаживается кровь. Оно доказало, что органическая жизнь на землѣ имѣла начало. Эти истины столь важны, что еслибъ онѣ составляли единственныя пріобрѣтенія текущаго столѣтія, то и въ такомъ случаѣ философія была бы обязана благодарностію естественнымъ наукамъ.

Тѣ же дилеттанты въ естественныхъ наукахъ, тѣ же дѣти въ познаніи законовъ природы, утверждаютъ и хотятъ увѣрить толпу, что они въ состояніи дать объясненія относительно возникновенія мыслей, относительно природы и существа духа. Духовный человѣкъ, говорятъ они, есть продуктъ его собственныхъ чувствъ; мозгъ производитъ мысли посредствомъ измѣненія мозговаго вещества, и относится къ нимъ, какъ печень къ желчи. Какъ вмѣстѣ съ печенью уничтожается желчь, такъ вмѣстѣ съ мозгомъ уничтожается духъ.

Если выводы этихъ людей обнажить отъ блестокъ и мишуры, отъ всѣхъ поверхностныхъ доказательствъ, которыя въ дѣйствительности, въ глазахъ изслѣдователей и мыслителей, не что иное какъ свѣтлый туманъ, тогда останется только то, что ноги существуютъ для ходьбы, а мозгъ для мышленія, что мышленію надобно учиться, какъ дитя учится

ходить, что безъ ногъ мы не можемъ ходить, а безъ мозгу — мыслить; что повреждені ноги измѣняетъ ходьбу, а поврежденіе мозга измѣняетъ мышленіе. Однако, мясо и кости, изъ которыхъ состоятъ ноги, сами не двигаются; ихъ двигаетъ причина, которая сама ни мясо, ни кости, ноги — только орудія силы; мягкая масса, называемая мозгомъ, сама не мыслитъ; она только орудіе причины, производящей мысли. Мозгъ — единственный внутренній органъ, на который сила воли человѣческой дѣйствуетъ непосредственно; ни на движеніе сердца, ни на дѣятельность желудка воля не имѣетъ прямаго вліянія. Глазъ не видитъ свѣта или тѣла, ухо не слышитъ музыку; они только орудія, служащія къ познанію свѣтовыхъ и звуковыхъ волнъ.

Дилеттанты утверждаютъ, что мысли суть продукты измѣненія мозговаго вещества, точно такъ какъ желчь есть продуктъ печени. Но физіологія до сихъ поръ ничего не знаетъ объ отношеніяхъ, существующихъ между желчью и измѣненіемъ вещества печени; а то, что химія по этому предмету обнаружила, доказываетъ, что элементы желчи не имѣютъ никакого отношенія къ элементамъ печени. Духовный человѣкъ не есть продуктъ своихъ чувствъ; напротивъ, дѣйствія чувствъ суть продукты разумной воли человѣка.

Мы знаемъ, что измѣненіе вещества производитъ силу въ паровой машинѣ. Дерево, уголь сгараютъ, они измѣняютъ свои свойства, соединяясь съ кислородомъ. Вслѣдствіе этого сгаранія происходитъ теплота, превращающая воду въ паръ; сей послѣдній напираетъ на стѣны котла и тѣмъ приводитъ машину въ движеніе. Чрезъ измѣненіе вещества въ гальваническомъ столбѣ, чрезъ раствореніе металла въ кислотѣ, образуется электрическій токъ; если его провесть чрезъ металлическую проволоку, то онъ сдѣлаетъ ее магнитомъ; магнитъ одаренъ свойствомъ притяженія, которое, будучи пре-

вращено въ давленіе, сообщаетъ движеніе машинѣ. Все заставляетъ насъ полагать, что и въ животномъ тѣлѣ механическая сила, обусловливающая произвольное и непроизвольное движеніе членовъ, находится въ связи съ измѣненіемъ вещества, и именно въ мышечной системѣ; но въ какомъ отношеніи?—Это еще вовсе неизвѣстно. Мы знаемъ только, что сила не производится въ организмѣ какъ въ паровой машинѣ, и что ее невозможно объяснить по извѣстнымъ намъ законамъ электричества. Мы знаемъ, что измѣненіе вещества происходитъ во всѣхъ частяхъ тѣла, что расходованіе механической силы имѣетъ вліяніе на всѣ орудія, на весь механизмъ тѣла, что воля утомленнаго отъ ходьбы или работы человѣка теряетъ часть своего могущества надъ орудіемъ мышленія, мозгомъ; что же касается до измѣненія мозговаго вещества, для произведенія мыслей, о томъ естествовѣдѣніе рѣшительно ничего не знаетъ; все, что намъ извѣстно въ этомъ отношеніи, ограничивается неоспоримой истиной, что голова безъ мозгу не мыслитъ и не чувствуетъ.

Естествоиспытатели, желавшіе дѣйствительно узнать законы органической жизни, и замѣтившіе, что въ ней дѣйствуютъ химическія и физическія силы, обратили на нихъ свое особенное вниманіе; сначала они исключили жизненную силу изъ своихъ изслѣдованій, для того, чтобъ видѣть до какой степени физика и химія могутъ объяснить жизнь и ея проявленія; тамъ, гдѣ этихъ наукъ недостаточно, вступаетъ въ дѣйствіе новый, еще неизвѣстный, принципъ, который тотчасъ же обозначается и ближе опредѣляется. Этого метода исключенія многіе не знали, не разумѣли, а отъ того они и полагали, что тѣ ученые отвергали своеобразную органическую жизнь, которые пытались опредѣлить ея физическія и химическія условія.

Однакожъ, отвергая ученіе матеріалистовъ, надобно принять въ уваженіе, что мнѣнія ихъ въ сущности, не болѣе

какъ крайнее слѣдствіе реакціи противъ ученій, господсвотвавшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Натурфилософской физіологіи не доставало основы точнаго изслѣдованія, опыта; всѣ явленія питанія, дыханія, движенія, объясняла она единственной, воображаемой причиной, которую назвала жизненной силой. Въ органическомъ тѣлѣ, думала она, химическія и физическія силы не участвуютъ; нужное тѣлу желѣзо, какъ и теплоту, оно производитъ своими способами. Но точное изслѣдованіе природы показало, что дѣйствительно *всѣ силы матеріи* принимаютъ участіе въ органическомъ процесѣ, между тѣмъ какъ крайняя реакція утверждаетъ теперь, въ противность прежнему мнѣнію, что *только* химическія и физическія силы объусловливаютъ явленія жизни, и что вообще никакая другая сила въ тѣлѣ не дѣйствуетъ. Но точно такъ какъ прежніе натурфилософы не могли доказать, что ихъ жизненная сила все творитъ, такъ и вчерашніе матеріалисты не могутъ представить доказательства, что такое дѣйствіе принадлежитъ только неорганическимъ силамъ, и что ихъ однихъ достаточно для произведенія организма, даже духа. Всѣ ихъ толкованія какъ тогда, такъ и теперь, основываются не на знаніи, а на невѣдѣніи явленій.—Истина превыше всѣхъ односторонностей; она признаетъ въ органической жизни видообразовательный принципъ и господствующую идею въ химическихъ и физическихъ силахъ.

III.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ БЮХНЕРА «KRAFT UND STOFF» (СИЛА И ВЕЩЕСТВО).

Г. Бюхнеръ издалъ, подъ заглавіемъ «Kraft und und Stoff» компиляцію матеріалистическихъ положеній и объявилъ, что онъ самъ ничего новаго не предлагаетъ. Онъ только хочетъ предложенное другими высказать ясно и вразумительно; онъ хочетъ, чтобъ торжествовала одна истина. Все это въ порядкѣ, потому-что только истина *сама по себѣ* имѣетъ настоящее достоинство, а не то, что люди часто выдаютъ *за* истину. Поэтому о человѣческихъ понятіяхъ объ истинѣ можно спорить, и удалось ли кому нибудь изъ смертныхъ постигнуть чистую истину—это еще вопросъ. Г. Бюхнеръ думаетъ, что онъ ее постигъ и высказываетъ это съ дерзкою самоувѣренностію. Онъ старается доказать всѣми силами, что ему извѣстна абсолютная истина.... Чтобъ подкрѣпить и доказать непогрѣшимость своихъ положеній, г. Бюхнеръ приводитъ безчисленное множество авторитетовъ. Противъ этого нельзя бы ничего сказать, если бы всѣ приводомые г. Бюхнеромъ авторы, у которыхъ онъ заимствовалъ выхваченные изъ общей связи отрывки, говорили и доказывали

въ своихъ сочиненіяхъ то, что говоритъ и доказываетъ г. Бюхнеръ. Но чтобъ, напр. Либихъ, Эрстедъ и др. признавали матеріализмъ г. Бюхнера, въ этомъ можетъ онъ увѣрить только тѣхъ людей, которые незнакомы съ сочиненіями Эрстеда и Либиха и имѣютъ мало познаній въ естественныхъ наукахъ или и вовсе ихъ не имѣютъ.

Мы не чувствуемъ въ себѣ призванія, да и не стоитъ труда, блуждать съ г. Бюхнеромъ по лабиринту его вещественно-соединяющихся странствованій; мы предоставляемъ ему радоваться, что онъ не лучше звѣря, и что мудрость его есть продуктъ вѣчной матеріи; насъ удивляетъ только, какъ онъ, при твердомъ убѣжденіи въ непогрѣшимость своего ученія о матеріализмѣ, самъ себѣ противорѣчитъ. Такъ, напр. на стр. 155: «прирожденныя идеи»—сказано: «въ нашемъ умѣ нѣтъ ничего, что̀ бы не вошло туда чрезъ ворота чувствъ» (Молешотъ). — Молешотъ называетъ человѣка продуктомъ его чувствъ, «и въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ г. Бюхнеръ, безпристрастное наблюденіе показываетъ, что все что мы знаемъ, мыслимъ, чувствуемъ, есть *духовное* воспроизведеніе того что̀ мы, или другіе люди прежде насъ, пріяли извнѣ посредствомъ чувствъ». Стр. 157.—Противъ такого воззрѣнія на духовное воспроизведеніе нечего сказать; но если г. Бюхнеръ выводитъ отъ сюда заключеніе, что мыслящій, самосознающій человѣкъ съ его свободной волей, есть не иное что, какъ продуктъ своихъ чувствъ, или матеріи, то этому противорѣчитъ выставленное самимъ же Бюхнеромъ *духовное* воспроизведеніе. Чтожъ такое это духовное, самосознающее, добровольное совокупленіе и воспроизведеніе различныхъ, не имѣющихъ абсолютной связи, чувственныхъ впечатлѣній? Не прирожденная ли это идея, innata idea, надъ которою такъ издѣвается г. Бюхнеръ? Или, можетъ быть, она прирождена и присуща не человѣку, а самой матеріи, веществу? Г. Бюхнеръ вѣритъ послѣднему предположенію и усиливается под-

твердить это всѣми возможными и невозможными доказательствами, убѣжденіями и ссылками на авторитеты, но все-таки *доказать не можетъ.* Матерія и вещество останутся тѣмъ что они есть: элементы неизвѣстные, по существу своему для чувствъ неуловимые и являющіеся чувствамъ, всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ, бездушными и безсознательными. Самъ г. Бюхнеръ не будетъ и не можетъ утверждать, чтобъ измѣненіе, какъ равно химическое и механическое соединеніе этихъ элементовъ, могли въ нихъ произвесть что-нибудь не то, что въ нихъ уже отъ вѣка было. Г. Бюхнеръ на стр. 15 говоритъ именно: «вещество должно существовать, въ томъ или другомъ видѣ или соединеніи, чтобы произвесть какой-нибудь образъ или имѣть возможность въ немъ участвовать. Атомъ кислорода, азота, желѣза, *вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ* остается неизмѣннымъ, одаренъ *однѣми и тѣми же* ему присущими свойствами, и *никогда* не можетъ быть инымъ».—И откуда же, не смотря на это, по словамъ самого г. Бюхнера, вещество пріобрѣтаетъ, какъ deus ex machina, духовное воспроизведеніе, самосознаніе? Но по всѣмъ нашимъ чувственнымъ постиженіямъ и опытамъ, вещество *никогда и нигдѣ*, внѣ человѣка, этого не имѣло и во вѣки имѣть не будетъ, какъ то высказалъ выше самъ г. Бюхнеръ, и подтверждаетъ его авторитетъ, Молешотъ, стр. 1, говоря: «азоту, углероду, водороду и кислороду, сѣрѣ и фосфору присущи ихъ свойства отъ вѣка». Также и Дюбуа-Реймонъ объясняетъ: «свойства ихъ отъ вѣка, не могутъ быть уничтожены или переданы».—Какимъ образомъ разрѣшитъ г. Бюхнеръ такія явныя противорѣчія самому себѣ и своимъ матеріалистическимъ авторитетамъ?

Что̀ собственно такое: матерія, атомъ, частичка, вещество,—этого не знаютъ сами матеріалисты и г. Бюхнеръ признается откровенно (стр. 22), что это только ученыя понятія, слѣдовательно, *ипотезы*, а *не реальности*, уловимыя

чувствами. Столь же мало знаютъ они существо такъ-называемыхъ невѣсомыхъ: эѳира, электричества, магнитизма, свѣта, теплоты.—Органическая сила, духъ и матерія—не матеріальны; мы не можемъ схватить ихъ руками, мы познаемъ ихъ только въ ихъ дѣйствіяхъ; но то что̀ въ нихъ дѣйствуетъ, мы не можемъ постигнуть нашими чувствами, и авторитетъ Бюхнера, Дюбуа-Реймонъ, говоритъ даже (стр. 1) черствыми словами: «если углубимся до основанія, то вскорѣ сознаемъ, что нѣтъ ни силъ ни матеріи.» Вотъ честное и откровенное признаніе, что матеріалисты, со всею ихъ наукой, ничего не знаютъ. Молешотъ, напротивъ, отдѣлывается очень легко и удобно своимъ объясненіемъ, что «сущность вещей есть сумма ихъ свойствъ—и человѣкъ сумма или продуктъ своихъ чувствъ.» Но подобныя объясненія ничего не объясняютъ и, по выслушаніи такого прорицательнаго изреченія, мы не дѣлаемся умнѣе прежняго. Г. Бюхнеръ согласится, конечно, что ни свойства, ни чувства, сами по себѣ, не суть вещества или тѣла, и что—если человѣкъ, съ его мыслями, долженъ быть продуктомъ чувствъ, то именно потому онъ не можетъ въ то же время быть и продуктомъ вещества. На послѣднее г. Бюхнеръ долженъ согласиться, хотя противъ себя, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же не одобряетъ изреченія своего оракула Фохта, стр. 149, что «мысль относится къ мозгу, какъ желчь къ печени, или моча къ почкамъ.» Г. Бюхнеръ дружески поправляетъ своего учителя въ матеріализмѣ, пытаясь растолковать ему, что «подобно тому какъ мозгъ производитъ мысли, такъ и паровая машина производитъ движеніе.» — «Перепутанное *органическое* сложеніе одаренныхъ силою веществъ въ тѣлѣ животныхъ, говоритъ Бюхнеръ, есть общій итогъ дѣйствій, которыя, будучи совокуплены въ единицу, называются нами духъ, душа, мысли. Этотъ итогъ силъ, *нематеріальный*, можетъ столь же мало быть познаваемъ *непо-*

средственно чувствами, какъ и всякая другая сила: магнитизмъ, электричество и пр.; мы можемъ ихъ конструировать, по ихъ проявленіямъ, только *идеально*.—Мы опредѣлили силу какъ свойство вещества, и видѣли, что онѣ неразрывны (т. е. сила и вещество); но при всемъ томъ понятно, что онѣ лежатъ далеко другъ отъ друга и въ нѣкоторомъ смыслѣ (?) даже отрицаютъ другъ друга. Покрайней мѣрѣ мы не знаемъ, можно ли духъ, силу, объяснить иначе, какъ чѣмъ-то *нематеріальнымъ*, *матерію исключающимъ* и ей *противоположнымъ*.»—Таково опредѣленіе г. Бюхнера; онъ философствуетъ на свой ладъ и самъ не знаетъ ка̀къ и что̀ опредѣлять; но вотъ авторитетъ его, Дюбуа-Реймонъ, помогаетъ ему въ бѣдѣ, говоря безъ обиняковъ: «нѣтъ силъ, нѣтъ матеріи,»—слѣдовательно онѣ не могутъ другъ-друга исключать, не могутъ быть противоположны одна другой. И все-таки духъ, душа, мысль должны возникнуть изъ матеріи, которая сама ничто! Но какъ это можетъ и должно произойти—вотъ вопросъ, на который г. Бюхнеръ не умѣетъ дать отвѣта. И не странно ли, г. Бюхнеръ самъ сознается, что онъ не можетъ ни отвѣчать, ни сдѣлать понятнымъ чрезъ ворота чувствъ то, что онъ выставилъ на показъ и, въ потѣ лица своего, старается доказать посредствомъ огромной мнимой учености, расчитанныхъ, quasi остроумныхъ сопоставленій, обманчивыхъ убѣжденій, и ссылокъ на безчисленное множество авторитетовъ! Но сочинитель, не имѣя возможности однимъ аппаратомъ мнимой учености о «силѣ и веществѣ» сдѣлать свой догматъ достаточно понятнымъ, пускается на удачу отыскивать помощь въ нематеріальномъ, идеальномъ, въ духѣ, которому онъ, однакожъ, какъ неразрывному съ матеріею, не придаетъ никакого самостоятельнаго значенія. И по какому праву г. Бюхнеръ оскверняетъ нелѣпой насмѣшкой и матеріалистической желчью натуральную философію и память старика Окена,

хотя страннаго, но принесшаго во многихъ отношеніяхъ большую пользу естественнымъ наукамъ?—Правда, Окенъ называлъ міръ медвѣдицей, мущину вознесшейся наверхъ женщиной, а женщину спустившимся внизъ мущиной; однакожъ, его натуральная философія сохранила міру его живой организмъ, а мущинѣ и женщинѣ ихъ человѣческую природу, тогда какъ г. Бюхнеръ кипящій жизнію органическій міръ разбиваетъ въ мертвую, нестройную массу, всякую индивидуальность погружаетъ въ общую матеріалистическую грязь, а человѣка превращаетъ въ звѣря; женщину же, какъ еще ниже организованнаго звѣря, ставитъ ниже мущины; а негра объявляетъ совершенно неспособнымъ и недостойнымъ естества и правъ человѣчества, рожденнымъ только для вѣчнаго рабства! Философія Окена выражала гуманность, тогда какъ матеріализмъ г. Бюхнера и его сообщниковъ ведетъ къ звѣрству.

Сравненіе мозга съ паровой машиной дѣйствительно оригинально и великолѣпно; этимъ г. Бюхнеръ указалъ путь, по которому науки и человѣчество могутъ достигнуть неимовѣрныхъ успѣховъ. Подумайте только: если къ «общимъ силамъ», приводящимъ паровую машину въ движеніе, будетъ прибавлена еще какая-либо сила, то легко случиться можетъ, что машина не только будетъ двигаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтетъ и самосознаніе. Я удивляюсь, какъ матеріалистическая премудрость естествоиспытателей предоставила честь этой выдумки г. Бюхнеру, а не сама её произвела. Но постойте! честь этой выдумки или мысли не совсѣмъ-то принадлежитъ г. Бюхнеру; она только вполовину его и не но́ва; это только па́ромъ «подогрѣтыя картезіанскія щи.» Уже Картезій (Декартъ) сравнивалъ человѣческое тѣло съ машиной, разумѣется не паровой, которая тогда не была еще изобрѣтена. Слѣдовательно г. Бюхнеръ прибавляетъ только паръ къ машинѣ и человѣческое тѣло пре-

вращаетъ въ тѣло звѣря. Если онъ, по ученію Молешота, къ пару прибавитъ еще фосфора, что̀-то выйдетъ тогда изъ паровой машины! Посмотримъ. Молешотъ утверждаетъ: «нѣтъ мышленія безъ фосфора (стр. 4)», ergo: нѣтъ фосфора безъ мышленія,—потому-что Молешотъ и Бюхнеръ сами увѣряютъ,что «вещества вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ остаются неизмѣнными, одарены однѣми и тѣми же, имъ присущими, свойствами и никогда, во вѣки, не могутъ быть ничемъ инымъ.»—И такъ, если къ движущимъ паровую машину вещественнымъ силамъ прибавить еще одинъ или нѣсколько атомовъ *фосфора*, какъ *мыслящаго вещества*, то, по матеріалистическому ученію этихъ господъ, нельзя сомнѣваться, чтобы движимая «общимъ итогомъ» этихъ силъ паровая машина не сдѣлалась также мыслящею и самосознательною. И въ самомъ дѣлѣ, съ открытіемъ мыслящей способности фосфора, матеріалисты сдѣлали величайшее естественно-научное открытіе и однимъ махомъ исполински шагнули до конечной цѣли всякаго человѣческаго познанія. Однако, примѣненіе этого открытія къ паровой машинѣ кажется немного сомнительнымъ и опаснымъ; ибо можно опасаться, что такая машина, съ ея нематеріальнымъ итогомъ силъ, неожиданно явится нетолько какъ самосознательное, но и какъ свободною волей одаренное существо, и сокрушительно пронесшись по головамъ матеріалистическихъ философовъ, положитъ конецъ ихъ владычеству надъ природой. Съ другой стороны, матеріалистамъ должно отдать честь, что они въ *мыслящемъ атомѣ фосфора* наконецъ фактически открыли spiritus homunculus, котораго алхимики такъ долго и такъ тщетно отыскивали, и нѣтъ конечно сомнѣнія, что подымавшійся доселѣ изъ болотъ и блуждавшій по нимъ, въ видѣ огонька, фосфорный духъ, въ своемъ истинномъ «вещественномъ достоинствѣ» и въ полной силѣ поселился въ головахъ матеріалистовъ.

Преданіе, что блуждающіе огоньки суть души покойниковъ, найдетъ, можетъ быть, въ этомъ новомъ открытіи свое совершенно естественное разрѣшеніе и подтвержденіе; равномѣрно будетъ не только вѣроятно, но даже очевидно, что прежде созданія человѣка, spiritus homunculus, въ видѣ фосфорно-свѣтящаго огонька, носился уже надъ хаотической массой творившейся земли, и что, съ принятіемъ вѣчной матеріи, матеріалисты, не предвидя и не желая, доказали также бытіе вѣчной, безсмертной души. Разумѣется само собой, что и философскій камень у нихъ въ карманѣ; что углеродъ для нихъ алмазъ; несомнѣнно и то, что они умѣютъ дѣлать золото, потому что всѣ его свойства имъ извѣстны; стоитъ-только, по рецепту Молешота, свойства эти сложить и въ итогѣ выйдетъ чистѣйшее золото. . . . . «Природа, говоритъ Бюхнеръ, дозволяетъ себѣ много внѣшнихъ несообразностей и неправильностей. Мы можемъ не только повсюду видѣть эти несообразности, но и положительно доказать, какъ природа,—когда какія нибудь внѣшнія случайности разстраиваютъ ея дѣйствія,—дѣлаетъ вездѣ самыя смѣшныя ошибки и путаницу.»—Но развѣ Бюхнеръ не видитъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ? Не природа дѣлаетъ ошибки и глупости, *а внѣшнія случайности*, нарушившія ея дѣйствіе. Еслибъ мірозданіе было дѣломъ г. Бюхнера, оно навѣрное представляло бы образецъ мудрости и цѣлесообразности; ибо онъ говоритъ: «никто не можетъ отрицать, чтобъ природа въ ея безсознательномъ и необходимомъ побужденіи къ творчеству, не произвела множество устройствъ и существъ, которыхъ внѣшней цѣли никакъ понять нельзя, и которыя часто болѣе нарушаютъ, чѣмъ поддерживаютъ естественный порядокъ.» (Здѣсь г. Бюхнеръ опять противорѣчитъ себѣ, потому-что упустилъ изъ виду мыслящее, самосознательное и хотящее свойство фосфора въ природѣ).— «Отъ этого, продолжаетъ Бюхнеръ, существованіе такъ называемыхъ вредныхъ животныхъ было

всегда для телеологовъ (*) и религіознаго міросозерцанія вообще, бревномъ въ глазу.»—Но не для однихъ «телеологовъ,» а и для самаго г. Бюхнера; отъ того-то онъ и хотѣлъ бы взять въ свое премудрое распоряженіе безсознательную, необходимости повинующуюся природу, не создалъ бы такъ называемыхъ вредныхъ животныхъ и не нарушалъ бы естественнаго порядка. Но удалось-ли бы ему, въ своемъ самодовольствіи, удовлетворить міръ—это еще большой вопросъ; «телеологи» едва ли съ благодарностію сознали бы его премудрость. Здѣсь должны мы обратить особенное вниманіе на любовь къ истинѣ г. Бюхнера и на его софистическую ловкость, съ какою онъ пользуется приводимыми имъ авторитетами. Часто цитируетъ онъ Эрстеда и прикидывается, будто Эрстедъ служитъ ему авторитетомъ въ матеріализмѣ. Между тѣмъ извѣстно, что у Эрстеда матерія, такъ сказать, изчезаетъ въ духовномъ; ему тѣла представляются какъ-бы только силой наполненныя пространтства; онъ называетъ все бытіе царствомъ разума, божескою мыслію и повсюду и во всемъ въ природѣ ищетъ и находитъ Божественное. То же самое, не задолго до своей смерти, онъ писалъ и къ сочинителю этой статьи: «Вы знаете изъ моихъ сочиненій, что я вездѣ въ природѣ отыскиваю и сознаю Божественное.» А г. Бюхнеръ видитъ въ природѣ только неразуміе, и все Божественное нагло предаетъ посмѣянію. Кто не вспомнитъ при этомъ басню о воронѣ, которая украшаетъ себя чужими перьями! Могъ ли Эрстедъ, открывшій электро-магнитизмъ, своими высокими помыслами подкрѣплять и украшать столь низкія мысли! Съ такою же дерзостію г. Бюхнеръ цитируетъ и Либиха какъ авторитетъ матеріализма, тогда-какъ извѣст-

---

(*) *Телеологія*, ученіе о цѣлесообразности вещей, или, лучше сказать, міросозерцаніе, по которому въ природѣ и въ исторіи проявляется духъ, творящій и управляющій на основаніи разумныхъ цѣлей.

но, что Молешотъ осыпалъ этого великаго химика фанатическими упреками за то, что онъ необъяснимыя явленія органической жизни приписываетъ жизненной силѣ, которая матеріалистамъ не нравится, и которую они не признаютъ, потому-что еслибъ признали ее, то все матеріалистическое зданіе превратилось бы въ абсолютное ничто, какъ это видитъ самъ Бюхнеръ.

«Отношеніе силы и вещества и механизмъ въ ходѣ образованія, говоритъ г. Бюхнеръ, вездѣ одинаковы, въ мірѣ органическомъ и неорганическомъ.» Поэтому-то онъ и считаетъ жизненную силу «ученой нелѣпостью.» У него нѣтъ никакой разницы между органическимъ и неорганическимъ; у него все химико-механическое. «Изъ отношенія силы и вещества и механизма» у г. Бюхнера, какъ вершина окружающаго его мірозданія, возникаетъ человѣкъ, безъ жизненной силы; для него человѣкъ послѣднее и первое звено созданія, въ одно и тоже время Богъ и человѣкъ (стр. 112). «Онъ не знаетъ другаго могущества кромѣ природы,» которую, однакожъ, такъ-какъ она дѣлаетъ только глупости и смѣшныя несообразности, онъ беретъ подъ свою опеку и, посредствомъ своего познанія, можетъ обуздать и ею управлять.—Послѣ этого можно надѣяться, что матеріальный богъ и человѣкъ замѣченныя имъ въ природѣ ошибки и несообразности, помощію своего всемогущества, устранитъ и создастъ совершеннѣйшій міръ по принципамъ матеріалистическимъ . . . . . Наконецъ, въ своихъ заключительныхъ размышленіяхъ г. Бюхнеръ говоритъ: «истинное знаніе учитъ быть скромнымъ». Съ этимъ мы вполнѣ согласны; находимъ, однако, что его знаніе неистинно, потому-что оно не научило его скромности. Впрочемъ, похвалу скромности относитъ онъ не къ себѣ, а къ молодымъ писателямъ, на коихъ плечи онъ становится, и сумма ихъ мнимой скромности восходитъ въ немъ самомъ, вѣроятно чрезъ однѣ хи-

мическія и механическія силы, до высшей степени наглости. Г. Бюхнеръ съ самонадѣянностію, нарушеніемъ всякаго приличія и безстыдствомъ употребляетъ во зло дѣйствительныя научныя знанія и имена уважаемыхъ ученыхъ, извращая ихъ мысли и мнѣнія.

Оцѣнивъ, какъ слѣдуетъ, г. Бюхнера и его сочиненіе: «Kraft und Stoff» его же собственными словами, но безъ грубаго нахальства его, до котораго мы не могли унизить себя, мы предоставляемъ его и почитателей его вещественному измѣненію, безжизненной силѣ. Однакожъ въ заключеніе, не можемъ не выразить нашего глубокаго прискорбія, что естественныя науки, обогатившія человѣческое вѣдѣніе столь важными познаніями и указавшія человѣчеству вѣрный путь къ совершенствованію и улучшенію плотской и духовной жизни, нѣкоторыми естествоиспытателями извращаются, превратно толкуются и употребляются во зло, отъ чего истинное достоинство наукъ во многомъ утрачивается, возбуждается къ нимъ недовѣрчивость, и начинаютъ считать ихъ ведущими къ варварству и разрушенію всякаго религіознаго и нравственнаго чувства и общественнаго порядка, потому только что мелкія, безразсудныя головы пользуются ими безотчетно или злостно, для распространенія между неопытными юношами или въ необразованной толпѣ, замѣшательствъ и безнравственности. Поэтому мы считаемъ своею обязанностію, во имя достоинства науки и поднятыхъ здѣсь важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, какъ равно изъ уваженія къ нашимъ читателямъ, высказать слѣдующія слова:

Всѣ естествоиспытатели, и въ особенности матеріалисты, какъ мы видѣли, сознаютъ и говорятъ: чѣмъ больше мы углубляемся, тѣмъ неуловимѣе становится сущность вещей, такъ-что цѣлое бытіе, со всѣмъ что̀ въ немъ содержится и что̀ оно обнимаетъ, матерія, сила, духъ,—по внут-

реннему существу своему—отъ насъ сокрыто, и мы познаемъ только явленія и связь ихъ, а не внутреннее самой природы.—Если, съ одной стороны, не подлежитъ ощущеніямъ нашихъ чувствъ вещество въ тѣлахъ, и матерія въ веществѣ, то съ другой, такъ-называемыя невѣсомыя: электричество, магнитизмъ, свѣтъ, теплоту, какъ равно органическую или жизненную силу, по существу ихъ, нельзя свесть ни на вещество, ни на химическія или механическія измѣненія и законы; невѣсомыя извѣстны намъ только по зависящимъ отъ нихъ явленіямъ, а не по внутренней ихъ природѣ, которую слѣдовательно и объяснить не можемъ. Имѣя все это въ виду, мы должны допустить, что человѣкъ стоитъ у предѣльной черты, гдѣ онъ съ благоговѣйнымъ смиреніемъ долженъ преклонить свою голову и сознать, что дѣйствительность не въ томъ только состоитъ что̀ его чувства могутъ ощущать, но что она покоится на глубокомъ, нами незримомъ и неуловимомъ основаніи и повинуется вѣчному, неизмѣнному духовному принципу; что надъ всѣмъ витаетъ высшій Духъ, котораго слабый человѣкъ не можетъ понять, и что онъ долженъ этому высшему Духу предоставить довѣрчиво управленіе великимъ, безконечнымъ Всецѣлымъ и собственнымъ своимъ существованіемъ, что онъ не долженъ, въ суетной самонадѣянности, дерзко обсуживать этотъ высшій, безконечный, вѣчный Духъ своимъ конечно-ограниченнымъ, близорукимъ взглядомъ и мелкимъ понятіемъ; а напротивъ, въ сознаніи своего безсилія и зависимости, возлагать свое упованіе, свою надежду, свое вѣрованіе на этотъ вѣчный, неизъяснимый Духъ, котораго всемогущіе законы во всемъ что̀ человѣкъ можетъ изслѣдовать и сознать, представляются его разуму исполненными премудрости. Тогда только, когда человѣкъ достигнетъ до познанія великаго, вѣчнаго и всемогущаго Духа, онъ будетъ самъ въ немъ участвовать, будетъ себя чувствовать

превыше своего ничтожества. Тогда только, когда человѣкъ постигаетъ вѣчные законы безпредѣльной вселенной—отъ явленія въ идеѣ сознаннаго атома до безконечныхъ, отъ нашего взора изчезающихъ путей, по которымъ вращаются миріады міровыхъ системъ,—и предугадываетъ существованіе законодателя этихъ вѣчныхъ законовъ, тогда онъ ужѐ не ничто: онъ живой зародышъ, духовный атомъ, который, будучи способенъ къ высшему развитію, стремится приблизиться къ высшему, всемогущему, вѣчному Духу, чтобъ въ немъ и чрезъ него быть и сдѣлаться тѣмъ, что̀, по своему предчувствію и ожиданію, человѣкъ считаетъ своимъ истиннымъ предназначеніемъ, то есть, подобіемъ и дитятей высшаго Духа! Всякій успѣхъ, всякое глубокое проникновеніе науки въ познаніе бытія, будетъ болѣе и болѣе подтверждать эту, Іисусомъ Христомъ высказанную, въ глубинѣ сердца и духа человѣческаго укорененную, вѣчную истину, и преодолѣвать суевѣріе и безвѣріе—плоды невѣжества и испорченности человѣческаго ума и сердца. Кто преуспѣваетъ въ развитіи кроющихся въ человѣческой природѣ расположеній и имѣетъ истинное человѣческое чувство и духъ, для того, чтобъ познать твореніе и законъ его,—тотъ познаетъ также Творца и законодателя и всевышній ухъ, и будетъ ему покланяться.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ распятъ; Галилеи былъ преданъ проклятію; однако, *живой* духъ истины побѣждаетъ мертвую матерію и ложь—

«e pur si muove»

IV.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ФАКТЫ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКАГО НИГИЛИЗМА.

Если мы обратимъ вниманіе на общія всемірно-историческія черты матеріализма, то увидимъ тотъ замѣчательный фактъ, что это направленіе духа появлялось на всѣхъ ступеняхъ культуры человѣчества, и всегда оканчивалось одинаковымъ образомъ. Вѣрованіе въ творческую силу вещества ведетъ, въ строгой логической послѣдовательности, къ обоготворенію вещества. Человѣкъ можетъ только то обожать, что̀ онъ считаетъ абсолютнымъ, высшимъ. Но какъ безсмысленное вещество никогда не можетъ удовлетворить разумный духъ, какъ на внутреннее чувство разумнаго существа только то̀ имѣетъ вліяніе, что носитъ на себѣ печать разума, то изъ этого необходимо проистекаетъ внутреннее противорѣчіе вѣрующаго въ матерію духа съ самимъ собой. Внутреннее же противорѣчіе есть ужѐ начало конца. Оно или разложится и исцѣлится, пріобрѣтя яснѣйшее сознаніе живаго, личнаго Бога, или не разложится, и въ такомъ случаѣ въ немъ разовьется смертоносный зародышъ отрѣченія отъ всякой истины и окончится совершеннымъ невѣдѣніемъ.

1.

Первое стремленіе къ философскому объоснованію матеріализма является *въ буддистскомъ ученіи. Гаутама* или

Будда (600 до Р. Х.) училъ, что первобытная матерія (Prakriti) есть единое, дѣйствительно существующее. У этой матеріи двѣ силы, производящія покой и дѣятельность. Первобытное ничто (Zunja), абсолютная, бездѣйственная пустота—это покой, обладающій, однакожъ, сознаніемъ и блаженствомъ. Не смотря на свой первобытный покой, матерія стремится открыть себѣ выходъ изъ самоіі себя. Отъ такого стремленія она становится дѣятельною и слагается въ конечные образы природы, но теряетъ отъ того свое сознаніе. Въ человѣкѣ матерія опять пріобрѣтаетъ сознаніе, такъ-какъ первобытное сознаніе дѣлается вновь возникнувшимъ сознаніемъ. На высшей ступени жизни человѣкъ познаетъ, что кромѣ матеріи нѣтъ ничего дѣйствительнаго. Духъ его становится сознательнымъ Ничто, вѣдущимъ богочеловѣкомъ. Гаутама отвергалъ касты, жертвоприношенія, и училъ равенству всѣхъ людей. Ученіе его уничтожено въ Индіи спустя 800 лѣтъ послѣ Р. Х.—*Канада* (атомодаятель) измѣнилъ буддистское ученіе, утверждая, что нѣтъ духовнаго принципа. Первобытная матерія—недуховная, безсознательная множественность. Развивающійся рядъ міровыхъ явленій—результатъ различныхъ соединеній атомовъ. Міръ вѣченъ, существуетъ самъ собой; только въ образѣ человѣческаго тѣла онъ возносится до самосознанія и хотѣнія. За исключеніемъ человѣка, нѣтъ сознанія. Единственное средство къ возникновенію сознанія—чувственное постиженіе. Человѣческая душа—соединеніе атомовъ. Ихъ дѣятельность—дѣйствіе тѣлесныхъ силъ. Съ распаденіемъ атомовъ, душа теряетъ свое существованіе и погружается въ вѣчное ничто.—Бюхнеръ (Kraft und Stoff, 3 изд. 253) буквально принимаетъ это ученіе и утверждаетъ, что оно представляетъ «принципъ высшеіі гуманности.»

Атомистическое ученіе Левкиппа. Основателемъ этого ученія у Грековъ считается Левкиппъ (500 до Р. Х.). Онъ

принималъ три первоначальныя причины всего дѣйствительнаго: το ἄτομον, το κενόν, и συμπλοχη т. е. вещественные атомы, пустое пространство и вещественное соединеніе. Множественность атомовъ—нѣчто первобытное. Они—простыя первоначальныя составныя части матеріи; вѣчны и сами по себѣ неизмѣнны; по мелкости своей недѣлимы, непостижимы (для чувствъ), но наполняютъ пространство. Движеніе, вѣчно присущее атомамъ, образуетъ безконечно различные образы. Чрезъ сложеніе и раздѣленіе атомовъ возникаютъ и исчезаютъ вещи міра явленій. Разнообразіе и видоизмѣненіе вещей опредѣляется распредѣленіемъ и расположеніемъ атомовъ, и происходитъ по неизмѣннымъ законамъ необходимости. Человѣческая душа также не что иное, какъ соединеніе круглыхъ атомовъ, производящихъ теплоту, движеніе и мышленіе.

Ученикъ его *Демокритъ*, насмѣшникъ—философъ абдерскій (490 до Р. Х.), развилъ далѣе атомистическое ученіе. Онъ пытался основать его на невозможности безконечнаго дѣленія, и придалъ первобытнымъ, однороднымъ вещественнымъ частичкамъ еще свойства непроницаемости и тяжести. Онъ отличалъ отъ первоначальнаго движенія производное движеніе, напр. круговое движеніе, объусловленное какимъ нибудь сопротивленіемъ. Демокритъ утверждалъ, что изъ безконечнаго множества атомовъ образуется безконечное число міровъ. Только *подобныя* вещи могутъ дѣйствовать другъ на друга.—Чувственное постиженіе происходитъ единственно чрезъ посредство вещественныхъ образовъ, истекающихъ изъ предметовъ, и запечатлѣвающихся въ чувствахъ. Представленіе боговъ выводитъ онъ частію изъ непонимаемости поражающихъ явленій природы, частію изъ впечатлѣній человѣкоподобныхъ существъ, витающихъ въ воздухѣ (εἴδωλα). Цѣль жизни: здоровье чрезъ равнодушіе ко всему; его мораль: ученіе мудрости.

Это вѣрованіе въ матерію тогда же послужило поводомъ къ порожденію вѣрованія въ бога. *Анаксагоръ* изъ Клазоменъ, другъ Перикловъ, противопоставилъ атомистическому ученію требованія здраваго разума, что единство и цѣлесообразность міроздания должны имѣть единую, разумную причину. Онъ сознавалъ вѣчный міровой духъ (νοῦς), который, будучи единъ, несмѣшанъ, равенъ только самому себѣ, управляетъ и двигаетъ двойственною матеріею.

Греческая Софистика. У Демокрита было много послѣдователей, которые ученіе его принимали двоякимъ образомъ. Одни вывели необходимыя заключенія изъ положеній своего учителя и дошли до рѣшительнаго сомнѣнія во всякой истинѣ. Другіе удовольствовались однимъ повтореніемъ его ученія, которое дополнили нѣкоторыми предположеніями относительно практическаго наслажденія.

Первымъ путемъ пошли скептики и софисты. Изъ нихъ извѣстны *Діагоръ*, *Суидъ*, *Протагоръ* и др. Софисты, подстрекаемые честолюбіемъ и сребролюбіемъ, упражнялись въ искусствѣ спорить, причемъ они всѣ основы истины и нравственности коверкали или отвергали, лишь бы доказать то̀ что̀ составляло ихъ интересъ. Изъ этого искусства возникъ равнородный матеріализму, знаменитый скептицизмъ, ученіе сомнѣній, которое преднамѣренно уничтожило всякое различіе между истиной и ложью, всякое убѣжденіе свело на произвольное мнѣніе лица, на случайное смѣшеніе атомовъ. Однако отъ этаго матеріалистическаго скептицизма какого-нибудь Суида, должно отличить допускаемое, благородное сомнѣніе *Пиррона*, *Тимона* и др. которые односторонним ученіямъ противопоставляли свои возраженія, побуждая умѣрять рѣзкія сужденія, сохранять безпристрастіе и глубже проникать въ изученіе природы.

Между тѣмъ какъ Пирронъ строго придерживался нравственнаго закона, какъ высшаго блага, и слѣдовательно стоялъ твердо на почвѣ изслѣдованія, матеріалистическая школа отрицала прежде всего всякую истину, законъ мышленія и нравственности, и тѣмъ доводила до совершенной безнадежности. Софистъ *Ѳрасимахъ* утверждалъ явно: все знаніе—мечта, прàво—только то чтò сильному полезно. *Калликлъ* говорилъ: для человѣка нѣтъ болѣе обязательнаго закона, какъ удовлетвореніе своихъ чувственныхъ побужденій. *Критій* (404 до Р. Х.), главный противникъ Сократа, одинъ изъ 30-ти аѳинскихъ тирановъ, училъ: *религія*—изобрѣтеніе политики.—Эти буквальныя изреченія древнихъ матеріалистовъ какъ-бы позаимствованы изъ Штирнера «der Einzige etc» и Бюхнера «Kraft und Stoff», и служатъ свидѣтельствомъ тому, что уже 2000 лѣтъ тому назадъ плоды вѣрованія въ матерію были тѣ же чтò и теперь.—Но и тогда, какъ теперь, матеріализмъ превосходно совершилъ свое назначеніе, т. е. пробудилъ здоровое направленіе мышленія. Разрушительная софистика заставила и тогда лучшіе умы болѣе углубиться въ изученіе природы. Въ борьбѣ съ софистами окрѣпли *Сократъ*, *Платонъ*, *Аристотель*, свѣтила духовнаго развитія для грядущихъ поколѣній.

Эпикурейская школа. Эпикуръ, основавшій свою школу сначала въ Лампсакѣ и перенесшій ее потомъ въ Аѳины, былъ продолжительное время представителемъ матеріализма. Онъ переработалъ атомистическое ученіе въ ученіе блаженства, которое встрѣтило чрезвычайное одобреніе по той причинѣ, что допускало утонченнѣйшее чувственное наслажденіе. Онъ поднялъ снова Демокритово ученіе въ его главнѣйшихъ основаніяхъ. Вселенная для него—скопленіе атомовъ. Міръ, въ своей всецѣлости, вѣченъ и неизмѣненъ, но отдѣльныя части его преходящи. Такъ-какъ міръ является намъ несовершеннымъ и въ немъ встрѣчается

столько бѣдствій и разрушеній, то онъ не можетъ быть твореніемъ разумной причины. Человѣческую душу считаетъ Эпикуръ также тонкимъ тѣломъ, заключеннымъ въ болѣе грубомъ тѣлѣ. Она пріобрѣтаетъ свои впечатлѣнія и воззрѣнія отъ прикосновенія къ чувствамъ тончайшихъ изліяній отъ внѣшнихъ предметовъ. Она возникаетъ и уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ. Ея составныя части: теплота, воздухъ, дыханіе и безъимянное вещество, отъ котораго зависитъ ощущеніе, чувствуемое въ груди. Атомамъ присвоиваетъ онъ еще видъ и величину. Въ противность древнимъ атомистамъ, онъ отвергаетъ слѣпую судьбу (фатумъ), отрицаетъ необходимость законовъ мышленія и нравственности, и выводитъ всякое возникновеніе, даже цѣлесообразность вещей въ природѣ, отъ случая.—Въ противорѣчіе съ самимъ собой, Эпикуръ приписываетъ богамъ, также произведеніямъ атомовъ, вѣчность и непреходимость. Они обитаютъ промежутки міровъ въ блаженномъ спокойствіи и уединеніи, не имѣя ни малѣйшаго вліянія на управленіе міромъ. Высшая цѣль человѣческаго бытія—удовлетвореніе естественныхъ побужденій, наслажденіе безъ тѣлесной боли и безъ душевнаго безпокойства (ἡδονή). Высшая добродѣтель — умѣніе наслаждаться жизнію. Всѣ науки имѣютъ цѣлію увеличивать массу удовольствій и освобождать человѣка отъ страха смерти и боязни боговъ.

Нигилизмъ Лукіана и Секста Эмпирика. Самый ловкій изъ послѣдователей Эпикура *Лукіанъ,* изъ Самосаты въ Сиріи (150—193 по Р. Х.), объяснялъ, что все вздоръ: религія, наука, вѣрность долгу, даже стремленіе къ благородному и великому. Ничто не имѣетъ пребывающаго достоинства, ничего не должно брать съ серіозной стороны. Гофманъ, въ классическомъ сочиненіи своемъ о Лукіанѣ (Lukian, der Satyriker, in Hinblick auf Glauben etc. 1856) го-

воритъ: «въ Лукіанѣ язычество свело всѣ свои счеты и явилось—несостоятельнымъ. Онъ летаетъ какъ воронъ, надъ полемъ язычества, усѣянномъ трупами, и безпрестанно повторяетъ злорадостно мелодію атеизма. Вмѣстѣ съ языческимъ богопочитаніемъ, отвергаетъ онъ и все божественное, и ничего не оставляетъ кромѣ пустыни неутѣшительнаго Ничто».—Сила эпикурейскаго ученія заключается не въ могуществѣ убѣжденій, а въ разнузданности всѣхъ чувственныхъ похотей.—Не смотря на свое продолжительное существованіе, и «правая сторона» эпикурейской школы должна была завершить извѣстное матеріалистическое круговое движеніе. Уже *Аркезилай*, изъ Питоны въ Эолидѣ (318—241 до Р. Х.), основатель новой Академіи, выводилъ изъ односторонняго, эпикурейскаго познавательнаго принципа невозможность знать дѣйствительность вещей.—*Карнеадъ*, изъ Кирены (215—130 до Р. Х.), совершенно отказался отъ всякаго объэктивнаго знанія, утверждая, что ни чувства, ни разумъ не въ состояніи представить вѣрный признакъ дѣйствительности внѣшнихъ предметовъ. Всякое познаніе, для него, только вѣроятность, а не достовѣрность. Подобно Эпикуру, признавалъ онъ за высшее благо—чувственное наслажденіе, за основу добродѣтели—умѣніе доставлять себѣ наслажденіе.

Съ упадкомъ нравовъ, духъ сомнѣнія началъ проявляться въ печальнѣйшемъ видѣ. *Энесидемъ*, изъ Критъ, будучи учителемъ въ Александріи (окого 30 до Р. Х.), ко всѣмъ частямъ философскаго ученія присовокуплялъ причины сомнѣнія, желая такимъ образомъ произвесть полнѣйшую запутанность и безосновательность всякаго знанія. Онъ утверждаетъ, что самое понятіе о причинности ничтожно, потому-что отношеніе между причиной и дѣйствіемъ непонятно.—Ученикъ его *Агриппа* довелъ это сомнѣніе до простѣй-

шаго выраженія, утверждая, что ни посредственно, ни непосредственно нѣтъ ничего достовѣрнаго.

Наконецъ, *Секстъ Эмпирикъ* (около 180 по Р. Х.) завершилъ это ученіе, такъ-что оно само собой уничтожилось. Для него философія—искусство однѣ мысли такъ противопоставлять другимъ, чтобъ изъ равновѣсія противоположныхъ причинъ доказывалась невозможность познанія дѣйствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда совершенно не доставало причинъ противъ истины, онъ ссылался на то, что противоположные факты могутъ со временемъ быть найдены. Въ своемъ сочиненіи προς τους μαϑηματικός онъ отрицаетъ вѣрность всѣхъ законовъ мышленія, даже математическихъ тезисовъ, съ цѣлію возбудить полное равнодушіе къ истинному и доброму, и тѣмъ предохранить себя отъ угрызеній совѣсти. «Ο ὐδεν μαλλον» не отдавать предпочтенія никакому мнѣнію, вотъ его девизъ. Этотъ духъ сомнѣнія отрицается отъ всякой науки и отвергаетъ всякое дальнѣйшее изысканіе истины.

2.

Плоды древняго матеріализма въ практической жизни.—Исторія указываетъ тлетворное дѣйствіе матеріализма повсюду, гдѣ онъ успѣлъ проникнуть въ массы народа или возсѣсть на престолъ. Непомѣрное удовлетвореніе чувственныхъ похотей, сумазбродныя вакханаліи, аттическія ночи въ лукіаново время, къ несчастію, слишкомъ извѣстны. Кто не знаетъ отвратительныхъ дѣяній римскихъ императоровъ-матеріалистовъ Тиверія, Калигулы, Клавдія, Нерона и пр. Ядовитое дыханіе матеріализма не пощадило даже Богомъ избраннаго народа Израильскаго. Уже со временъ владычества египетскихъ и сирійскихъ царей матеріалистическое сомнѣніе было извѣстно Евреямъ и особенно успѣшно дѣй-

ствовало между саддукеями. *Іосифъ* (De bello Iud. 13, 12) говоритъ: «они утверждаютъ, что Богъ не оказываетъ никакого вліянія на міръ, что добро и зло зависятъ частію отъ случая, частію отъ человѣческаго произвола; что наслажденіе—высшая цѣль жизни». Это свидѣтельство ясно указываетъ на эпикурейскій матеріализмъ. Не замедлили явиться и плоды такого воззрѣнія. Вотъ Иродъ I, льстящій Риму и поступающій звѣрски съ народомъ, ему подвластнымъ, истребляетъ родъ Маккавеевъ, убиваетъ свою жену и двухъ сыновей своихъ. Но мѣра исполнилась, историческое предуготовленіе Христіанства было завершено.—Суровость стоиковъ, самоправіе фарисеевъ, жадность къ наслажденіямъ эпикурейцевъ, пошлость языческихъ и іудейскахъ жрецовъ, пустословіе языческихъ софистовъ и іудейскихъ ученыхъ—вся эта блестящая нищета открылась передъ глазами людей добросовѣстно ищущихъ истину. Настало время: «Богъ явися во плоти, оправдася въ Дусѣ, показася ангеломъ, проповѣданъ бысть во языцѣхъ, вѣровася въ мірѣ, вознесеся во славѣ». 1. Тим. 3, 16. Отъ этого «столпа и утвержденія истины» начинается новый поворотъ всемірной исторіи. Вся земная жизнь Іисуса Христа была не иное что, какъ отблескъ святости и любви Божіей, непрерывное фактическое свидѣтельство великаго милосердія Божія ко спасенію рода человѣческаго. Никакая сила тьмы, ни ложь, ни посмѣяніе, ни клевета со стороны языческаго матеріализма, ни потоки крови, ни муки казни не въ состояніи были препятствовать спокойному, но неудержимому, торжественному движенію царства Божія. Уже во время жизни Апостоловъ религія духа проповѣдывалась силою истины и любви въ трехъ частяхъ свѣта. Новое творческое дыханіе воодушевляетъ народы, возникаетъ не бывалая дотолѣ жизнь духовная, завязывается страшная борьба между свѣтомъ и тьмой, и изъ нея побѣдоносно выходитъ вѣрованіе въ сына Божія.

Могущественныя государства, твердыни матеріализма падаютъ; всё, что древній міръ считалъ великимъ, близится къ упадку; только одно имя торжествуетъ надъ развалинами тысячелѣтій, и это имя—Іисусъ Христосъ. Подъемлется побѣдное знаменіе, не смотря на всѣ поношенія, гоненія, эшафоты и костры, и это знаменіе—Крестъ Іисуса Христа. Благовѣстіе любви Божіей, которое во Христѣ сочеталось съ человѣчествомъ, становится побуждающею и очищающею силой, которая постепенно проникаетъ всю сферу жизни. Пусть ничтожная вѣтка сомнѣвается въ существованіи корня, отъ котораго она произрастаетъ,—Христіанство стоитъ твердо, какъ всемірно-историческій фактъ.

3.

Съ побѣдой надъ язычествомъ, приговоръ совершился и надъ поклоненіемъ матеріи; однакожъ, ядовитое сѣмя этого поклоненія, по неисповѣдимымъ предначертаніямъ Божіимъ, не истребилось еще вполнѣ, а развело свои плевела между пшеницей, пока не насталъ день жатвы. Исподоволь, шагъ за шагомъ, оно окуталось *въ мантію церковную*. *Сикстъ IV* (1471—1484) былъ такой фанатическій поклонникъ матеріи, и именно золота, что онъ не стыдился публично предавать посмѣянію христіанскую нравственность. Для пріобрѣтенія золота, онъ ввелъ ежегодный налогъ на блудные дома. У *Инокентія VIII* (1484 — 1492) было 16 незаконно прижитыхъ дѣтей; онъ учреждалъ инквизиціи противъ еретиковъ и колдуновъ.—Кардиналъ Борджіа, чрезъ подкупъ кардиналовъ, возшелъ на папскій престолъ. подъ именемъ *Александра VI* (1490 — 1503). Все его правленіе представляетъ цѣпь пороковъ, страшнаго поклоненія матеріи. Для обогащенія своихъ дѣтей и для удовлетворенія своихъ плотскихъ похотей, онъ не боялся отрав-

лять богатыхъ кардиналовъ, и вообще не останавливался ни передъ какимъ преступленіемъ. Наконецъ, онъ умеръ отъ отравленнаго вина, приготовленнаго имъ самимъ для какого-то кардинала.—Древнія языческія сатурналіи проникли *въ римскую церковь* и съ двѣнадцатаго вѣка вошли даже въ составъ церковныхъ праздниковъ. Въ праздникъ ипподіаконовъ, низшее духовенство избирало папу-шута и такогожъ епископа, который пародировалъ свои обязанности съ безстыднымъ посмѣяніемъ святыни, между тѣмъ какъ клирики, въ маскахъ, предавались въ церквахъ невыразимому безчинству. Такъ-называемый праздникъ осла, въ честь того осла, на которомъ ѣхалъ Христосъ, имѣлъ свою особую литургію, и пр. Не смотря на всѣ запрещенія, въ церковь вторгалась необузданность чувственныхъ похотей и поклоненіе матеріи подъ всевозможными формами. Но именно эта чувственная страсть къ наслажденіямъ, эта безнравственность *римскаго духовенства*, заставила честныхъ людей снова обратиться къ источнику истины. Послѣдствіемъ этого была всѣмъ извѣстная реформація (*). Вмѣстѣ съ нею на̀чало усиливаться развитіе наукъ; но матеріализмъ умѣетъ прикрываться и наукой или ея оболочкой. Тогдашняя односторонняя схоластика, которая познаніе истины выводила единственно изъ произвольныхъ, голыхъ опредѣленій понятія, не могла уже удовлетворить глубокомысленныхъ людей. Расширившійся кругъ опыта и вновь ожившій духъ пытливости воспламенилъ научную борьбу сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Науки опять вступили на пути опыта, разума и откровенія. Но какъ ни на одномъ изъ нихъ не проникали до глубочайшей причины истины, то снова проявились разительнѣйшія односторонности. Древній матеріализмъ уси-

---

(*) Хотя и она плохо исправило дѣло. Пр. Пер.

лилъ изношенныя уже причины сомнѣнія въ существованіе духовнаго міра новыми ипотезами, и породилъ своими произвольно-запутанными понятіями такую анархію мышленія, что вновь дошелъ до полнѣйшаго невѣдѣнія и нравственнаго нигилизма.—*Николо Макіавелли* (1496—1527) составилъ систему практической государственной мудрости, гдѣ нашелъ себѣ полное примѣненіе старинный матеріалистическій принципъ «все позволено, что по обстоятельствамъ полезно».—*Телезій* (род. 1508 † 1588), увлеченный сенсуализмомъ до уродливыхъ странностей, написалъ сочиненіе: De natura rerum juxta propria principia, гдѣ матерія, теплота и холодъ выставляются какъ первоначальныя причины мірозданія. Теплота и холодъ, для него, дѣятельные принципы, дающіе мертвой и страдательной матеріи форму. Отъ дѣйствія теплоты образуется небо; изъ холода возникаетъ земля; изъ безпрерывной борьбы неба съ землей происходятъ всѣ вещи втораго порядка. Всѣ отвлеченныя понятія не сущи (non-entia). Однакожъ, онъ не отвергаетъ, какъ проблемы, существованіе Бога, растительную, животную и и безсмертную человѣческую души. Но Богъ, по его мнѣнію, только зритель міроваго механизма.

Систему сенсуализма, которой Телезій коснулся въ общихъ чертахъ, дополнилъ и довершилъ *Беконъ*, лордъ Веруламскій (р. 1561 † 1626), человѣкъ необыкновенно даровитый. Въ своемъ «Органонѣ естественной науки» онъ отвергаетъ всѣ понятія о частномъ, выведенныя изъ общаго, какъ не научныя, и пытается основать знаніе единственно на постиженіи чувствъ, дѣлая заключенія, посредствомъ индукціи, изъ частныхъ явленій о сущности вещей. По его мнѣнію, совокупленіе всѣхъ чувственныхъ постиженій въ общіе образы—единственный путь къ познанію сущаго. Однако Беконъ совсѣмъ не матеріалистъ, потому-что онъ принимаетъ за дѣйствительныхъ факторовъ мышленія идеи о Богѣ и наше *я*.

Вотъ конечный выводъ его изслѣдованій: *физическое объясненіе природы нисколько не приноситъ ущерба Провидѣнію;* духъ и природа должны были необходимо дѣйствовать совокупно, такъ-какъ первый обусловливаетъ цѣль и форму тѣлеснаго міра, а послѣдняя—изображеніе и исполненіе цѣлепредставленія.—Изъ этого мы видимъ, что хотя новѣйшіе сенсуалисты ссылаются на Бекона, какъ на авторитетъ, онъ однакожъ не былъ одностороннимъ чувственнымъ человѣкомъ.

Декартъ (Картезій) противопоставилъ эмпиризму свой раціонализмъ. *Рене-Декартъ* (р. 1596 † 1650), отличный математикъ, физикъ и философъ, принялъ исходищемъ философствованія — сомнѣніе, цѣлью изслѣдованія—науку, и признакомъ истины—ясность понятія. Единственное непосредственно достовѣрное для него—опытное самосознаніе нашего *я*, изъ котораго онъ заключаетъ о дѣйствительности мыслящей, душевной субстанціи. Душу онъ ставитъ прежде, чѣмъ познаваемое, посредствомъ чувственнаго постиженія, тѣлесное вещество (Cogito, ergo sum). Душа находитъ—какъ внутренній, неопровержимый фактъ сознанія—дѣйствіе абсолютно-сущаго, совершеннѣйшаго существа, котораго бытіе, потому именно что это существо совершенно, не можетъ зависѣть ни отъ несовершенной душевной субстанціи, ни отъ конечнаго чувственнаго міра. Богопознаніе прирождено человѣческой душѣ этимъ самимъ совершеннѣйшимъ существомъ, и составляетъ послѣднюю причину всякаго другаго познаванія. Пока мы наше мышленіе подчиняемъ его мыслительному, намъ прирожденному, закону, мы должны познавать истину. Возможность заблужденія заключается только въ злоупотребленіи свободнаго саморѣшенія души.

Духъ и матерія существенно противоположны другъ другу. Духъ—простая, безпространственная, мыслящая субстанція; матерія—протяженіе, наполняющее пространство.

(У него матерія и протяженіе тождественны). Вселенная составлена изъ матеріальныхъ и мыслящихъ субстанцій, какъ человѣкъ изъ тѣла и души. И то и другое—дѣло творенія Бога. Какъ конечныя субстанціи не могутъ заключать въ себѣ причину своего бытія, то, для существованія ихъ, имъ необходимо постоянное содѣйствіе (concursus, assistentia) Бога. Животныя, неодаренныя умомъ, не имѣютъ духа; онѣ, какъ планеты, какъ растенія, движимыя Богомъ машины. Человѣческая душа, напротивъ, познающая Бога, есть духъ; она—какъ простая, несложная субстанція, безсмертна; ея мѣстопребываніе—мозговая желѣза.

Прирожденныя идеи о Богѣ, душевной субстанціи и пр. столько же достовѣрны, какъ духовная жизнь человѣка, и напротивъ того, идеи составленныя или пріобрѣтенныя частію чрезъ возбужденіе чувствъ естественными предметами, частію чрезъ свободное мышленіе, подвержены заблужденію.

Декартъ формой и содержаніемъ своей системы, даже своими отважными ипотезами и своимъ рѣзкимъ дуализмомъ, подвинулъ философское мышленіе тѣмъ впередъ, что заставилъ умы заняться основательнымъ изслѣдованіемъ процеса мышленія и познаванія. Беконъ и Декартъ надолго установили двѣ борющіяся партіи и ихъ лозунги: *опытъ* и *умозрѣніе*. Каждая партія думала въ недостаткахъ противной системы найти подтвержденіе своей, не понимая ея односторонности. Сенсуализмъ признавалъ истиннымъ только то, что постигали чувства; умозрительный раціонализмъ указывалъ на седьмикратно прерванное посредство чувственнаго постиженія, выведеннаго изъ аксіомъ мышленія, и ставилъ мышленіе какъ первое, какъ непосредственно достовѣрное, противъ грубаго постиженія чувствъ, не разрѣшая однако вполнѣ этой противоположности своими произвольными воздушными призраками.

Къ примиренію обѣихъ партій сдѣлалъ *Ѳома Кампанелла* (р. 1568†1639) весьма замѣчательную попытку. 27 лѣтъ томился онъ въ темницѣ по какому-то ложному обвиненію, и имѣлъ здѣсь время углубиться въ первоначальный источникъ жизни. Онъ признавалъ возбужденіе чувственныхъ нервовъ (тѣлесное ощущеніе) условіемъ человѣческаго познаванія; но доказывалъ также, что впечатлѣніе на нервы совершается *съ двухъ сторонъ:* 1) со стороны чувственнаго міра и 2) со стороны духа, посредствомъ божественнаго откровенія. Послѣднимъ путемъ познается всякая ложь и постигаются аксіомы всякаго знанія: я есмь, я мыслю, я хочу и пр. Эти познанія, которыя, безъ отверженія всякаго знанія, не могутъ быть отрицаемы, для него такіе же факты откровенія Божія, какъ и явленія чувственнаго міра. Они возникаютъ не изъ произвола человѣка, но производятся тою же первоначальной силой, которая даетъ бытіе человѣку. Богъ высшая и послѣдняя причина всякаго бытія, какъ матеріи, законовъ и формы вселенной, такъ и законовъ мышленія и хотѣнія разумной природы человѣка. Безъ бытія Бога и духовнаго познаванія невозможно рѣшить что̀ истина и что̀ призракъ.—Такъ училъ Кампанелла, одинъ изъ тѣхъ многихъ свидѣтелей, которые исторически подтверждаютъ, что появленіе матеріализма всегда возбуждало болѣе и болѣе глубокое Богопознаніе.

4.

Въ началѣ XVII столѣтія появлялись еще многія слабыя попытки возстановить старинныя матеріалистическія теоріи, но онѣ изчезали такъ же быстро, какъ и безслѣдно. Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и лукавыхъ ультра-скептиковъ того времени былъ *Франсуа-де-ла-Мотъ-ле-Вайе* (de la Mothe le-Vayer, р. 1586†1678). Онъ отрицалъ всякое познаваніе разума, всѣ законы мышленія, всѣ истины религіи; жизнь называетъ онъ фарсомъ, добродѣтель заблужденіемъ.

Θома Гоббсъ (р. 1588 † 1679) развилъ Беконово чувственно-познавательное ученіе въ логическій матеріализмъ. Основныя аксіомы *вещественнаго вѣрованія* онъ выразилъ съ такою ясностію, до какой никто изъ новѣйшихъ матеріалистовъ еще не достигъ. Кто понялъ Гоббса, тотъ знаетъ всю глубину премудрости матеріализма. Основныя черты его ученія слѣдующія: только *пространственно-ограниченное*, только чувственно-постигаемый образъ и движеніе, имѣютъ дѣйствительность. Всѣ познанія, безъ исключенія, даже такъ-называемые законы мышленія, выведены изъ чувственныхъ постиженій. Все что чувственно-непостижимо—какъ непонятное (qualitas occulta)—недѣйствительно. Философія состоитъ только въ представленіи *возможныхъ* причинъ дѣйствій, и въ сужденіи о явленіяхъ, которыя происходятъ отъ представляемыхъ ею причинъ: слѣдовательно, только фантастическій призракъ. О безконечномъ, о Богѣ, онъ не даетъ никакого понятія. Единственный и глубочайшій корень «разумнаго» мышленія и дѣйствованія заключается въ побужденіяхъ самолюбія (эгоизма). Что̀, повидимому, наиболѣе служитъ собственной пользѣ нашей, то считаетъ онъ безусловно лучшимъ. Умѣнье удовлетворять, по возможности, своекорыстію—это добродѣтель. Полезное, т. е. удовлетвореніе нашего *я*—вотъ конечная цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій.

«Разумное пра̀во», по его мнѣнію, должно состоять въ свободѣ каждаго дѣлать то, что только возможно для удовлетворенія своего *я*. Каждый человѣкъ имѣетъ право на все. Но какъ изъ этого разумнаго права возникла бы постоянная истребительная война всѣхъ противъ всѣхъ, то Гоббсъ считаетъ единственнымъ средствомъ къ удержанію общественнаго спокойствія, неограниченный деспотизмъ сильнѣйшаго. Сильнѣйшій, по его мнѣнію, дѣйствуетъ «разумно и добродѣтельно», расширяя и охраняя, по возможности, область

своего владычества, и вводя въ ней все, что должно составлять право, догматы религіи, самое устройство церкви, государственныя учрежденія и пр. по своему усмотрѣнію, сообразно съ своими интересами. «Такъ-какъ религія, по этому ученію, есть только средство для достиженія государственной цѣли, то она и должна быть предметомъ не философіи, а законодательства.»—Таковъ итогъ его ученія. Всѣ старинные, новые и новѣйшіе матеріалисты повторяютъ, болѣе или менѣе послѣдовательно, все одну и ту же тему о единственной истинѣ чувственныхъ познаваній, о единственномъ значеніи чувственныхъ побужденій, о ничтожествѣ духа и всего божественнаго, о полнѣйшемъ поглощеніи нашего *я* безсмысленною необходимостію чувственнаго вещества.

Ничто не въ состояніи такъ сильно возжигать низкія страсти, какъ Гоббса «разумное право». Всякій, кто считаетъ себя въ этомъ смыслѣ благоразумнымъ человѣкомъ, чувствуетъ призваніе возбуждать массу народа противъ Богомъ установленныхъ властей, съ тою цѣлію, чтобъ существующее уничтожить, ловить рыбу въ мутной водѣ, самому возвыситься и управлять слѣпымъ орудіемъ по своему произволу. Такимъ образомъ, мятежныя возстанія снова и снова возникаютъ, чтобы снова окончиться абсолютнымъ деспотизмомъ побѣдителя. Повсюду, гдѣ такая духовная болѣзнь охватывала массу народа, являлось это историческое послѣдствіе. *Кромвель*, напр. какъ протекторъ англійской республики, привелъ въ исполненіе «разумное право и высочайшую добродѣтель» Гоббса, посредствомъ коварства, убійства, политическаго и религіознаго лукавства. Онъ дѣйствовалъ по гоббсову ученію совершенно послѣдовательно, когда Ирландцевъ, остававшихся вѣрными своему королю, продалъ какъ невольниковъ, роздалъ ихъ земли и истребилъ огнемъ и мечемъ цѣлые города: насильственное право эгоиз-

ма, естественная необходимость, «сила и вещество» требовали этого!—Далѣе такого униженія человѣческаго достоинства, какое производитъ вѣрованіе въ безсмысленную матерію, идти невозможно.

Бекона сенсуализмъ подвергся еще дальнѣйшей разработкѣ *Джономъ Локкомъ* (р. 1632 † 1704). Локкъ, очень скромный, откровенный и правдолюбивый человѣкъ, утверждалъ также, что всѣ представленія возникаютъ только изъ опыта чрезъ наведеніе (индукцію). Однакожъ, онъ принужденъ былъ принять еще родъ внутренняго чувства, чтобъ объяснить самодѣятельность души. Онъ допускаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность «демонстративнаго познанія» о существованіи Бога (космологическое доказательство). По его мнѣнію, душа — «неисписанная таблица», получающая простыя понятія, напр. о бытіи, движеніи, веществѣ, времени, пространствѣ, единствѣ, множественности, зависимости, удовольствіи, боли, представленіи, хотѣніи и пр. чрезъ постиженіе, не содѣйствуя сама тому нисколько. Даже положенія метафизики пытается Локкъ основать на опытномъ познаніи. Сложныя понятія, по словамъ его, происходятъ изъ понятій простыхъ, при помощи дѣятельности разума, чрезъ сравненіе, различеніе, соединеніе, абстракцію. — Нравственность не иное что, какъ стремленіе къ блаженству; добродѣтель— благоразумное дѣйствованіе въ видахъ блаженства.

Локкъ представляетъ фактическое доказательство, что у односторонняго сенсуализма только два исхода: или онъ не послѣдователенъ, обходитъ затрудненія познаванія, и останавливается, какъ у Локка, на полу-пути, или онъ послѣдователенъ, и оканчивается тогда матеріалистическимъ скептицизмомъ и атеизмомъ. Локкъ, безъ всякаго намѣренія, содѣйствовалъ развитію этого послѣдняго направленія.

5.

Слѣдующіе затѣмъ матеріалисты повторяютъ до безконечности все тоже основное заблужденіе, что «матерія сама изъ себя производитъ всякую духовную жизнь», усиливая это всякаго рода кощунствомъ и глумленіемъ надъ всѣмъ святымъ, и успѣвая болѣе прежняго разливать свой ядъ во всѣхъ слояхъ общества. XVIII-й вѣкъ предназначенъ былъ переполнить мѣру безбожія, произвесть взрывъ матеріалистической заразы, и тѣмъ самымъ снова выказать свою ложь и снова доставить побѣду владычеству духа.

Давидъ Юмъ (р. 1711 † 1776) поетъ старую пѣсню «нѣтъ познаванія кромѣ чувственнаго». Разумъ не есть чувство для пониманія духовнаго, но только способность сравнивать и обсуждать то̀, что̀ дало чувственное постиженіе. Все человѣческое знаніе основывается на чисто-произвольныхъ представленіяхъ. Вся метафизика, пустое воображеніе. О существованіи Бога и духа человѣкъ (т. е. г. Юмъ) ничего не можетъ знать. Даже законъ причинности познается не разумомъ (a priori), а выводится единственно изъ обыкновеннаго ряда нашихъ представленій, которымъ человѣкъ научается механически изъ разнообразія явленій и представленій (ассоціаціи мыслей).—Нравственно только то, что̀ относительно полезно и пріятно. Побужденіе къ нравственнымъ поступкамъ—это чувство здороваго или нездороваго состоянія.—Все это не но̀во, все это самый тривіальный матеріализмъ, облеченный только въ болѣе модныя фразы. Впрочемъ, жизнь Юма была безукоризненна, — доказательство, что сердце его не вполнѣ согласовалось съ его теоріей. Онъ не дерзнулъ также вывесть конечныя заключенія сенсуализма, потому-что вѣрованіе въ чувственное постиженіе основывалъ еще на какомъ то «побужденіи природы», которое было для него темно̀.

Болингброкъ, учитель Вольтера, объявилъ, что человѣкъ чистѣйшее произведеніе природы, выше организованное животное, и довелъ до крайняго предѣла мысль, что всякая религія хитро разсчитана на глупость народа, для того, чтобъ сильные могли имъ, по своему произволу, руководить; узда и намордникъ, которыхъ нельзя снимать съ народныхъ массъ, безъ опасенія взрыва ихъ дикости. Такое понятіе о религіи въ XVIII столѣтіи распространяли такъ-называемые «остроумные» писатели, особенно высшихъ классовъ.

В. Говардъ и *Г. Додвель* оспариваютъ единство и безсмертіе души. *Дела-Метри* (р. 1709 † 1751), въ своемъ сочиненіи «Système de la nature» развилъ матеріализмъ до радикальнаго атеизма. *Рошфуко* и *Гельвецій* (р. 1715 † 1771) объявляютъ всякую духовную жизнь механизмомъ тѣла. Безконечное они считаютъ пустымъ, отрицательнымъ понятіемъ, добродѣтель—замаскированнымъ эгоизмомъ.—*Джонъ Толендъ* объяснилъ, что христіанство такоежъ конечное произведеніе природы, какъ «дерево, камень, вода, воздухъ;» — церковь, въ ея всецѣломъ явленіи, хитрая, лживая ткань политики и іерархіи, которую всякій здравый разумъ человѣческій долженъ уничтожить.

Такое одностороннее, безосновательное отрицаніе всего Божественнаго, такое осмѣяніе всякаго болѣе глубокаго изслѣдованія сущности вещей, и такую полнѣйшую неспособность матеріализма къ научному мышленію выставили въ самомъ яркомъ свѣтѣ французскіе энциклопедисты, (1751—1757), въ особенности *Дидеро* († 1784) и *Даламберъ* († 1783). Законы научнаго мышленія они выбросили за бортъ, какъ стѣсненіе «свободы мышленія», т. е. ихъ произвола.

Наконецъ *Вольтеръ* (р. 1694 † 1778) богохульнымъ осмѣяніемъ всего святаго превзошелъ, если возможно, своего учителя и своихъ единомышленниковъ. Раздраженный

римскимъ деспотизмомъ, онъ ставитъ на одну линію заблужденія папства и факты Евангелія. Увѣряя, что онъ ратуетъ противъ суевѣрія и кощунства, онъ отвергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчную истину. Утверждая, что онъ стремится водворить владычество добра, правды, свободы, онъ выказываетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ свою отвратительную ненависть къ живому Богу и Его святой волѣ. На мѣсто Бога, онъ ставитъ случай. Похвала толпы, благорасположеніе знатныхъ людей, деньги, чувственное наслажденіе: вотъ пружины, имъ двигавшія. Впрочемъ, слѣдуя правилу Гоббса, онъ мастерски умѣлъ носить мантію по вкусу своихъ читателей. Замѣчательный примѣръ противорѣчія съ самимъ собой представляютъ слѣдующіе стихи его:

Ils ont adoré tous un maître, un juge, un père:
Ce système sublime à l'homme est nécéssaire:
C'est le sacré lien de la société,
Le premier fondement de la sainte équité,
Le frein du scélérat, l'espérance du juste.
Si les cieux, depouillés de leur empreinte auguste,
Pouvaient cesser jamais de le manifester,
Si dieu n'existait pas, il fallait l'inventer....
Tout annonce d'un dieu l'éternelle existence,
On ne peut le comprendre, on ne peut l'ignorer.
La voix de l'univers atteste sa puissance,
Et la voix de nos coeurs dit qu'il faut l'adorer....

(Всѣ они боготворили Господа, судью, отца; эта высокая система необходима человѣку, она—священная связь общества, первая основа святой справедливости, узда душегубцу, надежда праведнаго. Еслибъ небеса, лишенныя знаменія своего величія, перестали когда-либо выказывать его, еслибъ не было Бога, его должно бъ изобрѣсть. Все возвѣщаетъ вѣчное существованіе Бога; его нельзя понять, но нельзя не признавать. Голосъ вселенной свидѣтельствуетъ

о его могуществѣ, и голосъ сердца нашего говоритъ, что ему должно покланяться).

Если представитъ себѣ живо всего Вольтера, то эта картина покажется какъ-бы насмѣшкой его надъ самимъ собой. Мы не будемъ доискиваться, были ли эти мысли минутнымъ отблескомъ божественной искры, которая и въ матеріалистѣ не вполнѣ угасаетъ, или написалъ онъ эти стихи для того, чтобъ достигнуть какой-либо прибыльной цѣли; во всякомъ случаѣ, однакожъ, они находятся въ полнѣйшемъ разладѣ со всѣми прочими сочиненіями и жизнію Вольтера.

Какъ нигилизмъ Лукіана и Эмпирика, во времена римскихъ императоровъ, принесъ свои плоды, такъ и заблужденія Гоббса, Болингброка, Вольтера и пр. обнаружили свою ядовитую заразу нравственности передъ французскою революціею и во время ея. Мы видимъ глубоко потрясающую драму народной заразы въ христіанствѣ! Повторяются жестокости Нерона, Гальбы, Вителлія и пр. Исторія начертала ихъ на своихъ скрижаляхъ раскаленнымъ желѣзомъ, на память человѣчеству.

Безстыдные, развратные романы служили духовной пищей высшихъ сословій и проникали въ массы народа. Холодный, богопротивный эгоизмъ, безусловное потворство страстямъ, Адамовы празднества скотской похоти (Филиппъ Орлеанскій, Людовикъ XV), правительственное вліяніе женщинъ при французскомъ дворѣ, непомѣрная роскошь, расхищеніе государственной казны, продажность и безсовѣстность чиновныхъ лицъ, угнетеніе народа и месть высшимъ, пошлость духовенства, порча нравовъ повсюду: эти необходимыя послѣдствія эманципаціи плоти должны были вызвать демона изъ его преисподней и сцены ужаса французской революціи возвѣстили его появленіе. Лучшіе люди должны были оставить свое отечество, свое достояніе. Болѣе милліона народу погибло подъ топоромъ гильотины. Отмѣна

поклоненія живому Богу, возведеніе «богини разума» на алтарь святыни (въ Ноябрѣ 1792), переплавка колоколовъ въ деньги и пушки, разрытіе могилъ, поруганіе тѣлъ усопшихъ, приготовленіе сала изъ мяса зарѣзанныхъ людей, переплетъ въ дубленую человѣческую кожу написанныхъ Мирабо такъ-называемыхъ «правъ человѣческихъ» (безъ обязанностей человѣческихъ), полный произволъ надъ жизнію, собственностію, честью, свободой лица, совѣсти; деспотизмъ наглецовъ и негодяевъ, война всѣхъ противъ всѣхъ: вотъ огненные знаки того страшнаго пожара, отъ котораго зардѣлись небо и земля, — страшные знаки лживаго матеріализма!

Мы не будемъ болѣе распространяться объ ужасахъ французской революціи. Кому они неизвѣстны? Къ счастію человѣчества, высшее правленіе премудраго и всемогущаго Создателя стоитъ непоколебимо твердо. Каждый разъ, когда исполнится мѣра безумія и грѣха, Онъ взываетъ: остановись!

Какъ теоретическій матеріализмъ уничтожаетъ самъ себя сомнѣніемъ во всякую истину, такъ и практическій матеріализмъ, подобно Сатурну, пожираетъ своихъ дѣтей. Терроръ, эта крайняя вершина вещественнаго поклоненія, повергъ самъ себя въ погибель. Робеспьеръ, по повелѣнію котораго Дантонъ и его сообщники были казнены 5 Апрѣля, арестованъ самъ и его поклонники другими распорядителями убійствъ (18 Іюля 1794), и преданъ гильотинѣ. На другой день казнены 72 члена общиннаго совѣта, ревностнаго исполнителя робеспьеровыхъ распоряженій. Весь клубъ Якобинцевъ былъ разсѣянъ Лежандромъ. 9 Ноября 1799 года Бонапарте, прежде самъ якобинецъ, арестовалъ директоровъ республики, и вслѣдъ за тѣмъ разогналъ штыками пятисотенный совѣтъ, въ то самое время, когда тамъ разсуждали о томъ, чтобы похитителя власти объявить внѣ

закона.—Часъ пробилъ: культъ матеріи истощилъ всѣ свои средства къ существованію. Въ теченіе 12-ти лѣтъ Франція была осчастливлена пятью конституціями, изъ которыхъ ни одна не могла удержаться. Матеріализмъ истлѣвалъ, приближалась побѣда духа надъ матеріею.

6.

Деспотическій властелинъ Франціи охватилъ войной почти всю Европу. Отъ Испаніи до отдаленной Россіи народы возстали отъ духовнаго сна. Терпя униженіе, они стали помышлять о спасеніи. Въ бѣдствіи человѣкъ невольно обращается къ Богу и въ упованіи на него почерпаетъ силы къ великимъ дѣяніямъ. Замѣчателенъ тотъ историческій фактъ, что во дни глубочайшаго униженія человѣчества, сѣмя божественной жизни развивается втиши, какъ горчичное зерно. Въ то самое время, какъ христіанство подвергалось наглымъ нападеніямъ со стороны матеріализма, оно подготовляло свои блистательнѣйшія побѣды. Среди военныхъ бурь новая духовная жизнь воодушевила Христіанство. Тогда какъ всѣ проявленія христіанской вѣры, казалось, замерли, когда лучшіе писатели Германіи и Англіи были до того отуманены натурализмомъ, что искупительный подвигъ Христа оставался для нихъ замкнутой тайной, тогда именно положено было въ Лондонѣ (1804) основаніе библейскому и миссіонерскому обществу, вліяніе котораго въ наше столѣтіе пріобрѣло историческое значеніе.

Наконецъ, по низверженіи чужеземнаго владычества, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ началось необыкновенное движеніе духовной жизни. Неутомимый духъ пытливости расширилъ всѣ области знанія. Смѣшеніе разнородныхъ мнѣній болѣе и болѣе проникалось вѣчною истиной, всякое познаніе начали сводить на твердыя основанія опыта,

природы человѣческаго духа и библейскихъ фактовъ откровенія. Точное изученіе древности, великіе уроки исторіи, глубокое изслѣдованіе природы, огромные успѣхи въ математическихъ и космическихъ наукахъ,—все это тѣснѣйшимъ образомъ соединилось со вновь оживленнымъ въ душахъ христіанскимъ духомъ, съ побѣдоноснымъ движеніемъ царства Божія.—Основывается множество ученыхъ заведеній и университетовъ: въ Ландсгутѣ (1800, съ 1826 въ Мюнхенѣ), въ Дерптѣ (1802), въ Харьковѣ и Казани (1804), въ Берлинѣ (1809), въ Христіаніи (1811), въ Гентѣ, Люттихѣ и Лембергѣ (Львовѣ, 1816), въ С.-Петербургѣ (1819), въ Лондонѣ (1825) и пр. и пр.

Какъ знакъ историческаго движенія духовной жизни должно признать также постепенное уничтоженіе крѣпостнаго состоянія и торга невольниками. Первые колонисты, освободившіе своихъ невольниковъ, были квакеры (1750). Первое государство, уничтожившее торговлю невольниками, была Данія (1791). Стараніями благороднаго Вильберфорса Англія объявила въ 1824 году торгъ невольниками морскимъ разбоемъ, заключила въ этомъ отношеніи договоръ съ Испаніей, и даровала свободу своимъ западо-индійскимъ неграмъ, въ числѣ 800 тысячь человѣкъ, заплативъ 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ вознагражденія ихъ владѣльцамъ. Въ 1841 году пять великихъ державъ заключили договоръ о прекращеніи невольничества.

Не менѣе замѣчательны, какъ побѣды духа надъ матеріею, открытія и изобрѣтенія новѣйшаго времени. Галвани и Вольта открыли новый видъ электричества (1791—1800); Лампадіусъ изобрѣлъ газовое освѣщеніе (1801); Пьяцци открылъ Цереру, Ольберсъ Палладу (1801) и Весту (1807), Гардингъ—Юнону (1804); Гаусъ вычислилъ ихъ орбиты; Брандесъ произвелъ болѣе точныя наблюденія надъ падающими звѣздами (1808); Деви открылъ металлическія начала

въ щелочахъ (1807); Берцеліусъ—законы химическихъ соединеній (1811); Цамбони построилъ сухой электрическій столбъ (1814); Эрстѣдъ открылъ электро-магнитизмъ, Штейнгейль примѣнилъ его къ телеграфіи; Швейгеръ изобрѣлъ электромагнитный мультипликаторъ (1819); Фареде открылъ магнитное электричество (1831); Якоби—гальванопластику (1839); Дагерръ — свѣтописныя картины (1839); Зебекъ открылъ термомагнитность; Шенбейнъ приготовилъ хлопчатую бумагу для взрыва скалъ.

Истинно изумительны успѣхи новѣйшаго времени въ математикѣ и астрономіи, какъ равно въ улучшеніи математическихъ и астрономическихъ инструментовъ. Усовершенствованные телескопы и микроскопы открываютъ намъ совершенно новые міры, необозримое поле какъ въ цѣлой вселенной, такъ и на малѣйшемъ пространствѣ, гдѣ человѣческій духъ повсюду находитъ порядокъ, богатство жизни, цѣлесообразность, и связь всѣхъ частей мірозданія. Всѣ отрасли естественной науки: органическая химія, стехіометрія, физіологія, сравнительная анатомія, медицина, геологія, минералогія, палеонтологія и пр. вступили на высокую ступень развитія. Громадные успѣхи физики и ея примѣненія къ промышленности—истинное торжество человѣческаго духа надъ грубою силой мертвой матеріи, подтвержденіе Божьяго велѣнія: «наполняйте землю и владѣйте ею».

Изъ всѣхъ созданій земныхъ, человѣкъ рождается на свѣтъ въ самомъ безпомощномъ состояніи. Бо̀льшая часть животныхъ превосходятъ его тонкостію чувствъ, силой мускуловъ и вѣрностію инстинктивнаго побужденія. Но за всѣ эти превосходства, Богъ съ избыткомъ наградилъ человѣка разумнымъ духомъ. Что̀ былъ бы человѣкъ безъ жизни духа? Какъ ничтожна, напр. сила мускуловъ самаго могучаго человѣка въ сравненіи съ хоботомъ слона, съ пастью

тигра, съ хвостомъ кита, который однимъ ударомъ разбиваетъ лодку въ дребезги и подбрасываетъ ее на воздухъ. Но человѣкъ усиливаетъ свою руку помощію рычага, ворота, блоковъ, клина, посредствомъ упругости паровъ, чрезъ взрывы пороха и ударной хлопчатой бумаги; онъ передвигаетъ огромнѣйшія тяжести, взрываетъ скалы, перемѣщаетъ горы. Пила, топоръ и огонь, при содѣйствіи человѣка, уничтожаютъ первобытные лѣса и превращаютъ ихъ въ плодоносныя поля. Буравъ проникаетъ въ самое твердое дерево, въ желѣзо, даже въ каменистые слои земли до глубины въ 2000 футовъ. Что въ сравненіи съ этимъ клювъ дятла или уколъ насѣкомаго? Глазъ коршуна видитъ мелкаго звѣрька съ изумительной высоты, между тѣмъ какъ око человѣка не можетъ распознать неосвѣщенные предметы, если они находятся далѣе чѣмъ въ разстояніи 3436-ти діаметровъ ихъ величины. Но вотъ изъ кремнезема, небольшаго количества свинца и поташа человѣкъ приготовляетъ стекло для телескопа и микроскопа, и при помощи перваго наблюдаетъ чудеса неподвижныхъ звѣздъ, въ разстояніи трилліоновъ миль отъ земли, а посредствомъ другаго разсматриваетъ организмы инфузорій, которыхъ поперечникъ въ 100 разъ меньше толщины человѣческаго волоса.

Изобрѣтательный духъ человѣка, не только преодолѣваетъ враждебныя ему силы природы, но обращаетъ ихъ въ свою пользу, для питанія, охраненія, украшенія и облагороженія своего существованія. Не только могучій конь, волъ, слонъ—дѣлаются ему послушны, но онъ заставляетъ движеніе вѣтра, теченіе воды, силу огня, пара, дѣйствіе химическаго сродства, свѣта и пр. помогать ему въ его работахъ и способствовать его цѣлямъ. Онъ ловитъ бурные вѣтры въ паруса своихъ кораблей, которые отъ того идутъ противъ теченія и переплываютъ далекія моря. Вѣтряная мельница должна молоть ему муку, пилить бревна, накачи-

вать воду и исполнять разныя другія работы. Трудъ человѣка воздвигаетъ плотины, ограждаетъ ими себя отъ разлива рѣкъ, отъ вторженія на сушу волнъ морскихъ, и спокойно обработываетъ за этими плотинами свои поля, гдѣ прежде плавали корабли.

Вода должна приводить въ движеніе тысячи машинъ и фабрикъ, должна вращать милліоны веретенъ для фабрикаціи шелка, льна, шерсти, должна посредствомъ магнитно-электрической вращательной машины производить гальваническій токъ, служащій къ золоченію предметовъ украшенія и серебренію столовыхъ приборовъ; словомъ сказать, она должна выполнять всѣ механическія работы по волѣ человѣка.—Огромная водная поверхность океана, раздѣляющая части свѣта, не составляетъ уже для человѣка враждебную силу; напротивъ, она служитъ главнымъ соединительнымъ путемъ для всемірныхъ сношеній. Человѣкъ строитъ желѣзные корабли, переплываетъ моря, ходитъ вокругъ земли. Магнитная стрѣлка должна указывать ему путь; наблюденіемъ небесныхъ звѣздъ человѣкъ опредѣляетъ градусъ широты, а хронометромъ градусъ долготы своего мѣстопребыванія.

Все-истребляющій огонь въ особенности полезенъ человѣку; онъ освѣщаетъ, согрѣваетъ его жилище, варитъ ему пищу, превращаетъ кремнеземъ въ стекло, плавитъ металлы, выдѣляетъ углекислоту изъ известняка, обжигаетъ глиняныя и фарфоровыя издѣлія, превращаетъ воду въ паръ для тысячи различныхъ цѣлей. Изобрѣтательный умъ человѣческій построилъ желѣзнаго коня, котораго онъ кормитъ водой и угольемъ. Этотъ конь везетъ тяжести въ нѣсколько тысячъ пудовъ по желѣзнымъ полосамъ, проходя по 100 миль въ сутки.—Человѣкъ проламываетъ горы, заваливаетъ долины, строитъ мосты черезъ пропасти. Онъ работаетъ, какъ баснословные циклопы, въ огромныхъ рудникахъ, на глубинѣ до 2000 футовъ подъ землей. Вода и паръ приво-

дятъ громадныя механическія устройства въ движеніе, посредствомъ которыхъ тысяче-пудовыя тяжести, повидимому столь же легко какъ щепка, поднимаются, опускаются, передвигаются, поворачиваются, смотря по тому, какъ нужно человѣку для его цѣлей. Гдѣ человѣческая рука слишкомъ слаба или слишкомъ дорого обходится, тамъ являются приборы и инструменты, въ тысячи различныхъ видахъ, и исполняютъ предназначенную имъ работу съ удивительною быстротой, точностью и оконченностью. Въ новѣйшее время механизмы дѣлаютъ почти все: они пашутъ, засѣваютъ поля, жнутъ хлѣба, косятъ траву, молотятъ, очищаютъ и перемалываютъ зерно, мѣсятъ тѣсто и даютъ ему форму хлѣбовъ; подготовляютъ и прядутъ ленъ и шерсть, ткутъ разныя ткани гладкія и узорчатыя, кроятъ и шьютъ изъ нихъ одежду; они распиливаютъ, обтачиваютъ, стругаютъ, просверливаютъ, измѣряютъ, взвѣшиваютъ, соединяютъ, формуютъ, гравируютъ, полируютъ—дерево и металлы, кость и камень, глину и стекло, все по волѣ человѣка. Не ясно ли доказываютъ эти механизмы, въ ихъ остроумномъ устройствѣ, владычество человѣческаго духа надъ матеріею?

Выше орла и кондора взлетаетъ человѣкъ на воздушномъ шарѣ, чтобъ изслѣдовать атмосферу. Съ помощію водолазнаго колокола опускается онъ въ глубину моря, изучаетъ тамъ морское дно, взрываетъ подводныя скалы, ловитъ жемчугъ, отыскиваетъ потонувшіе корабли съ ихъ грузомъ, снимаетъ даже свѣтописныя изображенія морскаго ила, и раскрываетъ чудеса подводнаго міра.—Посредствомъ термометра и кипящей воды человѣкъ опредѣляетъ высоту горъ и глубину морскихъ береговъ; посредствомъ барометра измѣряетъ давленіе атмосфернаго воздуха и напряженіе паровъ въ замкнутомъ котлѣ. Посредствомъ химіи онъ открываетъ составныя части воздуха, воды, органическихъ веществъ и минераловъ; превращаетъ крахмалъ въ сахаръ,

тощее мясо въ жиръ, простѣйшія вещества въ дорогія произведенія. Изъ глинозема выдѣляетъ алюминій, изъ воды горючій водородъ и пр. Больному даютъ вдыхать хлороформъ, и отнимаютъ у него руку, ногу—безъ боли. Помощію качаній маятника человѣкъ опредѣляетъ сжатіе земнаго шара у полюсовъ и доказываетъ ея вращеніе (Фуко).—Онъ даетъ направленіе молніямъ и воднымъ потокамъ, отводя ихъ разрушительную силу отъ своего жилища. Молніеносная сила должна ему служить средствомъ для передачи его извѣстій въ каждую минуту, днемъ и ночью, въ ясную и бурную погоду, за тысячи миль изъ одной страны въ другую, изъ одной части свѣта въ другую.—Человѣкъ измѣряетъ быстроту вѣтра, звука, свѣта; онъ вычисляетъ съ точностію число звуковыхъ волнъ въ одну секунду, производимыхъ извѣстнымъ тономъ, а также число и величину эфирныхъ волнъ, производимыхъ различными цвѣтами разложеннаго солнечнаго луча и разной температурой. Онъ заставляетъ даже солнечный лучь быть рисовальщикомъ и изображать предметы съ такой быстротой и вѣрностью, какихъ никакая человѣческая рука не въ состояніи достигнуть. Человѣкъ вычисляетъ явленія звѣзднаго неба: движеніе планетъ и кометъ, затмѣнія луны, планетъ, спутниковъ Юпитера и пр. и предсказываетъ ихъ появленіе за цѣлыя столѣтія впередъ.—Онъ воздѣлалъ пустынную землю и своимъ устойчивымъ трудомъ заставилъ ее быть плодородною. Онъ прорубилъ первобытные лѣса, и дикія страны превратилъ въ благоустроенныя государства. Онъ перенесъ множество растеній съ Востока въ Европу и отъ сюда пересадилъ полезныя растенія въ Америку и на острова южнаго океана. Въ приморскихъ городахъ онъ просверливаетъ землю ниже дна морскаго для добытія прѣсной воды, превращаетъ степь Сахару въ цвѣтущіе сады и плодоносныя поля, посредствомъ устройства артезіанскихъ колодцевъ.

Но пора остановиться . . . . . Еслибъ мы хотѣли исчислить всѣ успѣхи наукъ и искусствъ, намъ пришлось бы исписать цѣлые фоліанты. Одинъ взглядъ въ новѣйшую литературу различныхъ научныхъ отраслей и на всемірныя выставки въ Лондонѣ и Парижѣ должны каждаго разумнаго зрителя исполнить удивленіемъ. Такая побѣда ума и воли надъ безсмысленною и лишенною воли матеріею составляетъ историческій фактъ, подтверждающій неопровержимое существованіе и творческую силу духовной жизни. Каждое новое изобрѣтеніе проистекаетъ изъ новаго примѣненія законовъ природы къ извѣстной цѣли и свидѣтельствуетъ о самомыслящемъ, творящемъ духѣ. Еслибъ человѣческій духъ, размышляющій и хотящій, торжествующій своими математическими вычисленіями надъ слѣпымъ случаемъ, былъ—по существу своему—не иное что, какъ продуктъ случая, какъ произведеніе «смѣшенія атомовъ и мозговаго вещества», то случай возвысился бы надъ самимъ собой, и это было бы безконечно чудеснѣе, чѣмъ творчество живаго, личнаго Бога, нами видимое. Не смотря на все это, матеріалистъ упорно предается самому странному изъ всѣхъ родовъ суевѣрію, «что машина рождаетъ духъ», что зданіе производитъ строителя.

Отъ чегожъ это?—Отъ того, что эти господа односторонимъ знаніемъ своимъ вовлечены въ такое самообаяніе, въ такое высокомѣріе, которое близко къ помѣшательству ума. Глубокомысленнѣйшіе естествоиспытатели, каковы, наприм. Александръ Гумбольтъ и пр. и остроумнѣйшіе мыслители, какъ, наприм. Гауссъ и пр. не возгордились пріобрѣтеніемъ новѣйшихъ познаній, но смиренно, скромно сознались, что источникъ возникновенія (Werden) еще не объясненъ.—И дѣйствительно, пытливый духъ человѣка еще не окончилъ, а только что началъ свою работу.—О сущности матеріи и естественнаго закона мы имѣемъ однѣ предположенія, кото-

рыя, съ каждымъ новымъ расширеніемъ знанія, должны измѣняться. И именно новѣйшая естественная наука, въ отношеніи существовавшихъ донынѣ представленій о матеріи, находится въ важномъ переходномъ состояніи. Человѣческій духъ едва малѣйшую каплю зачерпнулъ изъ океана всемогущества и премудрости Бога. И при такихъ обстоятельствахъ, можетъ ли разумный человѣкъ выдавать за конечный результатъ науки аподиктическое утвержденіе, что «безъ фосфора нѣтъ мысли!»—Новѣйшій матеріализмъ превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ дерзости богоотступничества, подъ вывѣской «точной науки».

7.

Еслибъ кто-нибудь началъ серьозно утверждать, что «онъ видѣлъ мысль, вѣсомъ въ 3 фунта, длиной въ 5 дюймовъ, масса которой состоитъ изъ подвижныхъ шариковъ, производящихъ качанія въ $^{3}/_{100000}$ линіи длины и ширины,» то̀—можно положительно сказать, что разумный человѣкъ несталъ бы съ такимъ господиномъ тратить словъ. А между тѣмъ это утвержденіе, по принципу его, составляетъ сущность новѣйшей матеріалистической премудрости. Мысль, самосознаніе, воспоминаніе, связь идей, вѣра, воля, совѣсть—короче, всякая дѣятельность духа, по мнѣнію этихъ странныхъ мудрецовъ, не болѣе какъ родъ «измѣненія, движенія, возбужденія и комбинаціи атомовъ мозговой субстанціи.» Человѣкъ ничего другаго не знаетъ, какъ то, что онъ видитъ, слышитъ, обоняетъ, осязаетъ или чувствуетъ. Все мышленіе, по формѣ и содержанію—пространственная перемѣна состоянія, измѣненіе въ порядкѣ расположенія атомовъ кислорода, азота, фосфорнокислаго жира и пр. — что̀, въ этомъ специфическомъ смѣшеніи, называется мозгомъ. Сила мышленія есть свойство тѣлеснаго организма. Процесъ мышленія можно себѣ представить какъ колебанія звучащей

струны, или какъ выжиманіе воды изъ мокрой губки, какъ дѣятельность мышечнаго движенія, или какъ выдѣляющую дѣятельность железы, напр. печени или почекъ . . . . . .

Дѣятельность мышленія и воли столь твердый фактъ, что ее не можетъ отвергнуть и матеріалистъ; однакожъ, онъ говоритъ, что такая дѣятельность—продуктъ частію случайнаго, частію необходимаго состоянія мозговой субстанціи. Коль скоро эта субстанція, по смерти, переходитъ въ гніеніе, то и мыслящій индивидъ разлагается въ ничто.

Нѣкоторое время матеріалистическое направленіе находило себѣ убѣжище въ «Jahrbücher» А. Руге; теперь же оно распространяется сочиненіями подъ различными названіями (*). Главный предводитель новѣйшаго вѣрованія въ вещество—*Людвигъ Фейербахъ*. Въ сочиненіи своемъ «Das Wesen des Christenthums» (сущность христіанства), онъ отвергаетъ не только христіанскую вѣру, но и всѣ религіи вообще. Онъ утверждаетъ, что человѣкъ «самое чувственное существо». Все, что онъ думаетъ, что онъ есть и имѣетъ, зависитъ отъ его тѣлесныхъ чувствъ. Всякая религія, безъ различія, есть отношеніе человѣка къ самому себѣ ка̀къ-бы къ другому существу, — глупое самообольщеніе, посредствомъ котораго человѣкъ свое собственное существо выдѣляетъ изъ себя какъ объэктъ (объэктивируетъ себя) и покланяется ему ка̀къ-бы другому существу. Въ особенности же христіанство считаетъ онъ нелѣпостію и бичомъ человѣчества. Для него, Богъ—идеализированный человѣкъ, которому нѣтъ предѣловъ. Услышаніе молитвы—это отголосокъ

(*) Между прочимъ съ 1859 года издается профессоромъ *Росмеслеромъ* журналъ «Aus der Heimath», весьма дешевый, популярно излагаемый и чрезвычайно занимательный въ отношеніи естественныхъ наукъ, но къ сожалѣнію въ немъ проглядываетъ довольно частенько матеріалистическое направленіе. Пр. пер.

самого молящагося. «Я люблю, говоритъ Фейербахъ, свое собственное существо. Мое сердце—мой богъ; лучше себя оно не знаетъ другаго существа. Любовь Бога ко мнѣ—это мое обоготворенное себялюбіе».

Въ томъ предположеніи, что никто не усомнится вѣровать въ эти бредни, Фейербахъ уволилъ себя отъ труда представить доказательства своимъ положеніямъ. Вмѣсто научнаго развитія своихъ тезисовъ, онъ представляетъ только наглыя утвержденія и дерзкіе приговоры. Старинныя матеріалистическія фразы онъ окутываетъ только въ новую, блестящую мишуру. Одно доказалъ онъ, а именно, что онъ эгоистъ, слѣпо вѣрующій въ свою мечту, и что человѣкъ, безъ творческаго искупленія Божія, и останется эгоистомъ. Для него высшая цѣль человѣческой жизни—разложеніе человѣка въ естественную необходимость, и, въ возможной степени, наслажденіе преходящимъ существованіемъ.

Однако Фейербахъ нашелъ человѣка, который перещеголялъ его въ матеріалистическомъ нигилизмѣ. *Максъ Штирнеръ* въ своей брошюрѣ «Der Einzige und sein Eigenthum» (единичный человѣкъ и его собственность), называетъ Фейербаха «попомъ», за то что онъ, признавая еще идею человѣчества, не провелъ эгоизмъ послѣдовательно до конца и еще кое-гдѣ упомянулъ о любви. Штирнеръ же доводитъ безбожное себялюбіе до крайней вершины. По его словамъ, человѣкъ долженъ любить единственно самого себя и смотрѣть на весь міръ только какъ на средство своего себялюбія. Разумѣется само собой, что этимъ взглядомъ раскрывается дверь необузданной эманципаціи плоти.

Планкъ, въ своемъ сочиненіи «System des reinen Realismus» (система чистаго реализма), пытался основныя воззрѣнія матеріализма привесть въ систему и облечь ихъ въ философскую форму. Прежде всего онъ утверждаетъ, что было бы противно здравому разсудку идеальное предпоставлять

реальному. Объэктивное существо живаго, личнаго Бога— для него пустое воображеніе и неправда. Богосознаніе, по существу своему,—несвободное, себялюбивое состояніе духа, что необходимо уничтожить. *Я* приноситъ себя «въ жертву воображаемому Богу», съ тѣмъ чтобъ явиться бо̀льшимъ *я*. Въ человѣкѣ нѣтъ другаго противорѣчія, кромѣ идеальнаго (воображаемаго) человѣка съ реальнымъ, дѣйствительнымъ.—Поставленный несвободнымъ духомъ *трансцендентный* богъ (*) не иное что, какъ міровой законъ, *имманентный* нашему *я* (?). Дѣйствительной противоположности между Богомъ и человѣкомъ нѣтъ. Истинное знаніе должно вещи понимать какъ нѣчто конечное и условное, и не принимать абсолютнаго. Основное условіе всякой истинной науки заключается въ томъ, чтобъ знать, что безусловный Богъ не существуетъ. Какъ цѣлый родъ, такъ и особь, въ началѣ развитія своего несвободны. Безсамостное (selbstlos), *количественное* бытіе—прежде всего; оно первое. Первоначально-противоположное образуетъ начало всего реальнаго, потому-что двойственность (Dualität), противоположность — это жизнь. Реальное—изъ своего количественнаго развивается въ *качественное*, т. е. изъ безсамостнаго бытія въ разумъ, и принимаетъ—по необходимости—все болѣе совершенныя формы, которыя производятъ наконецъ высшее—нравственное!

Впрочемъ, Планкъ не прямо становится въ ряды матеріалистовъ; онъ формулируетъ такъ свое положеніе: «всеобщій принципъ всякой дѣйствительности есть самостоятельная, интензивная (intensiv) реальность безсамостно-протяженнаго. «(*Самостоятельную* реальность слѣдуетъ понимать *без-*

(*) *Transcendent* собственно все, что въ нашемъ познаніи выходитъ изъ предѣловъ опыта. Въ этомъ смыслѣ оно противопоставляется выраженію *Immanent*.

самостною! — Самостоятельное *я*, но все-таки не само *я*!) Хотя должно смотрѣть на природу не какъ на причину, а только какъ на условіе духа; однако жъ, по мнѣнію Планка, начало всякаго движенія есть несвободное, безсамостное, естественному закону подчиненное *количественное*, и разумъ— только позднѣйшее его качество. — Цѣлью всякаго знанія должно быть «нравственное»; но сущность нравственнаго, какъ говоритъ Планкъ, состоитъ не въ любви къ живому Богу, а только въ томъ, чтобъ духъ имѣлъ цѣлію самого себя и считалъ себя частію необходимаго естественнаго закона . . . . . Собственное, свободное хотѣніе—только по формѣ безконечно. Само себя ставящее дѣяніе—это стоическое самоотверженіе, самохотящее, безусловное жертвованіе всепоглощающей необходимости природы. — Короче сказать, вся теорія Планка основана на вѣрованіи въ абсолютность закона чувственнаго міра. Этотъ законъ, посредствомъ качественнаго элемента реальнаго разума, развивается, по необходимости, до высшей цѣли цѣлаго. Покоряться порядку естественной необходимости — по его нелѣпому разсужденію—вотъ нравственность и религія; со смертію отказываться отъ всего—вотъ истинное смиреніе.

Между тѣмъ какъ *Гегель* идею абсолютнаго разума—абстрактное понятіе—принималъ какъ движущій природой принципъ, Планкъ хвалится тѣмъ, что ему не нужно даже и этой трансцендентной идеи. Но какимъ образомъ изъ «безсознательной» силы (Potenz) естественнаго закона происходитъ дѣйствительная духовная жизнь, объ этомъ мы ничего не узнаемъ изъ его другъ другу противорѣчащихъ утвержденій.—Планкъ хотя полемизируетъ противъ Фейербаха, однакожъ его основное предположеніе, что духъ есть необходимый естественный процесъ, и его выводъ отсюда, что жизнь для неба разрушаетъ жизнь для рода, совершенно согласуются съ теоріей Фейербаха.

Болѣе новую попытку, облечь матеріализмъ въ логическую форму, предпринялъ *Чольбе* (Czolbe, Neue Darstellung des Sensualismus, 1855). У него основный принципъ сенсуализма слѣдующій: при всякомъ мышленіи, принятіе сверхчувственныхъ вещей, то есть, всего что̀, по своему особому свойству, непостижимо для чувствъ, должно быть исключено; всякую истину можно дознать чрезъ индукцію, чрезъ обобщеніе частныхъ чувственныхъ постиженій.—Впрочемъ, Чольбе сознается, что его чувственное міросозерцаніе—чисто индивидуальное и произвольное. Онъ приходитъ къ тому результату, что вселенная, земля, человѣчество и его исторія никогда не возникали, но были и суть «вѣчное, безконечное» круговое движеніе чувственнаго вещества. Сознаніе, по словамъ его—произведенное устройствомъ мозга качество, «само въ себя возвращающееся направленіе всякаго опыта, которое составляетъ неразложимое болѣе единство этой дѣятельности.» (Мы спросимъ г. Чольбе: постигъ ли онъ чувствами актъ мышленія, вѣчность и безконечность матеріальнаго круговаго движенія?).—Религію хотя и не можно, въ строгомъ смыслѣ, опровергнуть; однако, по мнѣнію его, система сенсуализма можетъ ее вытѣснить и сдѣлать ненужною . . . .

Новѣйшіе, такъ называемые естественники-матеріалисты, какъ напр. *Фохтъ*, *Молешотъ* и пр. отказываются прямо результаты своихъ изслѣдованій приводить въ логическую систему, на основаніи всеобщихъ законовъ мышленія, надъ которыми они издѣваются. Они повторяютъ старое, давно извѣстное, съ присовокупленіемъ новыхъ преувеличеній.—Наконецъ, *Бюхнеръ*, компилируя всѣхъ своихъ единомышленниковъ, выставляетъ матеріалистическія положенія во всей ихъ наготѣ, и тѣмъ самымъ, разумѣется, придвигаетъ матеріалистическій нигилизмъ ближе къ новому окончательному довершенію невѣдѣнія духа, и къ той же нравственной

несостоятельности, какую испытали подобныя ученія Лукіана, Эмпирика, Гоббса и Вольтера.

Какъ всякія плевела приносятъ свой плодъ, такъ и новѣйшій матеріализмъ принесъ уже практическіе плоды положительнаго и отрицательнаго рода. Онъ долженъ завершить свое историческое призваніе; онъ долженъ подстрекать умы, бичевать болѣзненные наросты противной стороны; онъ долженъ убивать то что̀ неспособно къ жизни и тѣмъ содѣйствовать новому торжеству царства Божія; самъ же онъ не избѣжитъ круговаго движенія своихъ предшественниковъ; и онъ скончается и забудется какъ всѣ они.

Всего непонятнѣе, что лучшіе между матеріалистами опровергаютъ свою теорію своею практически-нравственною жизнію. Такъ, напр. Яковъ Молешотъ говоритъ, что онъ презираетъ тѣхъ людей, которые обижаютъ другихъ, потому-что это противно человѣчеству; слѣдовательно совѣсть Молешота предполагаетъ святой союзъ человѣчества какъ руководство его поступковъ. Онъ говоритъ еще, что для потребностей рода (человѣческаго) ненужно потворство страстямъ, и что изъ положенія: «человѣкъ есть необходимо-условное естественное явленіе», нельзя выводить вызова къ необузданному распутству, что *такое* понятіе о матеріализмѣ, которое вредитъ нравственности, онъ отвергаетъ всею силой своего ощущенія»; тѣхъ же, кто изъ его ученія выводитъ безнравственныя заключенія, называетъ онъ «фарисеями, двуязычными измѣнниками, подкупными торгашами, у которыхъ нѣтъ другаго побужденія къ добродѣтели, какъ загробное небо . . «(*).—Мы вполнѣ уважаемъ такое сознаніе нравственнаго принципа; разумный человѣкъ противорѣчитъ здѣсь неразумному матеріалисту. Но что̀ поможетъ, если я подру-

---

(*) Для истиннаго христіанина принципъ и мотивъ нравственности не небо, *а любовь къ Богу*, происшедшая отъ Бога (1. Іоан. 1, 5; 4. 7).

блю корни дерева, а потомъ скажу: ты должно расти; что̀ поможетъ, если я разрушу плотины и скажу: остановитесь волны, я васъ презираю! Какая польза на «несвободный актъ воли» налагать отвѣтственность? На такія восклицанія Молешота полуобразованная масса, читающая книжонку Бюхнера, не обращаетъ вниманія. Гдѣ «во имя науки» отвергаютъ Бога, тамъ эгоизмъ возводится на престолъ; тамъ похоти плотскія сбрасываютъ съ себя оковы и «человѣчество», которое Молешотъ признаетъ священнымъ, попирается ногами; тамъ имѣетъ силу «религія мошенниковъ: золото—нашъ богъ; хитрость—наше оружіе; главнѣйшая заповѣдь наша: умѣй ускользать отъ преслѣдованія; наша надежда—настоящая минута, нашъ храмъ—биржа, нашъ рай—наслажденіе.»—Мы могли бы назвать людей образованнаго класса, которые начитавшись Бюхнера, объявляли слѣдующія аксіомы: «религія—для глупцовъ; безсмертіе и воздаяніе по дѣламъ—сказки, которымъ никто не вѣритъ; нравственность—пустой звукъ. Доказано *научнымъ образомъ,* что такъ-называемыя дѣятельности души не болѣе какъ функціи мозговаго вещества, и что всякое дѣйствіе или бездѣйствіе основано на естественномъ процесѣ мозговаго вещества. Виноватъ ли воръ, когда его мозгъ расположенъ къ воровству? Наши карательные законы чистое варварство; они наказываютъ ложную присягу, тогда-какъ всѣ люди должны лгать, когда ихъ мозгъ къ тому принуждаетъ. Кто не умѣетъ лгать, тотъ дрянной человѣкъ» и пр. . . Такъ говорятъ «просвѣщенные» Бюхнеровой школы, когда благоразуміе не заставляетъ ихъ иначе говорить, чѣмъ они мыслятъ. Эти «просвѣщенные» совершенно пра̀вы въ отношеніи логической послѣдовательности, выводимой изъ основнаго закона матеріализма, который гласитъ, что дѣйствіе человѣка не болѣе, какъ «несвободный, естественный процесъ;» и можно ли химическій процесъ считать отвѣтственнымъ?

Ошибаются эти несчастные «просвѣщенные» только въ томъ, что они слѣпо вѣрятъ матеріалистическому ученію, не обдумавъ, что всѣ неразумныя положенія, какъ напр. «воля—естественный процесъ; безъ фосфора нѣтъ мысли и пр.» пустозвонныя слова, а не доказательства, и—по выраженію самихъ же матеріалистовъ—не иное что какъ «мозговыя движенія», мозговыя бредни, которыя содержатъ въ себѣ столько же истины и дѣйствительности, какъ и всякой другой сумбуръ. Но пусть матеріализмъ правъ, что всякая мысль есть только результатъ движенія мозга; въ такомъ случаѣ и мысль, что отъ моей воли безусловно зависитъ пошевелить тѣмъ или другимъ пальцемъ, будетъ также мозговымъ движеніемъ, какъ мысль Молешота, что человѣкъ несвободенъ. Которое же мозговое движеніе имѣетъ болѣе притязанія на истину? Всѣ естественные процесы равно справедливы и хороши. И такъ, смотря даже съ матеріалистической точки зрѣнія, не имѣетъ ли вѣра въ живаго Бога и въ свободную волю человѣка, покрайней мѣрѣ столько же права быть и считать себя истиной, какъ вѣрованіе въ творчество случая и естественной необходимости? Однакожъ, эти бѣдные «просвѣщенные» и не думаютъ о томъ, что матеріализмъ всякое познаніе истины, безъ различія, низводитъ до субъэктивнаго произвола, т. е. до слѣпаго вѣрованія въ свои собственныя мысли; отъ того онъ теряетъ подъ собой всякую почву и долженъ окончиться полнѣйшимъ невѣдѣніемъ. Можно бы отвѣчать матеріалисту на его неразумное ученіе: хорошо, твои мысли и познанія суть естественно-необходимыя мозговыя движенія; мои мысли—тоже; кто правъ? Матеріалистъ возразитъ: «кто фактически побѣдитъ, тотъ и правъ.» И это хорошо; христіанская вѣра побѣдила міръ и будетъ вѣчно торжествовать. «И сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша.» 1. Іоан. 5, 4.—Такимъ образомъ вѣрованіе въ матерію, съ какой стороны мы на него

ни посмотримъ, поражаетъ себя своимъ же оружіемъ.—Вѣрованіе въ матерію, само по себѣ, столько же невинно, какъ и всякая другая игра фантазіи; но виновенъ тотъ, кто на доброе поле сѣетъ плевела, чье сердце съ жадностью воспринимаетъ въ себя матеріалистическую мораль, для того, чтобы прикрыть свои грѣхи, чтобъ успокоить свою совѣсть. Свободная только воля можетъ грѣшить или весть по нравственному пути. Матерія, сама по себѣ, не можетъ быть ни грѣшна̀, ни нравственна. Логически—послѣдовательный матеріалистъ не можетъ говорить о хотѣніи или нехотѣніи, и о нравственности; естественный процессъ=абсолютная необходимость. Это сознаютъ и честные поклонники матеріализма.—Мы не желаемъ ни осуждать, ни подозрѣвать въ нечистыхъ намѣреніяхъ тѣхъ изслѣдователей, которые, въ стремленіи своемъ отыскать только истину, дошли до найденныхъ ими результатовъ. Мы сами сознаемъ, что интересъ истины выше всего. Но высокомѣріе матеріалистической пропаганды, дерзкое ея поползновеніе свое индивидуальное знаніе, которое во всякомъ случаѣ только что возникаетъ и находится въ переходномъ состояніи къ лучшему, противопоставлять, какъ аподиктическую истину, божескому и человѣческому закону, всему нравственному міровому порядку, въ томъ видѣ, какъ это дѣлаютъ популярныя матеріалистическія сочиненія: вотъ гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, ядовитый плодъ, и чего ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ одобрить.

Два необозримые ста̀на начинаютъ устраиваться. Владычество матеріи, или владычество духа Божія,—вотъ великій вопросъ нашего времени. На сторону матеріализма сталъ сенсуализмъ со своею необузданною страстью къ наслажденіямъ и льдяно-холоднымъ эгоизмомъ. Онъ отравляетъ святыню семейства, подкапываетъ основные столпы государства, глумится надъ всѣмъ что̀ называется религіею и

нравственностію, вызываетъ всѣми силами революцію изъ ея мрачныхъ убѣжищъ. «Державное, спасительное, освящающее золото, родитель капитала,»—вотъ поэзія, вотъ фетишъ въ этомъ станѣ. Себялюбивая, шумная расточительность, безумное употребленіе своего достоянія, жадность къ пріобрѣтенію денегъ и наслажденій, рождаютъ въ низшихъ слояхъ общества недовѣрчивость, завиcть, ненависть. Но если въ душахъ нѣтъ благороднаго порыва, нѣтъ любви къ Богу и своему ближнему, то не можетъ быть и равновѣсія между большими и малыми состояніями. Малыя болѣе и болѣе поглощаются большими и должны наконецъ, какъ планеты безъ центробѣжной силы, упасть на солнце. Зависть снизу и давленіе сверху, въ союзѣ съ безбожіемъ, вотъ язва, которая неумолимо ведетъ къ смерти. Конечно, безбожіе противно человѣческой природѣ, однакожъ, оно составляетъ форму, въ которой жизнь, наполненная горечи и безнадежности, находитъ свое выраженіе. Грубость, рабскій страхъ и затаенная злоба противъ богатства: эти чувства преобладаютъ въ низшихъ классахъ нашихъ большихъ городовъ, и матеріализмъ заботливо питаетъ эти ядовитыя растенія своими такъ называемыми «результатами науки».

Чѣмъ мрачнѣе, чѣмъ грознѣе возстаетъ передъ нами въ будущемъ идолопоклонство нашего времени, тѣмъ великолѣпнѣе блестятъ предзнаменованія новаго торжества царства Божія надъ болѣзненными наростами себялюбія и лжи. Во многихъ членахъ царства Божія, которые недавно еще казались мертвыми, могучѣе нежели когда-либо пробуждается жизненное дыханіе Бога: больное выздоравливаетъ, слабое крѣпнетъ, разсѣянное собирается, царство Божіе растетъ извнѣ и внутри, на диво свѣту. «Отъ смоковницы же научитеся притчи: егда уже ваія ея будутъ млада, и листвіе прозябнетъ, вѣдите, яко близь есть жатва.—Небо и земля мимоидетъ, словеса же моя не мимоидутъ», говоритъ Христосъ. Матѳ. 24, 34, 35.

V.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕНАУЧНОСТИ МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКОЙ ИПОТЕЗЫ.

Хотя матеріализмъ выдаетъ свое ученіе за выводъ научный, однакожъ оно, ни въ какомъ отношеніи, не выдерживаетъ критики и оказывается вполнѣ плодомъ противоразумнаго вѣрованія. Неотвержимыя условія научнаго мышленія суть: объоснованіе мыслей на началахъ истины, полнота познавательнаго источника, ясность понятій, согласіе мыслей, правильная послѣдовательность научнаго строя и подтвержденіе всѣхъ сужденій дѣйствительною жизнію.—Всѣ предложенія и выводы матеріалистическаго воззрѣнія, по отношенію къ жизненному началу, не имѣютъ почвы подъ собой; они основаны не на истинѣ, и—какъ чистая невозможность—рушатся сами собой.

Безвѣріе и суевѣріе происходятъ отъ одного и того же корня. Естественная наука отвергаетъ и то и другое. Достойно замѣчанія, что при внимательномъ изслѣдованіи, въ матеріалистическихъ догмахъ встрѣчаются не признаки науки, а поразительныя черты суевѣрія. Никто, конечно, не

будетъ отрицать, чтобы отсутствіе всякаго принципа, односторонность познаванія, внутреннее противорѣчіе, неспособность быть наукой и внутреннее разложеніе, не составляли признаковъ суевѣрія. Посему, задача наша состоитъ въ томъ, чтобъ доказать, что матеріалистическая ипотеза соединяетъ въ себѣ всѣ эти существенные признаки суевѣрія. Но прежде чѣмъ приступимъ къ рѣшенію этой задачи, мы предложимъ вкратцѣ, словами самихъ же матеріалистовъ, главнѣйшія ихъ воззрѣнія, и сначала присовокупимъ краткія замѣтки простаго здраваго смысла, а далѣе предложимъ научныя опроверженія.

1.

Сводъ матеріалистическихъ воззрѣній.

Вселенная.

Замѣтки.

Мы знаемъ, что весь нашъ видимый міръ состоитъ изъ матеріи, вещества, изъ котораго сложены тѣла; но мы знаемъ также, что матерія, сама по себѣ, не можетъ быть чувственна; — она чувственна тогда только, когда Создателемъ въ нее вложены чувства, какъ это мы видимъ въ тѣлахъ животныхъ и испытываемъ на себѣ. Воздухъ, вода, камень и т. п. имѣютъ свойства, но не чувства, и по-

Ученіе матеріализма.

Существуетъ дѣйствительно только чувственное вещество. Вселенная—это случайное совокупное дѣйствіе безконечнаго множества вѣчныхъ атомовъ, которые движутся безсознательно и непроизвольно, по естественной необходимости. (Бюхнера «Kraft und Stoff», 1-е изд. 94 и д.).

Кажущаяся цѣлесообразность природы не иное что какъ необходимое послѣдствіе встрѣчи естественныхъ ве-

тому они безчувственны. — Вселенная представляется въ такомъ стройномъ порядкѣ и совершенствѣ, что возбуждаетъ въ каждомъ благоразумно мыслящемъ человѣкѣ благоговѣйное удивленіе. Если все это произошло случайно, то подобный случай былъ бы нѣчто превосходное; однакожъ, мы знаемъ изъ обыденной жизни нашей, какую путаницу производитъ случай, и какъ шатко, невѣрно, неразумно предоставлять наши дѣла на произволъ случая.

ществъ и силъ. Достигаютъ ли существа въ природѣ своего бытія или нѣтъ, это зависитъ единственно отъ случая. Понятіе о единствѣ и цѣлесообразности — понятіе абстрактное, введенный въ природу призракъ. — Владычествуетъ случай, который производитъ бѣдствіе и радость. (Фохта Bilder aus dem Thierleben», 370).

Движеніе основно - вещественнаго соединенія и раздѣленія, воспріятіе и выдѣленіе — вотъ сущность всякой дѣятельности на землѣ. (Молешотъ «Kreislauf des Lebens»).

Начало вселенной.

Здѣсь говорится, что матерія *все и вся* въ безсознательной природѣ. Справедливо, что физическая природа безсознательна; но природа состоитъ изъ матеріи, слѣдовательно и матерія, то есть, матеріалистическое *все и вся*, также безсознательно. Какимъ же образомъ матеріалистъ постигаетъ, сознаетъ самъ себя,

Единая матерія божественна, вѣчна, безконечна, несоздана и неуничтожима, она первоначальный источникъ всякаго бытія; она все и вся: начало, конецъ, создатель и созданное въ безсознательной вселенной. Природа, міръ, духъ, Богъ — все это намъ ясно въ силѣ и веществѣ. — Творца міровъ нѣтъ, такъ-

если онъ, состоя изъ одной матеріи, существо безсознательное? Тутъ что-нибудь да не такъ; это ясно и для простаго здраваго смысла.

Возникновеніе, начало вселенной приписывается физическимъ и химическимъ силамъ. Но что такое эти силы? Отъ куда онѣ? Мы видимъ только производимыя ими явленія, но сущность самихъ силъ никто не знаетъ, да никогда и знать не будетъ, потому-что нашъ слабый разумъ не въ состояніи проникнуть въ сокровенныя тайны Создателя. Ясно только то, что эти силы не могли сами собой произойти; онѣ вложены въ природу всемогущимъ Творцемъ.

какъ его нельзя мыслить существующимъ ни прежде, ни послѣ акта созданія. — Міръ не сотворенъ, но безначаленъ въ его первобытныхъ веществахъ. Природа произвела все изъ самой себя. (Бюхнера «Kraft und Stoff», 1-е изд. 5; 3-е изд. 95) (*). — Вселенная возникла единственно посредствомъ физическихъ и химическихъ силъ, безъ всякой органической субстанціи, даже безъ руководящей идеи. (Фохта «Physiologische Briefe», 2-е изд. 636). — Вся наша жизнь, жизнь всѣхъ организмовъ, вся теллурическая и космическая жизнь, построены на томъ *основаніи*, что матерія вѣчно пребываетъ одна и таже, измѣняются только формы ея. (Фохта «Bilder etc.», 356). — Вселенная не сотворена, а произошла въ теченіе безчисленныхъ эоновъ чрезъ саморазвитіе вѣчныхъ, безсознательныхъ вещественныхъ атомовъ, частію слу-

(*) Въ 3-мъ изданіи «Kraft und Stoff», предисловіе, XXXIII, Бюхнеръ очень наивно сознается, что для него *послѣдняя загадка міра и жизни неразрѣшима*.

чайно, частію по необходимости. Творящее всемогущество—это сродство веществъ (Молешотъ). Чольбе, напротивъ, говоритъ (Neue Darstellung des Sensualismus, 1855): «вся вселенная вѣчна по отношенію къ веществу, формѣ и движенію, ничто не можетъ существенно произойти и ничто не можетъ уничтожиться. Механическій порядокъ міра вѣченъ, неизмѣненъ.»

Конечная цѣль мірозданія.

«Да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя»—въ этой молитвѣ Спасителя нашего высказана понятная намъ цѣль мірозданія.

Природа не знаетъ ни намѣреній, ни цѣлей. Нашъ рефлектирующій умъ — единственная причина кажущейся цѣлесообразности, которая не болѣе какъ необходимое слѣдствіе встрѣчи естественныхъ веществъ и силъ (Бюхнера «Kraft und Stoff», 1-е изд. 33, 179; 3-е изд. 102). — Движеніе жизни въ природѣ—только игра и дѣйствіе силъ. Неизмѣнность законовъ естественныхъ совершенно не зависитъ отъ высшаго разума; то она, повидимому, цѣлесообразна, то вполнѣ слѣпа и

противорѣчитъ всѣмъ законамъ морали и разума (Молешотъ). — Естественные законы — грубыя, непреклонныя силы, не знающія ни морали, ни добродушія (Gemüthlichkeit) (Фохтъ).—Вещество устраиваетъ міръ помощію взаимнодѣйствія своихъ атомовъ, безъ предначертанія и безъ намѣренія. Все что̀ есть и будетъ, не иное что̀ какъ самодѣятельное движеніе вещества. Естественное чудо круговаго теченія заключается въ вѣчности вещества. Нѣтъ божественнаго управленія вселенной (Молешотъ).

Существо Бога.

Матеріалистъ говоритъ коротко, рѣшительно: «нѣтъ Бога; Богъ—это самъ человѣкъ, возведенный въ идеалъ.» — А въ другомъ мѣстѣ, онъ же сознается, что для него «загадка (т. е. причина) міра и жизни неразрѣшима.» —Какъ же совмѣстить матеріалистическаго бога, т. е. идеализированнаго человѣка, съ безсиліемъ разрѣшить загадку

Нѣтъ Бога. Всякое вѣрованіе въ Бога не болѣе какъ произведеніе человѣческаго воображенія. То что̀ называется Богомъ, есть объэктивированіе и идеализированіе самаго человѣка, иначе сказать — это человѣкъ, созерцающій самаго себя. Внѣ-и сверхчеловѣческій Богъ, это наше внѣ-и сверхчеловѣческое *я*,—субъэктивное суще-

жизни? Ужъ если онъ богъ, то ему должно быть все известно. Но матеріалистъ, не разсуждая долго, говоритъ: такъ-какъ для меня міръ и жизнь неразрѣшимая загадка, то я отвергаю Бога. — Есть ли тутъ хоть капля здраваго смысла? Мы, по собственному опыту въ нашей жизни, видимъ и знаемъ, что нѣтъ ни одного дѣла, ни одного событія, которое не имѣло бы причины. Основываясь на такомъ опытѣ, не говоря уже о божественномъ откровеніи, разсудокъ нашъ сознаетъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что и для мірозданія должна быть и есть творящая причина—Богъ. Изъ атомовъ, изъ безсознательной матеріи, слѣпой случай произвелъ бы только величайшую неурядицу, какую мы испытываемъ сами, предоставляя наши дѣла всѣмъ случайностямъ. Нѣтъ, нуженъ былъ высочайшій разумъ, верховный распорядитель, который, изъ вызванныхъ имъ къ бытію элементовъ, устроилъ нашъ прекрасный міръ и всю вселенную. Нѣтъ ни одство человѣка, выдвинутое изъ его ограниченности и поставленное выше его объэктивнаго существа — пустое воображеніе (Людвигъ Фейербахъ).

Высшая идея = круговое движеніе жизни, т. е. вѣчное прохожденіе вещества чрезъ различные образы природы, начиная отъ земли до человѣка и обратно. (Молешота «Kreislauf etc.).

Въ каждомъ атомѣ содержится отъ вѣка первоначальная причина его созиданія (Schaffen), его силы и движенія. Движеніе вещества совершается только по законамъ, которые въ немъ самомъ дѣйствуютъ, и способы явленія вещей не болѣе какъ продукты различныхъ случайныхъ или необходимыхъ комбинацій вещественныхъ движеній. (Бюхнера «Stoff etc». 3-е изд. 8). — Матерія несоздана и неуничтожима. (Фохтъ).

ного народа, какъ-бы онъ ни былъ дикъ, который не признавалъ бы, такъ или иначе, сообразно со степенью развитія своихъ понятій, верховное существо, Творца всего видимаго и невидимаго. Это чувство намъ прирождено и подтверждается разсудкомъ.

Царство Божіе.

Царство Божіе объемлетъ единымъ неразрывнымъ, живымъ союзомъ Бога и человѣковъ, духъ и природу, небо и землю, вѣчное и временное. Но всего этого матеріалистамъ ненужно; имъ нужны, вмѣсто царства Божія, вмѣсто религіи, деньги и деньги, потому-что на деньги они могутъ ублажать свою плоть разнаго рода наслажденіями, тогда какъ религія учитъ и обязываетъ помышлять болѣе о благахъ неземныхъ, смирять плоть, благотворить другимъ по крайней возможности. Какое до этого дѣло какому-нибудь ярому демагогу Руге, который, въ 1848-мъ году, въ извѣстномъ франкфуртскомъ парла-

Царства Божія не можетъ быть, потому-что Бога нѣтъ. Всякая религія — ткань обмана для достиженія политическихъ цѣлей, для опошленія и униженія черни; исчадіе суевѣрія, себялюбія, лицемѣрства и невѣжества. Деньги — вотъ духъ, приводящій въ движеніе всѣ рычаги; своею силой онѣ обязаны своему матеріальному достоинству, потому-что ихъ можно размѣнять на наслажденія (Руге).

Удовлетвореніе нашего *я* составляетъ сущность удовольствія. Любовь къ Богу — это замаскированное, лицемѣрное себялюбіе. Внѣшняя вывѣска благочестія свидѣтельствуетъ частію о слабо-

ментѣ, не имѣлъ себѣ подобныхъ, и, не находя *даже тамъ* сочувствія, долженъ былъ удалиться.

Богъ далъ человѣку разумъ и свободную волю; еслибъ человѣкъ не имѣлъ ни того ни другаго, онъ былъ бы именно тѣмъ, какъ его понимаютъ матеріалисты, т. е. неразумнымъ физическимъ тѣломъ. Но вмѣстѣ съ разумомъ и волей, Богъ даровалъ человѣку, чрезъ боговдохновенныхъ мужей и наконецъ чрезъ единороднаго Сына Своего Іисуса Христа, заповѣди и наставленія какъ поступать и чего избѣгать, чтобъ не лишиться Его любви и благодати. Если иные люди, употребляя во зло дарованную имъ волю, предаются *гнусности* и *необузданности*, то это, конечно, потому что они, хотя и несознательно, слѣдуютъ распространяемымъ нынѣ матеріалистическимъ ученіямъ, уміи, частію о поповскомъ себялюбіи. Единичный человѣкъ и его собственность — это наше *я*,—вотъ единственная разумная, честная религія (Максъ Штирнеръ «Der Einzige und sein Eigenthum»).

Всякое, такъ - называемое, откровеніе — просто человѣческая выдумка. Исторія міра и церкви — это исторія человѣческаго безобразія и себялюбія (Людвигъ Фейербахъ (*).

Всякое общество основано на принципахъ необходимости и взаимности. Могло ли существо, дѣйствующее по началамъ добра и благости, вложить въ человѣка — этотъ вѣнецъ созданія—такую природу, которая способна ко всякой гнусности и необузданности? — Общество, гдѣ случается, что люди, въ виду переполненныхъ мясомъ лавокъ, умираютъ съ голоду, гдѣ вся сила высшаго класса устремлена къ подавленію и

(*) Вѣрующій матеріалистъ Шписъ и фаталистъ Чольбе, замѣтимъ къ ихъ чести, не раздѣляютъ такого мнѣнія матеріалистической черни; однакожъ ихъ теоріи логически приводятъ къ совершенно подобнымъ воззрѣніямъ.

т. е. любятъ себя больше всего, и всѣхъ другихъ ненавидятъ какъ враговъ.

Оставляя въ сторонѣ царство Божіе, матеріалисты имѣютъ въ виду учредить такое государственное общество, гдѣ бы каждый гражданинъ могъ пользовоться наибольшею суммой наслажденій, а для этого имъ нужно «во-что бы то ни стало, разрушить настоящій порядокъ».—*Вотъ одна изъ главныхъ цѣлей матеріализма* и она здѣсь высказана ясно и положительно: отвергнуть Бога, уничтожить предержащія власти, законы, учрежденія — и потомъ все построить на основаніи матеріалистическихъ ученій, т. е. безбожія, безнравственности, растлѣнія семейной жизни и т. д. Не есть ли это верхъ безумія!

угнѣтенію низшаго, такое общество не имѣетъ права жаловаться на нанесеніе ущерба его нравственнымъ основаніямъ со стороны естественной науки (матеріализмъ приравниваетъ себя естественной наукѣ!) (Бюхнеръ, 1-е изд. 109 и 301).

Тѣ воззрѣнія о Богѣ и мірѣ, или тѣ моральныя побудительныя причины, которыя должны пострадать отъ натуральнаго воззрѣнія на вселенную, имѣютъ почти незамѣтное вліяніе на дѣла человѣческаго общества (Бюхнеръ, 3-е изд. 299 и д.).

Разумное право: люби себя больше всего (Гоббсъ, Штирнеръ). Любить врага, это нелѣпость, потому-что оно противно природѣ человѣка (Бюхнеръ, 1-е изд. 249).

Мраморные столпы истины суть: движеніе основныхъ веществъ, соединеніе и раздѣленіе, воспринятіе и выдѣленіе;—такое круговое движеніе природы заключаетъ въ себѣ дѣятельность всѣхъ родовъ. Подобно тому, какъ торговля есть душа взаимныхъ сноше-

ній, такъ и вѣчное круженіе вещества—душа міра. Измѣненіе вещества — высшій и важнѣйшій процесъ, которому подчинены всѣ явленія органической жизни. — Первыя звенья въ цѣпи животной жизни смыкаются съ существомъ той организующей творческой силы (*), которая производитъ растенія, этотъ цвѣтущій міръ невѣдомой поэзіи. Чрезъ дѣятельность кислорода, образуется кровь отчасти самимъ носителемъ пламени, которое, очищая, превращаетъ кровь въ ткань; обмѣномъ вещества этой ткани обусловливается мысль, но самъ носитель, сгарая отъ дѣйствія мозга и крови, вступаетъ опять въ простыя соединенія, изъ коихъ снова возникаетъ почка растеній. Здѣсь въ жизни смерть и въ смерти жизнь. Но эта смерть не мрачная, не пугающая; въ воздухѣ и тлѣни носятся и покоятся вѣчно живые зародыши цвѣтка. (Молешота «Kreislauf des Lebens»).

(*) Вотъ и матеріалистъ долженъ допустить творческую силу.

Государственное общество можетъ имѣть только одну разумную цѣль: доставлять своимъ гражданамъ наибольшую, по возможности, сумму наслажденій. А какъ при теперешнемъ государственномъ устройствѣ, только немногіе богатые люди могутъ удовлетворять своимъ желаніямъ наслажденій, народъ же или бо̀льшая масса гражданъ должна работать за весьма малое наслажденіе или даже и вовсе лишаясь его, то и предстоитъ, во что̀-бы ни стало, разрушить настоящій порядокъ и установить систему, которая давала бы каждому возможно бо̀льшее наслажденіе (Руге).

Свидѣтельство библіи о царствѣ Божіемъ.

Всѣ части библіи (такъ называемый канонъ библейскій) начертаны послѣдовательно, въ продолженіе полуторы тысячи лѣтъ, болѣе чѣмъ тридцатью лицами, при различныхъ обстоятельствахъ, на разныхъ языкахъ. Каждая часть писанія носитъ на себѣ отпечатокъ характера писате-

Единственно возможное и прямое доказательство существованія Бога было бы божественное откровеніе; но такого откровенія быть не можетъ, потому-что нѣтъ Бога (Бюхнеръ). — Библія — мрачный сборъ человѣческаго суевѣрія и непроизвольно сложенной саги (Бруно-Бауеръ); – по-

ля; а между тѣмъ всѣ онѣ, отъ перваго слова до послѣдняго, проникнуты однимъ духомъ, однимъ основнымъ направленіемъ, т. е. возвѣщеніемъ и прославленіемъ премудрости, святости и творческаго всемогущества Бога.

Знаменитый естествоиспытатель новѣйшаго времени, *Александръ Гумбольтъ*, котораго матеріалисты, уже по смерти его, признаютъ своимъ единомышленникомъ, написалъ въ сочиненіи своемъ «Kosmos», II. p. 45: «изображеніе природы въ еврейской поэзіи неподражаемо; такъ, напр. въ одномъ 103 псалмѣ начертана картина всего мірозданія».—Не менѣе извѣстный братъ его, *Вильгельмъ Гумбольтъ*, говоритъ: «человѣкъ мыслящій болѣе и болѣе вникаетъ въ библію, и никто не оставляетъ ее безъ удовлетворенія. Чтеніе библіи—это безконечный и вѣрный источникъ утѣшенія. Я не знаю съ чѣмъ бы можно ее сравнить.....». Мы не затруднились бы назвать множество глубокомысленныхъ, стяжав-

повское хитросплетеніе, узда для глупаго народа (Вольтеръ). — Ничто недѣйствительно, кромѣ того что̀ постигается тѣлесными чувствами (Молешотъ).

*

шихъ себѣ славное имя мужей науки и слова, которые съ благоговѣніемъ преклоняли и преклоняютъ свою главу передъ истиной Св. Писанія.—Но вотъ замѣчательное свидѣтельство о библіи извѣстнаго вольнодумца *Гейнриха Гейне,* котораго сочиненія и у насъ очень въ ходу. Онъ напечаталъ въ Augsb. Allg. Zeitung, 1854, р. 4266: «Съ тѣхъ поръ какъ появилась моя книга: «Deutschland etc.»—(гдѣ онъ надъ всѣмъ глумился)—мои взгляды на дѣла Божія чрезвычайно измѣнились. Я сознаюсь чистосердечно и открыто, что въ этой книгѣ все относящееся до великаго, божественнаго вопроса, столько же ложно, какъ и необдуманно. Какъ часто думалъ я объ исторіи того вавилонскаго царя, который вообразилъ себѣ, что онъ богъ, и потомъ былъ низвергнутъ съ высоты его величія, ползалъ по землѣ какъ животное и ѣлъ траву. Это повѣствованіе изложено въ превосходной книгѣ пророка Даніила. Я совѣтую поразмыс-

лить надъ нею не только доброму *Руге*, но и пріятелю моему *Марксу*, какъ равно гг. *Фейербаху*, *Даумеру*, *Бруно-Бауеру* и проч.—Библія возвратила мнѣ мое религіозное чувство; она съ той поры служитъ мнѣ столько же источникомъ назиданія, какъ и высшаго удивленія.... Какое уничиженіе! Со всѣмъ моимъ знаніемъ я ни къ чему лучшему не могъ прійти, какъ дядя Томъ, который едва по складамъ разбиралъ Св. Писаніе....».

Происхожденіе рода человѣческаго.

Отъ начала міра до сихъ поръ человѣкъ вѣрилъ, что онъ созданъ по образу и подобію Божію и былъ въ томъ твердо убѣжденъ не только чрезъ божественное откровеніе, но и на томъ основаніи, что нѣтъ въ мірѣ существа, которое было бы надѣлено такимъ обиліемъ духовныхъ способностей и совершенствомъ слова, какъ человѣкъ. «Это не такъ,» говорятъ матеріалисты; «за-

Органическія существа, населяющія землю, обязаны своимъ происхожденіемъ и размноженіемъ только совокупному дѣйствію содержащихся въ самихъ вещахъ, естественныхъ силъ и веществъ. Зародыши всего живаго, отъ вѣка одаренные родовою идеею (!) и ожидавшіе воздѣйствія извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ въ той безобразной, хаотической массѣ, изъ которой постепенно

родыши органическихъ существъ, слѣдовательно и человѣка, — и притомъ зародыши *съ идеей*, т. е. *съ сознаніемъ своего рода*, существовали отъ вѣка; они, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, развились въ органическія созданія.—Нѣтъ, гласитъ *Рейхенбахъ*, настоящее дѣло было вотъ какъ: сперва возникла органическая клѣточка, изъ нея растенія, потомъ животныя, наконецъ обезьяна, а ужѐ изъ обезьяны человѣкъ».—Но, къ счастію, матеріалистъ же *Россмеслеръ* утверждаетъ, «что не должно человѣка производить отъ обезьяны; не должно дѣлать ихъ родственниками».—Вотъ каковы воззрѣнія матеріалистовъ на происхожденіе человѣка! Если имъ нравится родство съ обезьянами, пусть они имъ наслаждаются; а мы будемъ радоваться тому, что созданы по образу и подобію Божію.

выдѣлилась земля, или зародыши, находившіеся въ міровомъ пространствѣ и, по образованіи и охлажденіи земли, на нее спустившіеся, только *тамъ* и *тогда* случайно раскрылись и развились, *гдѣ* и *когда* имъ содѣйствовало къ тому единство и всеобщность внѣшнихъ условій. (Бюхнеръ, 1-е изд. 79, и 3-е изд. 78, 91).

Настоящее дѣло было вотъ какъ (см. Рейхенбаха «die Entstehung des Menschen» 1854): изъ первобытной тины вѣчнаго вещества атомовъ развилась частію случайно, частію по необходимости, отъ «столкновенія» (по Фохту; Бюхнеръ называетъ это комбинаціею) веществъ первая органическая клѣточка. Изъ этого первоначальнаго возникновенія произошли сначала растительныя, а потомъ животныя формы, которыя чрезъ безконечныя видоизмѣненія (метаморфозы) приняли наконецъ образъ обезьяны. Отъ породы обезьянъ уродился первый человѣкъ; изъ груди

обезьяны - самки первый человѣкъ питался материнскимъ молокомъ — Человѣкъ самое чувственное животное. Нѣтъ никакой духовной связи, которая бы соединяла человѣчество, кромѣ приличія. Каждый самъ себѣ ближайшій. (Фейербахъ, Максъ Штирнеръ, Бюхнеръ, 1-е изд. 159).

Существо человѣка.

Принявъ однажды всемогущество безсознательной или, просто сказать, глупой матеріи и слѣпаго случая за начало всякаго бытія, не мудрено, что для матеріалиста и человѣкъ не что иное, какъ «химическій продуктъ матеріи», то же что камень или кусокъ дерева. Хотя въ устройствѣ нашего тѣла онъ и признаетъ «своего рода *совершенство*, но это возникло случайно. *Духъ*, говоритъ онъ, есть дѣятельность мозга; *душа* — свойство мозга. Все это, утверждаютъ матеріалисты, суть выводы *точной* науки.—Но послушайте что они же говорятъ далѣе: »что

Человѣкъ, по его тѣлесному и духовному существу, есть чистый химическій продуктъ матеріи (Бюхнеръ, «Kraft und Stoff», 3-е изд. 286). Его сущность — итогъ совокупныхъ дѣйствій тѣлесныхъ атомовъ и внѣшняго міра, — чистое произведеніе тѣлеснаго вещественнаго измѣненія, которое, безъ плана, само собой возбуждается и продолжается безпрерывно до разложенія. Нелѣпо думать, будто какая-то высшая сила влагаетъ въ зародышъ (foetus) человѣческій душу и духъ (Бюхнеръ, 1-е изд. 159).

Рудокопъ, добывающій фос-

такое атомъ? — мы не знаемъ. Что̀ такое матерія? — мы не знаемъ . . . . О нашемъ знаніи устройства мозга нечего и говорить; намъ извѣстны только внѣшнія, грубыя формы его; ни одинъ анатомъ не скажетъ ка̀къ и гдѣ оканчиваются нервныя волокна въ мозгу . . . Относительно духовныхъ способностей мозга знаемъ мы только то̀, что проявляется изъ опытовъ *надъ животными;* но и тутъ уменьшеніе или ослабленіе нѣкоторыхъ способностей, послѣ поврежденія или разрушенія извѣстныхъ мозговыхъ частей, *нельзя достовѣрно доказать*». — Довольно и этихъ сознаній матеріалистовъ, чтобъ здравому смыслу понять, что они, не зная ничего, городятъ о духѣ, о душѣ, чистую чепуху. Не вѣрится, чтобъ человѣкъ, съ здоровой головой, честнымъ образомъ, безъ замысловъ къ развращенію легковѣрной, неразмышляющей толпы, выдавалъ такія бредни за результаты точной науки!

форнокислую известь, добываетъ болѣе, чѣмъ золото; онъ добываетъ пшеницу, человѣка. Онъ собираетъ сокровище духа (безъ фосфора нѣтъ мысли), которое селянинъ приводитъ въ обращеніе, сообщая колесу теченія времени его настоящую движущую силу (Молешотъ, «Kreislauf etc.»).

Духъ не что иное какъ дѣятельность мозга. Чувственное существованіе человѣка — его единственная жизнь. Что̀ человѣкъ ѣстъ, то онъ и есть. Гдѣ нѣтъ мяса, тамъ нѣтъ и духа. — Духъ — это идеальный продуктъ, безъ всякой реальной основы, дѣйствіе силы извѣстной комбинаціи матеріальнаго вещества, нѣчто въ родѣ движенія стрѣлки въ механическихъ часахъ (Фейербахъ и Бюхнеръ, 1-е изд. 261).

Душа — нѣкоторое временное свойство мозга, продуктъ его развитія; она не имѣетъ самостоятельнаго существованія. Дѣятельность мышленія зависитъ отъ состоянія

мозговой субстанціи. Мысль—это движеніе, измѣненіе, выдѣленіе мозговаго вещества, подобно движенію мускула и выдѣленію железы. Всякое мышленіе, хотѣніе и дѣяніе человѣка не иное что, какъ продуктъ физической основы современнаго питанія и измѣненія мозговой субстанціи (Фохта «Physiolog. Briefe»; 2-е изд. 326).—Дѣятельность души есть продуктъ своеобразнаго сложенія матеріи, дѣйствіе многихъ веществъ, обратившійся въ единство составъ (complex) многихъ силъ (Бюхнеръ, 1-е изд. 154—159).

Тѣло—продуктъ химическаго и физическаго совокупнаго дѣйствія случайно соединенныхъ вещественныхъ атомовъ. Тѣло, образуя цѣлое, снабженное тончайшими органами, хотя и представляетъ своего рода совершенство, но такая цѣлесообразность возникла случайно (Бюхнеръ, 1-е изд. 202). Такъ-какъ вещества соединены въ этой опредѣленной формѣ мозга, то и должны онѣ по необходимости

мыслить, точно такъ, какъ дрожащая струна должна звучать.

Вообще, какъ все дѣйствительное, такъ и человѣкъ, по существу своему, не иное что, какъ изъ естественныхъ веществъ случайно произведенная, чувствующая, представляющая, мыслящая машина. Противоположность духа и природы существуетъ только въ человѣческомъ воображеніи. Духовныя силы суть вѣчныя свойства вещества; вся дѣятельность духа тоже что дѣятельность мозга.—Спутанное въ животномъ тѣлѣ органическое сложеніе веществъ, дающихъ силу, есть сумма дѣйствій, которыя, будучи совокуплены въ единство, называются нами духъ, душа, мысль. (Бюхнеръ, 1-е изд. 209).

Цѣль жизни и высшее благо человѣка.

Матеріалистъ говоритъ: «ѣсть, пить, всѣмъ наслаждаться для того, чтобъ въ тѣлѣ лучше происходилъ обмѣнъ вещества, чтобъ въ

Какъ весь міръ, такъ и человѣкъ, въ дѣйствительности, не имѣетъ въ самомъ себѣ никакой цѣли существованія. Ни въ вѣчныхъ атомахъ, ни

мозгу образовалось болѣе фосфора (потому-что фосфоръ нуженъ для мышленія) — вотъ цѣль существованія, а потомъ уничтоженіе на вѣки.» Печальное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвратительное воззрѣніе на цѣль жизни человѣческой. Не такъ думаетъ христіанинъ; онъ знаетъ, что человѣкъ, какъ земное существо, есть высшее выраженіе, высшее изліяніе любви Бога: превыше всѣхъ тварей земныхъ поставилъ Господь человѣка. — Предназначеніе, цѣль жизни человѣка—усвоивать себѣ болѣе и болѣе Божественной святости и любви, чрезъ живое общеніе съ нашимъ Создателемъ (вѣра), и свободное, радостное исполненіе воли Божіей (которая есть—любовь.)

Сознаніе нашего Божественнаго происхожденія, дѣйствіе въ насъ любви и благодати Божіей, безпрерывное живое общеніе съ Богомъ, чрезъ что̀ воля Его претворяется въ наше свободное самохотѣніе, — вотъ наше высшее благо.

въ необходимости, ни въ случаѣ, не содержится цѣлепредставленія. Все въ природѣ возникающее должно по необходимости опять разрушиться. Всѣ переходы и передвиженія, совершаемыя веществомъ во вселенной, не имѣютъ ни цѣли, ни конца. Разложеніе и возникновеніе, распаденіе и новое образованіе, повсюду, какъ звенья цѣпи, неразрывно соединены. Изъ съѣдаемаго нами хлѣба, изъ вдыхаемаго нами воздуха, мы воспринимаемъ въ себя вещество, которое можетъ быть уже тысячи лѣтъ тому назадъ составляло тѣло нашихъ праотцевъ. Міровая жизнь и есть это передвиженіе основныхъ веществъ, коихъ количество и качество пребываютъ во всѣ времена неизмѣнно однѣ и тѣ же.—Погрузится ли человѣчество опять въ свое ничтожество—кто можетъ это знать? (Бюхнеръ, 1-е изд. 12, 17, 236).

Въ круговомъ движеніи жизни, человѣкъ — произведеніе изчезающее. Онъ есть итогъ всѣхъ вещественныхъ сово-

купныхъ дѣйствій, производящихъ его тѣло. Его воля— необходимое послѣдствіе этихъ причинъ, прикована къ естественному закону, какъ растеніе къ своей почвѣ. Его сознаніе не иное что какъ свойство вещества; оно состоитъ изъ вещественныхъ движеній, которыя постигаются мозгомъ какъ ощущенія. Сознаніе быть сочленомъ въ вѣчномъ круговомъ движеніи природы—вотъ высшая, благодѣющая премудрость, до которой можетъ вознестись человѣкъ. Чѣмъ яснѣе мы сознаемъ, что чрезъ правильное парное сочетаніе углекислоты, аммiака и солей, гуминовой кислоты и воды, мы трудимся надъ высшимъ развитіемъ человѣковъ, тѣмъ благороднѣе становятся наши порывы, наше стремленіе ввесть блуждающіе элементы кратчайшимъ путемъ во внутрь круговаго движенія (Молешотъ, «Kreislauf etc»).

Способствовать измѣненію вещества, обильному образованію фосфора, посредствомъ хорошей ѣды, питья, купанья

и пр. для возвышенія жизненнаго наслажденія, — вотъ цѣль существованія. Все остальное только средства къ этой цѣли. Удовольствіе наслажденія, доставляемое утонченнымъ до безконечности веществомъ, и матеріальное имущество, которое даетъ возможность пользоваться высшимъ наслажденіемъ жизни: къ этому-то и стремится всякій лучшими силами своими; иначе человѣку ничего больше не останется, какъ уничтоженіе его на вѣки. (Бюхнеръ, 1-е изд. 27).

Достоинство и превосходство человѣка надъ животными.

Духъ человѣческій, въ основѣ своей созданный по подобію Божію, способенъ сознавать Бога, себя и міръ. Разумъ, совѣсть, стремленіе къ совершенствованію себя, самосознаніе, свободная воля и пр. суть коренныя отличія человѣка отъ животныхъ. Самое устройство тѣлеснаго организма человѣка превосхо-

Человѣческій духъ, во всѣхъ его явленіяхъ, не иное что̀ какъ естественный процесъ, безъ всякой особенной жизни, а потому и свобода человѣческая, и самоопредѣленіе — дѣло несбыточное. Только невѣжественное высокомѣріе можетъ говорить о самоопредѣленіи и о существенности самосознанія. Сво-

дитъ своимъ гармоническимъ совершенствомъ всѣ тѣла животныхъ; особенно *тѣ* части мозга, которыя служатъ органомъ духовной дѣятельности, ни у одного животнаго не могутъ сравняться ни съ величиной ни съ формой человѣческаго мозга.—Въ животныхъ нѣтъ и слѣдовъ богосознанія, ни малѣйшаго даже указанія на то, чтобъ онѣ понимали причину явленій. — Человѣческій духъ углубляется до познанія начальныхъ основъ мышленія; онъ заключаетъ въ себѣ расположеніе и стремленіе ко всему истинному, доброму, прекрасному и совершенному, къ наукѣ, нравственности, религіи. Словомъ сказать, человѣкъ одаренъ—разумомъ. Животныя не имѣютъ ни малѣйшаго вѣдѣнія о нравственномъ міровомъ порядкѣ; онѣ—безсознательные члены въ высшемъ, живомъ организмѣ міра и исполняютъ его законы по необходимости. Напротивъ того, человѣкъ воспринимаетъ въ свою совѣсть волю Божію, какъ нравственный законъ; въ

боденъ тотъ человѣкъ, который радостно сознаетъ естественную необходимость своего существованія, своего положенія, своихъ потребностей, правъ и требованій, предѣловъ и обширности своего круга дѣйствій. (Молешотъ).

Духъ не принципъ, а только результатъ вещественныхъ соединеній. Духовная индивидуальность, дѣйствующая такъ опредѣлительно въ человѣкѣ, не есть нѣчто свободно-избранное; она необходимый продуктъ прирожденныхъ расположеній, въ соединеніи съ воспитаніемъ, обученіемъ, примѣромъ, состояніемъ, родомъ, національностью, климатомъ, страной, обстоятельствами времени и пр. Ни одна изъ способностей не принадлежитъ единственно человѣку; только бо́льшее количество этихъ способностей даетъ ему превосходство его. (Бюхнеръ, 273).

Мышленіе, хотѣніе и дѣйствованіе какъ человѣка, такъ и животнаго—продуктъ естественной необходимости. Рѣчь, слогъ, опыты, окончатель-

своей зависимости, онъ чувствуетъ жизненную связь съ Создателемъ; въ человѣкѣ есть предчувствіе вѣчной жизни, безграничная способность совершенствоваться.

Человѣкъ сознаетъ единство своего *я* и отличаетъ это *я* отъ всѣхъ случайностей своего тѣла и отъ цѣлаго міра, какъ отъ *не-я*. Онъ одаренъ способностію свое мышленіе, свою дѣятельность, направлять къ извѣстной, опредѣленной цѣли; онъ въ состояніи подчинить своей цѣли самыя сильныя побужденія своей физической природы. Если Муцій Сцевола предаетъ сожженію свою руку, если иной узникъ, даже негръ, отвергая предлагаемую пищу, умираетъ отъ голода, если, какъ намъ извѣстно изъ исторіи Христіанской церкви, такое множество приснопамятныхъ страдальцевъ и мучениковъ, не смотря ни на обольщенія, ни на угрозы и казни идолопоклонниковъ, пребывали тверды въ своихъ убѣжденіяхъ,—то факты эти несомнѣнно доказываютъ силу воные выводы, благодѣяніе и преступленіе, мужество, трусость и измѣна, суть естественныя явленія, которыя, какъ необходимыя послѣдствія, находятся въ прямомъ отношеніи къ неизбѣжнымъ причинамъ, какъ напр. кругообращеніе земли. Воля— только необходимое выраженіе состоянія мозга, объусловленное внѣшними вліяніями; свободное дѣйствіе воли, которое не зависѣло бы отъ суммы вліяній, не существуетъ. Побужденіе къ совершенствованію есть существенное побужденіе природы, подобно тому какъ падающій камень стремится къ землѣ. Самосознаніе — гордое слово самоослѣпленія, объусловленное единственно устройствомъ мозга. Свобода человѣка—самообольщеніе. (Молешотъ, «Kreislauf etc.» 414).—Мозгъ, весьма сложный приборъ, который однако, во всякомъ случаѣ, можетъ извѣстнымъ, въ немъ распространяющимся движеніямъ дать возвращающееся къ самому себѣ направленіе, совершится ли

ли, не содержащуюся въ побужденіяхъ плоти. Человѣкъ можетъ рѣшиться на противоположное внѣшнему принужденію; онъ можетъ волю Божію усвоить себѣ вполнѣ (нравственная свобода), но можетъ также, въ поставленныхъ Создателемъ предѣлахъ, временно дѣйствовать и несогласно съ нравственнымъ закономъ, т. е. заблуждаться; отъ этого человѣкъ и обязанъ отвѣтственностію за свои дѣйствія. Животныя, напротивъ, безотвѣтны, такъ-какъ всѣ дѣйствія ихъ проистекаютъ изъ необходимости, а не отъ саморѣшенія воли.

Таковы понятія Христіанина о достоинствѣ и превосходствѣ человѣка надъ животными. — Матеріалисты утверждаютъ, что «вообще между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ существенной разницы». Выше мы видѣли, что нѣкоторые изъ нихъ выводятъ человѣка отъ обезьяны. Далѣе они говорятъ: «организація женщины ниже организаціи мущины; а негръ неспособенъ имѣть природу и права̀ это чрезъ кругообразное движеніе волоконъ, чрезъ отраженіе, вращеніе, или инымъ естественнымъ способомъ. Изъ этого мы можемъ заключить, что мозгъ даетъ физическому матеріалу то направленіе, въ которомъ содержится сущность самосознанія; слѣдовательно, сущность самосознанія условливается конструкціею мозга. (Чольбе «Neue Darstellung des Sensualismus, стр. 27).—Добро и зло исходятъ изъ свойствъ человѣческой природы, которая сама не зависитъ отъ человѣка. — Отвѣтственность, вмѣняемость, которую мораль, уголовные законы и еще Богъ знаетъ кто́, хотятъ наложить на насъ, не существуетъ. (Фохтъ, «Bilder aus dem Thierleben, 445).

Вообще между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ существенной разницы. Человѣкъ— счастливо организованное животное. Организація женщины ниже организаціи мущины; негръ совершенно неспособенъ имѣть природу и права̀ человѣчества (Бюхнеръ).—

человѣчества». Отсюда выходитъ, что женщина чуть-ли не ниже обезьяны, а негръ уже и подавно.—Что жъ это такое: насмѣшка, или научный выводъ?

Человѣкъ отличается отъ животнаго не качествомъ, а только степенью; человѣческая душа—усиленная душа животнаго (Бурмейстеръ).—Между разумомъ человѣка и инстинктомъ животнаго разница не въ существѣ, а въ степени (Крамеръ). Человѣкъ, какъ и животное, есть итогъ тѣлесныхъ предрасположеній и внѣшнихъ вліяній.

Вѣра.

Вмѣсто вѣрованія въ единую вѣчную причину всякаго бытія, матеріализмъ пытается свое полное невѣдѣніе, относительно первой причины всего сущаго, возвесть въ научную аксіому. Въ такомъ невѣдѣніи сознаются многіе матеріалисты, а между тѣмъ изъ своего невѣдѣнія дѣлаютъ выводы.

Живая христіанская вѣра не есть какое-нибудь неопредѣленное, туманное предчувствіе, не мимолетное чувство, не шаткій образъ фантазіи, не отвлеченная идея,

Христіанская вѣра — притворное дураченіе самаго себя — составляетъ основный недостатокъ нашего времени, (Фейербахъ). — Христіанское міросозерцаніе — природный врагъ просвѣщенія и вообще всякаго естественнаго, свѣтлаго пониманія міра и жизни (Бюхнеръ, 3-е изд. пред. XXXII). Настоящаго метафизическаго или трансцендентнаго знанія нѣтъ (Бюхнеръ, 173, 261).—Вотъ принципъ матеріализма: при объясненіи вещей устранять все сверхчувственное, какъ ложное.

а *дѣло Творца*, живое проявленіе творческой любви Бога, побѣждающая міръ божественная сила въ человѣческомъ духѣ, признающемъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ. Какъ солнце разливаетъ свои лучи, чтобъ въ каждой каплѣ росы отразить блескъ своего сіянія, чтобъ животворной силой своей пробудить къ жизни дремлющіе зародыши, чтобъ оку дать средство созерцать прекрасный Божій міръ и оживить своей теплотой оцѣпенѣлые члены; подобно тому и святая любовь Бога изливается, чрезъ Іисуса Христа, въ вѣрующія сердца. Какъ лоза виноградная проводитъ свой сокъ въ вѣтви, для того чтобъ онѣ произвели листья, цвѣтъ и плоды, такъ и сообщаемая намъ чрезъ Іисуса Христа любовь Божія даетъ намъ плоды нашего возрожденія: мудрость, правду, освященіе, свѣтлую духовную радость.

Какъ между главой и членами одного и того же тѣла существуетъ безпревывная жизненная связь и сообщеніе, (Чольбе «Sensualismus etc. 1—8).

«Слово: атомъ, говоритъ Бюхнеръ (стр. 22), только выраженіе для необходимаго намъ и нами же извнѣ къ веществу привнесеннаго представленія, которое намъ нужно для извѣстныхъ внѣшнихъ цѣлей. Точнаго жъ понятія о томъ, что̀ мы называемъ атомомъ, у насъ нѣтъ. Мы ничего не знаемъ о его величинѣ, формѣ, составѣ и пр. Никто его не видѣлъ, да и нѣтъ надежды, чтобъ мы могли извѣдать его чрезъ наблюденіе или чрезъ логическіе выводы».

Мыслящій человѣкъ—итогъ своихъ чувствъ; онъ знаетъ только то, что̀ входитъ чрезъ ворота его чувствъ (Молешотъ). — Всякое мышленіе оканчивается противурѣчіемъ съ самимъ собой (Фирховъ, Дюбуа-Реймонъ).

Вѣра есть итогъ тѣхъ представленій, которыя основаны болѣе на авторитетѣ, привычкѣ, неопредѣленныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ на ясно-сознанныхъ причинахъ. (Это объясненіе относится, конечно,

такъ и между Творцемъ и всѣми Его созданіями, между источникомъ жизни цѣлаго міра и всѣми сосудами Его любви. Этотъ духовный союзъ между Творцемъ и Его твореніемъ не можетъ быть нарушенъ, безъ уничтоженія творенія. Христосъ—вѣчное Слово творческой любви Бога—есть Глава, а мы—члены Его тѣла.—Что для тѣла свѣтъ ока, то для духа—вѣра. Если этотъ свѣтъ въ насъ померкъ, то какъ велика должна быть тьма? Еслибъ видимое нами на тверди небесной солнце изчезло, вся земля, со всѣми ея сокровищами, погрузилась бы въ мракъ и смерть: такъ и тамъ наступитъ тьма и смерть, гдѣ угаснетъ божественная искра вѣры. Но гдѣ солнце вѣчной, божественной жизни ярко блещетъ въ человѣческомъ сознаніи, тамъ конечный духъ нашъ узнаетъ о своемъ божественномъ происхожденіи, о своей связи съ вѣчною жизнію и своемъ предназначеніи для царства Божія.

Постиженіе и усвоеніе только до мертвой вѣры; Посл. Іакова, 2, 17—26). — Невѣдѣніе матеріалистовъ относительно душевной жизни Фохтъ описываетъ слѣдующими словами: «мы не знаемъ еще, какимъ образомъ дѣйствуетъ нервная матерія. Для нашихъ наблюденій, покой и косность (инерція) есть тотъ агентъ, который проникаетъ весь организмъ машины, управляетъ всѣми ея движеніями, собираетъ всѣ ея ощущенія, и самъ очевидно находится въ безпрерывномъ движеніи и кругообращеніи (!). Мы не видимъ никакой перемѣны въ нервныхъ волокнахъ, не знаемъ дѣйствуютъ ли онѣ или нѣтъ. О нашемъ знаніи устройства мозга нечего и говорить; намъ извѣстны только внѣшнія, грубыя формы; даже объ элементарномъ устройствѣ знаемъ мы едва ли что-нибудь. Ни одинъ анатомъ не скажетъ какъ и гдѣ оканчиваются нервныя волокна въ мозгу. Наши усилія въ этомъ отношеніи представляются въ томъ же видѣ, какъ еслибъ мы, по нѣсколь-

жественной жизни слагается въ человѣкѣ, смотря по различной степени его духовнаго развитія, сначала въ чувство зависимости, потомъ въ страхъ Божій, и наконецъ въ свободную, сердечную, всецѣлую преданность Богу, въ пламенную любовь къ Нему, въ чувствованіе Его безконечнаго величія. Такая вѣра даетъ намъ побѣдную силу надъ грѣхомъ, болѣзнію и смертью. «Всякъ рожденный отъ Бога побѣждаетъ міръ, и сія есть побѣда побѣдившая міръ, вѣра наша». (1 Іоан. 5. 4).

кимъ о центральной Африкѣ собраннымъ географическимъ свѣдѣніямъ, учредили коммисію для того, чтобъ она рѣки, ручьи и источники распредѣлила между сосѣдними владѣльцами, установила пользованіе ими и разбирала возникающіе споры. Мы можемъ въ тѣлѣ указать только на главные пучки, называемые нервами, и на ихъ направленіе; но какъ они составляются, гдѣ начинаются, какіе источники воспринимаютъ....все это для насъ Tohu Wabohu!» (Фохтъ «Bilder aus dem Thierleben», 1852 стр. 448).

«Отношеніе мозговыхъ частей къ функціямъ духа никогда иначе узнать нельзя, какъ наблюденіемъ болѣзненнаго состоянія и поврежденій мозга. Равномѣрно и дѣятельность органической нервной системы доселѣ большею частію узнавалась только путемъ, предоставленнымъ медицинѣ. О томъ и другомъ мы не знаемъ фактически ничего». (Фохтъ «Physiolog. Briefe», 2-е изд. 252). Относительно духовныхъ способ-

ностей, принадлежащихъ единственно мозгу, знаемъ мы только то̀, что̀ проявляется изъ опытовъ надъ животными: увеличивающееся оглупѣніе при увеличивающемся разрушеніи. Уменьшенія нѣкоторыхъ способностей, послѣ поврежденія или разрушенія извѣстныхъ мозговыхъ частей, нельзя достовѣрно доказать. (Фохтъ «Phys. Br.» 310).—Если мы углубимся до основанія, то вскорѣ узна̀емъ, что нѣтъ ни силъ, ни матеріи; и то и другое—отвлеченности вещей какъ онѣ суть. Онѣ дополняютъ и предполагаютъ другъ друга; поодиначкѣ, онѣ несостоятельны. (Дюбуа-Реймонъ).

Существо грѣха.

Всякое рѣшеніе, всякое дѣйствіе воли, которое проистекаетъ не изъ вѣрованія въ Бога, не изъ любви къ Богу, но изъ себялюбиваго служенія страстямъ и похотямъ—есть грѣхъ, т. е. дѣйствіе, которое, по святому закону Божію, осуждается.—Злоупо-

Нѣтъ ни свободной воли человѣка, ни вмѣняемости; а потому нѣтъ ни грѣха, ни виновности. Идея добра не имѣетъ абсолютнаго достоинства (Бюхнеръ, 1-е изд. 172).—Необъяснимость понятія о добрѣ—дѣло извѣстное; заповѣди Божіи составлены

требленіе свободной воли на служеніе себялюбію, неисполненіе или нарушеніе закона Божія, противленіе дознанной правдѣ и волѣ Божіей, извѣстной намъ изъ Откровенія, болѣзненное направленіе вѣры и любви на обоготвореніе какой-либо твари—вотъ существо грѣха. Грѣхъ заключается не въ плоти; онъ есть свободное дѣйствіе человѣка, который самого себя или какую-нибудь тварь любитъ или боится больше, чѣмъ Бога.—Грѣхъ, единственное, дѣйствительное зло, корень всѣхъ бѣдствій въ мірѣ: пагуба для человѣковъ.

Если мы обратимся къ нашей общественной жизни, то и здѣсь увидимъ, что для порядка, спокойствія, пользованія своею собственностію и пр. необходимы законы гражданскіе и уголовные; ибо, если каждый изъ насъ могъ бы дѣлать что ему угодно, безъ опасенія быть наказаннымъ за преступленіе, то явилась бы война всѣхъ противъ всѣхъ, сильный обижалъ бы слабаго, богатый притѣснялъ самими богословами (Бюхнеръ, 3-е изд. 207). Любовь и ненависть, великодушіе и измѣна, убійство, преступленіе, лицемѣріе—необходимыя послѣдствія мозговой комбинаціи. (Бюхнеръ, 1-е изд. 245—249). Общія нравственныя понятія до такой степени относительны, другъ другу противорѣчатъ, столько зависятъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и индивидуальныхъ воззрѣній, что нѣтъ никакой возможности установить какую-нибудь оцѣнку добра. (Бюхнеръ, 1-е изд. 244). Бѣднякъ, который у зажиточнаго человѣка что-нибудь возметъ, обнаруживая тѣмъ свое естественное право на матеріальную собственность человѣчества, не думаетъ, что онъ дѣлаетъ дурно. Бракъ—случайное, чисто человѣческое учрежденіе, а заповѣдь «не прелюбодѣйствуй» произвольно постановлена, да и рѣдко чья совѣсть считаетъ себя этой заповѣдью связанной. — Вытравленіе плода изъ утробы считается разумнымъ, естественнымъ правомъ родите-

бы бѣднаго и т. д. Очевидно, что такой общественный безпорядокъ привелъ бы къ состоянію дикости, звѣрства. Но матеріалисты этого не видятъ, или, лучше сказать, не хотятъ видѣть. Они говорятъ, совершенно противъ здраваго разсудка, «такъ-какъ въ человѣкѣ нѣтъ свободной воли, то нѣтъ ни грѣха, ни виновности.» Въ человѣкѣ, какъ мы уже показали, есть несомнѣнно свободная воля, но есть и заповѣди и законы, научающіе его что̀ добро и что̀ зло.—Матеріалисты дѣлаютъ изъ своей аксіомы страшные выводы: у нихъ воровство, прелюбодѣяніе и пр. признаются «необходимымъ послѣдствіемъ мозговой комбинаціи,» а вытравленіе плода изъ утробы «считается естественнымъ правомъ родителей!!!». .

Можно ли идти далѣе въ намѣреніи развращать нравы, подкапывать семейную жизнь, нарушать собственность и пр.?—Но это-то и составляетъ *вторую главную цѣль*, которой. (Бюхнеръ, 1-е изд. 160, 245, 246).—Совѣсти каждаго человѣка предоставляется поступать, ка̀къ ему угодно, лишь бы избѣгать столкновеній съ человѣческимъ обществомъ и его законами. (Бюхнеръ, 1-е изд. 248). (Не значитъ ли это: все позволено, только не попадайся!) — Не въ слѣдствіе грѣха, но по естественной необходимости жизнь человѣческаго рода bellum omnium contra omnes (война всѣхъ противъ всѣхъ), общая скачка, гдѣ одинъ другаго старается всѣми силами опередить или даже уничтожить. Каждый дѣлаетъ то̀, что̀ онъ можетъ дѣлать безнаказанно, обманываетъ, обижаетъ, облыгаетъ, извлекаетъ пользу изъ другаго на сколько возможно, въ увѣренности, что и съ нимъ никто лучше не поступаетъ. Вообще считаютъ человѣка, который не идетъ этимъ путемъ, слишкомъ глупымъ, чтобъ умѣть идти по немъ. (Бюхнеръ, 1-е изд. 256, измѣнено въ 3-мъ изд. 300).

рой матеріалисты стараются достигнуть.

Человѣку все позволено, что только возможно, для удовлетворенія своихъ естественныхъ побужденій. Глупо не пользоваться этимъ удовлетвореніемъ, гдѣ благоразуміе позволяетъ. Масштабъ нравственнаго находится въ самомъ человѣкѣ, а не въ абсолютномъ Богѣ. Хорошо то̀, что̀ соотвѣтствуетъ потребностямъ человѣка.—Преступленія суть естественныя явленія, которыя необходимо происходятъ отъ неизбѣжныхъ причинъ, какъ кругообращеніе земнаго шара. — Конечно, себялюбіе причина всѣхъ пороковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и причина всѣхъ добродѣтелей. Кто создалъ честность? Эгоизмъ, запретившій воровство. Кто цѣломудріе? Эгоизмъ. Кто правдивость? Эгоизмъ, не желающій быть обманутымъ ложью. Такимъ образомъ себялюбіе первый законодатель и причина добродѣтели.—Награда и наказаніе—суть изобрѣтеніе политики. Грѣхъ—воображаемый разладъ человѣка съ пріобрѣтенными привычкой и воспитаніемъ предразсудка-

ми. (Фейербахъ). — Грѣховность заключается въ неестественномъ, а не въ волѣ дѣлать зло.—Язычество прославляло ненависть къ врагамъ какъ добродѣтель; христіанство требуетъ питать любовь и къ врагамъ; которое изъ этихъ двухъ правилъ наиболѣе нравственно? (Молешотъ). — Любовь къ врагамъ — нелѣпость, потому-что она противорѣчитъ природѣ человѣка. (Бюхнеръ, 1-е изд. 249).— Главное положеніе разумнаго пра̀ва: люби себя больше всего. (Гоббсъ, Максъ Штирнеръ).

Искупленіе.

Послѣ того, какъ матеріалисты въ самомъ человѣкѣ видятъ высшее существо, своего бога, отца, судью и пр. и пр. имъ, разумѣется, не нужно искупленія: они безгрѣшны, потому-что дѣйствуютъ по *необходимости*, вслѣдствіе комбинацій мозга. Если какой-нибудь послѣдователь матеріализма украдетъ чужую вещь и будетъ за то наказанъ

Человѣкъ — нашъ богъ, нашъ отецъ, нашъ судья, нашъ искупитель, наша альфа и омега; нѣтъ спасенія безъ человѣка.—Природа не даетъ отвѣта на жалобы и вопросы человѣка; она неумолимо отбрасываетъ его назадъ на самого себя (Людвигъ Фейербахъ). По словамъ Молешота, Людвигъ Фейербахъ нѣкоторымъ образомъ спаси-

по законамъ, то онъ, на основаніи матеріалистическаго ученія, можетъ считать себя невинно наказаннымъ, потому-что расположеніе, комбинація мозга заставила его произвесть кражу. Про обезьяну это можно-бы еще сказать; она, не имѣя ни разума, ни свободной воли, предается влеченіямъ своихъ прихотей. Впрочемъ, не удивительно, что и въ этомъ отношеніи, матеріалисты человѣка приравняли обезьянѣ, такъ-какъ они и самое происхожденіе человѣка выводятъ отъ обезьяны!

Что касается до насъ, послѣдователей церкви Христовой, то мы, смиренно признавая себя согрѣшившими противъ данныхъ намъ отъ Бога заповѣдей, вѣруемъ въ искупленіе чрезъ пострадавшаго за грѣхи наши Спасителя нашего и Господа Іисуса Христа.

Все человѣчество составляетъ единый, цѣльный организмъ, одну Божію семью, одно тѣло, коего Глава—Христосъ въ св. Церкви Его. Какъ голова тѣла сочувтель міра. Молешотъ говоритъ: «человѣкъ творитъ все по своему подобію, причину явленія, и бога, которому онъ поклоняется. Не далѣе какъ въ новѣйшее время, въ наукѣ и въ вѣрованіи преодолѣна эта ребяческая страсть къ образамъ. И еслибъ такое исполинское дѣло, надъ которымъ трудится большая часть людей нашего времени, а можетъ быть безсознательно и все человѣчество, мы захотѣли соединить съ чьимъ-либо именемъ, то, конечно, слава этого подвига принадлежитъ Людвигу Фейербаху. Чрезъ него человѣческая основа для всякаго воззрѣнія, всякаго мышленія, превратилась въ признанную сознаніемъ скалу. Фейербахъ поднялъ знамя человѣковѣдѣнія, антропологіи. (Молешотъ, «Kreislauf des Lebens». 362 и д.).—Изъ всѣхъ образованій, совершившихся на землѣ чрезъ взаимнодѣйствіе силы и вещества, человѣкъ самое высокое, самое совершенное. Потому-то и имѣетъ онъ право гордиться собой, господствовать надъ

ствуетъ болѣзни каждаго члена своего и чрезъ свое посредство доставляетъ ему исцѣленіе, такъ Іисусъ Христосъ, явившійся на землю какъ любовь Божія въ образѣ человѣка, добровольно принялъ на себя виновность и наказаніе грѣшниковъ, исполнилъ тѣмъ святой законъ Бога, и даровалъ намъ искупленіе.

всѣмъ, что можетъ себѣ подчинить, и не признавать надъ собой ни единой высшей власти. Человѣкъ — верховный членъ земнаго производительнаго акта; другихъ силъ онъ не знаетъ, кромѣ природы, которую, посредствомъ познаванія, можетъ покорять себѣ и обуздывать. Въ этомъ познаваніи человѣкъ вмѣстѣ и богъ: человѣкъ—на сколько онъ, будучи самъ частью вещества, зависитъ отъ законовъ, присущихъ отъ вѣка веществу; богъ—потому-что онъ въ состояніи законы вещества познавать, разсматривать, господствовать надъ ними и употреблять ихъ для своихъ цѣлей. Онъ чувствуетъ въ себѣ послѣднюю и высшую сумму всякаго бытія. (Бюхнеръ, 1-е изд. 112).— Мы кузнецы нашихъ судебъ, на сколько намъ не препятствуютъ въ томъ случайныя или необходимыя, личныя или общія, обстоятельства, и пока силы природы не станутъ дѣйствовать на насъ опредѣлительно. Въ борьбѣ съ этими послѣдними, мы встрѣчаемъ

повсюду неумолимую необходимость. (Бюхнеръ, 3-е изд. 30—34). Какое странное понятіе должны имѣть люди о верховномъ законодателѣ, который, изъ снисхожденія къ мольбамъ и воздыханіямъ, сталъ бы ниспровергать созданный имъ самимъ, несокрушимый порядокъ вещей, нарушать свои законы, и собственной рукой измѣнять дѣйствія естественныхъ силъ. (Бюхнеръ, 3-е изд. 37) (*).

Говорятъ, что міръ созданъ Богомъ въ совершенствѣ; отъ чегожъ онъ потребовалъ исправленія? (Котта) (**). Котта говоритъ далѣе: «чело-

(*) Духовной молитвой, по созданному Господомъ порядку, обусловливается здоровое развитіе духовной жизни, точно такъ же, какъ вдыханіемъ атмосфернаго воздуха обусловливается тѣлесная жизнь. Божескою премудростію молитва точно такъ же введена въ человѣческія судьбы, какъ земные элементы: свѣтъ, теплота, пища, для поддержанія тѣлеснаго здоровья и для укрѣпленія тѣлеснаго сложенія.

(**) Какія превратныя понятія у матеріалистовъ о Христіанствѣ, это видно уже изъ того, что они дѣло искупленія и міроправленіе Божіе сравниваютъ съ «исправленіемъ» созданія, между тѣмъ какъ во всемъ св. писаніи вездѣ говорится не о механической починкѣ, а о жизненномъ организмѣ царства Божія и предначертанномъ воспитаніи человѣка къ богоподобной личной жизни, исключающей всякое механическое принужденіе.

вѣкъ, заботящійся болѣе о другихъ, чѣмъ о себѣ, добрый дуракъ».

Развѣ глупо, что мы каждый разъ, когда вкушаемъ хлѣбъ, просвѣтляемся какъ на «вечери», претворяя безсмысленное вещество въ мыслящихъ людей, и слѣдовательно ѣдимъ дѣйствительно тѣло и кровь духа, чтобъ чрезъ дѣтей нашихъ распространить духъ во всѣ части свѣта и во всѣ времена? (Молешотъ).

Развитіе на землѣ царства Божія.

Самый необузданный матеріалистъ Бюхнеръ, въ противорѣчіи съ своей мертвой теоріей случайностей, признаетъ *возможность совершенствованія*, восхожденія человѣчества къ высшимъ формамъ бытія, и называетъ природу прекрасною, цѣлесообразно устроенною. Но это только мгновенныя вспышки разума; Бюхнеръ тотчасъ же снова увлекается своимъ мозговымъ движеніемъ въ бредни

Какъ замкнутый индивидъ, земля оставалась въ извѣстныхъ, неизмѣнныхъ отношеніяхъ къ окружающему ее, и что̀ на ней, независимо отъ этихъ условій, происходило, то совершила она сама собой, своею силой; ибо не было и нѣтъ другаго могущества на землѣ, кромѣ того, которымъ она обладаетъ. Она развилась вмѣстѣ съ этой силой. На сколько ея дѣйствіе распространялось, на столько рас-

и указываетъ на полевую мышь, какъ на одно изъ существъ, которыхъ внѣшняя цѣль не можетъ быть усмотрѣна и пр. Еще онъ спрашиваетъ: уничтожится ли нынѣшній родъ человѣческій и уступитъ мѣсто другому, болѣе совершенному, или природа вступитъ въ обратный путь и истребитъ на своей почвѣ результаты столь долголѣтнихъ работъ?—и отвѣчаетъ, что этого никто не знаетъ. — Каждый истинный христіанинъ знаетъ, по ученію своей вѣры, что царство Божіе распространяется исподоволь уже и здѣсь на землѣ, какъ царство благодати, въ прославленіе величія Іисуса Христа. Земля видѣла уничиженіе и страданія Спаса нашего; она, по предназначенію Божію, увидитъ и Славу Его. Не смотря ни на какія враждебныя силы, благовѣстіе любви Бога во Христѣ распространяется все болѣе и болѣе; оно проникаетъ ко всѣмъ народамъ и не будетъ наконецъ ни одного народа, который бы не богопространялись и ея успѣхи; гдѣ изчезаютъ земныя силы, тамъ изчезаетъ и всякое дѣйствіе на землѣ, и чего она не могла воспроизвесть, того никогда не было и никогда не будетъ (Бурмейстеръ).

Міроправленіе должно разсматривать не какъ опредѣленіе міроваго движенія какимъ нибудь внѣ-міровымъ умомъ, а какъ самимъ космическимъ силамъ и ихъ отношеніямъ присущій разумъ. (Давидъ Штраусъ). — Измѣняющаяся игра естественныхъ силъ совершенно механическая; она — первобытная причина всякаго возникновенія и уничтоженія. (Бюхнеръ, 3-е изд. 42 и д.).

Образовательное побужденіе природы такъ слѣпо и зависитъ отъ столькихъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, что она производитъ часто самыя нелѣпыя и безцѣльныя порожденія, часто не разумѣетъ обойти или преодолѣть малѣйшее, ей представляющееся, препятствіе и не рѣдко достигаетъ противное тому, чего она—по

творилъ Христа, какъ своего Царя небеснаго и источника жизни.

Нельзя опредѣлительнѣе и ярче изобразить противниковъ Христіанства, какъ это сдѣлано въ св. Писаніи. «Служители противника Христу дѣлаютъ, въ извѣстной мѣрѣ, то, что будетъ дѣлать самъ противникъ; онъ будетъ распространять заблужденія, считать себя превыше всего что̀ называется Богомъ или служеніемъ Богу; онъ возсядетъ самъ въ церкви Божіей и будетъ выдавать себя за Бога.—Отрицаніе Бога, поношеніе истины, корыстолюбіе, сластолюбіе, усвоеніе скотскаго естества, плотскія похоти — вотъ отличительныя черты противниковъ вѣры Христовой. Они свободу обѣщаютъ, а сами суть рабы тлѣнія». (Солун. 2, 3 и д.— 2 Петр. 1, 12, 17, 19).

законамъ цѣлесообразности— должна бы достигнуть. (Бюхнеръ, 43). — Природа собственной силой произвела человѣка; собственною же силой опять возметъ его къ себѣ. Можетъ ли этотъ родъ человѣческій уничтожиться и, вмѣсто его, возникнуть другой, болѣе совершенный? Или природа вступитъ въ обратный путь и истребитъ на своей почвѣ результаты столь долголѣтнихъ работъ? Никто этого не знаетъ, не зналъ и не будетъ знать, кромѣ тѣхъ, кто все переживетъ. (Бюхнеръ; 3 изд. 100). Но Бюхнеръ присовокупляетъ въ примѣчаніи: «человѣческій родъ, какъ цѣлое, носитъ на себѣ столько же признаковъ, предвѣщающихъ новое, высшее, индивидуальное образованіе, сколько носили на себѣ животныя первобытнаго міра, отъ которыхъ произошли позднѣйшія формы ихъ. Нѣтъ причины не принять возможности, что постепенное развитіе органическаго міра не остановилось, а будетъ исподоволь восходить къ высшимъ

формамъ бытія». Но далѣе Бюхнеръ говоритъ опять (стр. 103): «зависитъ отъ случая достигнутъ ли существа природы своего бытія или нѣтъ. Не подвергнется ли, въ отдаленномъ будущемъ, вся прекрасная *цѣлесообразно* (!) *устроенная природа* міровому перевороту, и не будетъ ли потомъ нужна цѣлая полувѣчность, пока тѣ или другія дремлющія формы бытія разовьются изъ міровой тины?— Что теперь въ мірѣ налицо, то̀ остатокъ безконечно многихъ начатковъ. — Сколько, можетъ быть, неудавшихся попытокъ въ произведеніи формъ естественныхъ явленій совершили одаренныя силой вещества, при ихъ неисчислимыхъ столкновеніяхъ въ различнѣйшихъ обстоятельствахъ! Онѣ встрѣтили неудачу, или не могли проникнуть въ бытіе, потому-что, можетъ быть, не доставало необходимыхъ къ тому условій. Если природа дѣйствуетъ не по самосознательнымъ цѣлямъ, а по внутреннему инстинкту необходимости, то

ясно, что она при такомъ дѣйствованіи должна была произвесть множество внѣшнихъ безцѣльностей. Мы можемъ доказать самымъ очевиднымъ образомъ, какъ природа, когда внѣшнія случайности (!) нарушаютъ ея дѣйствіе, творитъ повсюду смѣшныя ошибки и несообразности (!). Никто не станетъ отвергать, что природа, въ ея безсознательномъ и необходимомъ творческомъ побужденіи, производитъ множество существъ и устройствъ, внѣшняя цѣль которыхъ никакъ не можетъ быть усмотрѣна, и которыя часто естественный порядокъ вещей болѣе нарушаютъ, чѣмъ ему способствуютъ, напр. полевая мышь». (Бюхнеръ, 1 изд. 108).

Безсмертіе.

Человѣкъ, облеченный въ наисовершеннѣйшее на землѣ органическое тѣло, одаренный душою, близкою къ существу Божію, богоподобною, составляетъ связь между двумя мірами, видимымъ и не-

Духовная жизнь индивида, со смертію тѣла, уничтожается абсолютно, совершенно и на вѣки. Духъ—ничто, коль скоро тѣло разложится на свои атомы. Одна матерія вѣчна. Человѣкъ, съ разло-

видимымъ, вещественнымъ и духовнымъ. Что̀ принадлежитъ веществу, персти, то̀, по смерти, возвратится въ землю, а духъ (душа) возвратится къ Богу и снова облекшись въ свое тѣло, но уже нетлѣнное, неразрушимое, безсмертное, будетъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ, если земная жизнь его была исполнена добрыхъ дѣлъ, по ученію святаго закона Божія.

Матеріалистъ говоритъ, что «идея вѣчной жизни, мысль, что онъ никогда не можетъ умереть,—самая ужасная, какую только можетъ придумать фантазія». И дѣйствительно, такая мысль о безсмертіи должна быть ужасна человѣку, который, по безразсудству своему, или съ злыми намѣреніями, распространяетъ между людьми богопротивныя, тлетворныя ученія матеріализма. Чего онъ можетъ ожидать отъ вѣчной правды Божіей, какъ не осужденія? И вотъ онъ, усыпляя свою совѣсть разными лжеумствованіями, старается убѣженіемъ его тѣлесной подкладки (Substrat), умираетъ абсолютно и безвозвратно. Тѣлесная смерть — это разрушеніе всего существа и жизни человѣка. Идея вѣчной жизни, мысль, что я никогда не могу умереть—самая ужасная, какую только можетъ придумать фантазія, безконечно ужаснѣе и отвратительнѣе, чѣмъ мысль о вѣчномъ уничтоженіи (Бюхнеръ, 1 изд. 203 и д.).

Единичный человѣкъ—расплывающаяся, хотя и необходимая, часть цѣлаго; онъ долженъ разложиться въ цѣлое. Въ великомъ мірозданіи ничто не старѣетъ, не истлѣваетъ; воздухъ и растенія, животныя и люди составляютъ повсюду неразрывную цѣпь, безпрестанно очищаются, обновляются, развиваются, совершенствуются, отдѣльныя существа приносятся въ жертву только цѣлому роду: смерть не иное что, какъ безсмертіе круговаго движенія. (Молешотъ).

Самостоятельнаго бытія и индивидуальнаго безсмертія

дить себя, что, со смертію тѣла, и душа достигаетъ своего полнѣйшаго конца.

души нѣтъ. Душа—продуктъ развитія мозга, подобно тому какъ мускульная дѣятельность—продуктъ развитія мускуловъ, ка̂къ выдѣленіе—продуктъ развитія желѣзъ.—Душа не матеріальный, отъ тѣла отдѣлимый принципъ, а только собирательное названіе различныхъ функцій, исключительно принадлежащихъ центральной нервной системѣ, т. е. мозгу. Со смертію тѣла и душа достигаетъ своего полнѣйшаго конца. (Фохтъ).

Завершеніе царства Божія.

По преодолѣніи Христовой церковію своихъ враговъ, настанетъ царство славы или церкви торжествующей. Тогда слава Іисуса Христа явится во всей полнотѣ, во всемъ свѣтѣ; міръ обновится въ лучшій, совершеннѣйшій видъ, и каждому человѣку воздастся по дѣламъ его.

Вступитъ ли земля въ обратный путь и истребятся ли на почвѣ ея произведенія столь долголѣтней работы? Объ этомъ узнаетъ только тотъ, кто переживетъ. (Бюхнеръ, 1-е изд. 93).—Вещество, въ его совокупности,—вотъ всераждающая и все опять въ себя воспринимающая матерь всего сущаго. Человѣкъ, расплывающаяся, хотя и необходимая, часть цѣлаго, долженъ раньше или поз-

*

же снова разложиться въ цѣлое. (Бюхнеръ, 28). Непреклонная, неумолимая необходимость господствуетъ надъ массой.—*Гельмгольцъ* (Wechselwirkung der Nakurkräfte) вычислилъ, что «ка̂къ нѣкогда было время, когда земля не имѣла органической жизни, точно такъ должно, разумѣется, въ безконечномъ, неизмѣримомъ будущемъ, настать и настанетъ время, когда запасы силъ природы истощатся и все живущее на земли погрузится въ смерть и мракъ.» Бюхнеръ основывается на этомъ и восклицаетъ: «въ какомъ свѣтѣ являются, передъ этимъ однимъ фактомъ (?!), всѣ велерѣчивыя, разумному человѣку противныя, философскія мудрствованія о всеобщихъ міровыхъ цѣляхъ, которыя должны совершиться въ созданіи человѣковъ, о воплощеніи Бога въ исторіи, объ исторіи человѣчества, какъ о саморазоблаченіи абсолютнаго, о вѣчности созданія, свободѣ воли и пр. и пр.! Что́ такое вся жизнь и всѣ усилія какъ отдѣльнаго

человѣка, такъ и всего человѣчества, передъ этимъ вѣчнымъ, неумолимымъ, неотразимымъ, наполовину случайнымъ, наполовину необходимымъ движеніемъ природы? Кратковременная игра поденки, носящейся надъ моремъ вѣчности и безконечности (стр. 120).

Между тѣмъ какъ видимая и уловимая матерія обнаруживаетъ до очевидности, передъ нашими чувствами, свою неразрушимость, нельзя сказать того жъ о духѣ или душѣ, которая сама не матерія, а только идеальный продуктъ извѣстной комбинаціи веществъ, одаренныхъ силами. Съ распаденіемъ тѣхъ веществъ, разсѣяніемъ ихъ и вступленіемъ въ другія, ненаходящіяся въ связи, соединенія, должно изчезнуть и то дѣйствіе силы, которое мы называли душой. Въ природѣ всего возникающаго заключается и необходимость его уничтоженія (стр. 306).

Итогъ матеріалистической догмы. «И сего ради пòслетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи. (2 Солун. 2, 11).» Это слово св. писанія совершилось на нашихъ глазахъ. Если взглянуть, въ общемъ видѣ, на ученія, которыя новый матеріализмъ выдаетъ за «результаты всѣхъ научныхъ изслѣдованій», за итогъ всей премудрости, то нельзя не удивляться, какъ разумныя существа могли впасть въ такое противорѣчіе съ Богомъ, міромъ и здравымъ смысломъ. Поборники матеріализма серьозно преданы вѣрованію въ творческое могущество матеріи, въ неразумный механизмъ вселенной, и провозглашаютъ это вѣрованіе съ такою смѣлостію, какъ будто они открыли филисофскій камень, а иные даже съ фанатизмомъ, показывающимъ видъ мучениковъ.

Для матеріалиста существуютъ только тѣлесныя субстанціи, матерія для него—все. Онъ безусловно отвергаетъ все сверхчувственное въ области человѣческаго познаванія (Бюхнеръ), всякую руководящую идею въ созданіи міра (Фохтъ) даже чувство для постиженія всего духовнаго, т. е. разумъ (Молешотъ).

Человѣкъ—итогъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ; онъ знаетъ только тò, чтò входитъ чрезъ ворòта его чувствъ. Чтò чувствами непостижимо, то не существуетъ. На эти основныя предположенія опираются всѣ ученія, выводы и заключенія матеріалистическаго воззрѣнія.

«Вещество и сила, комбинація вещества, измѣненіе вещества, круговое движеніе, случай, необходимость»—вотъ мраморные столпы истины, слѣпые и нѣмые идолы, которымъ покланяются. Въ этотъ узкій ящикъ понятій должно уложиться все безконечное обиліе жизни міровой; вотъ единственные факторы всей духовной и физической жизни, искусствъ, наукъ, религіи и нравственности.

«Нѣтъ личнаго живаго Бога!» Вмѣсто этой единой, вѣчной, разумной причины всего бытія, матеріалистъ вѣруетъ

въ миріады идоловъ, въ безчисленныхъ, неразумныхъ, мертвыхъ автоматовъ, называемыхъ имъ атомами, которые—частію чрезъ случайныя, частію чрезъ необходимыя комбинаціи—создаютъ всю жизнь; изъ множественности производятъ единство, изъ случая цѣлесообразность, изъ нелѣпости разумъ, изъ матеріи духъ, изъ духовнаго Ничто духовное Нѣчто, изъ вещества чувство, изъ безсознательности мышленіе, изъ хаотическаго безпорядка математическій умъ, изъ мозговаго вещества духъ—словомъ сказать, изъ смерти жизнь!—Вездѣ, гдѣ факты духовной жизни никакъ не могутъ быть отвергнуты, матеріалистъ приписываетъ матеріальнымъ атомамъ духовныя, божественныя свойства: вѣчность, безконечность, творческую силу, производящую не только формы вещей, но даже мышленіе, разумъ, самосознаніе, волю—и все это, не смотря на то, что «онъ знаетъ только входящее чрезъ ворота его чувствъ.» (Какъ будто идея вѣчности и абсолютности можетъ также входить въ него этимъ путимъ).—Такимъ образомъ, все божественное, изгоняемое имъ изъ однихъ дверей, входитъ снова въ другія двери, конечно, не какъ подлинный образъ, а какъ каррикатура.

Бюхнеръ, выступающій въ 3-мъ изданіи своей книги «Kraft und Stoff», уже гораздо скромнѣе, чѣмъ въ 1-мъ, не отрицаетъ «существованія идеи» и допускаетъ, что она, по сущности своей, «нематеріальна»; но тутъ же говоритъ, что она возникаетъ единственно изъ матеріи. Изъ естественнаго процеса онъ не исключаетъ «всякое творящее, образующее начало» (3-е изд. предисл. XXII). «Органическіе родовые типы—частію случайный, частію необходимый продуктъ постепенной, медленной, *безсознательной* работы самой природы». (3-е изд. XXXVI). Можно ли яснѣе выразить нелѣпую мысль, что изъ безсознательности, изъ смерти возникаетъ жизнь?

«Природа, съ ея физическими, механическими и химическими силами, образуетъ организмы». Послѣ миріадъ тщетныхъ попытокъ, по прошествіи неисчислимыхъ эоновъ, наконецъ, изъ безконечнаго множества возможностей, изъ безконечной массы атомовъ, возникла отъ счастливой случайности— теперешняя форма міра—этотъ стройный, въ своихъ мельчайшихъ частяхъ ловко принаровленный механизмъ, своего рода perpetuum mobile, «мастерское созданіе творческой мысли», составленное изъ безконечно многихъ, безсознательныхъ атомовъ, въ которыхъ нѣтъ и слѣда цѣлепредставленія, которые, однако, теперешній міровой порядокъ—съ его внѣшнею математическою точностію—произвели частію случайно, частію по необходимости! Какое противорѣчіе!

Матеріализмъ отвергаетъ въ человѣкѣ именно то, что объусловливаетъ цвѣтъ его духовной жизни, и ставитъ его на одну ступень съ животными. По словамъ *Фохта*, матерія посредствомъ фосфорнокислаго мозговаго жира выдѣляетъ мысли, понятія, дѣйствія воли, какъ почки выдѣляютъ мочу. По мнѣнію *Молешота*, безъ фосфора нѣтъ мысли. Человѣкъ—произведеніе природы, улучшенный родъ обезьянъ; мыслящая машина, перестающая навѣки дѣйствовать, коль скоро части вещественнаго тѣла распадутся. Хотя Бюхнеръ и говоритъ, что для объ основанія матеріалистической ипотезы, необходимо еще многое открыть, однако, для вѣрующаго въ матерію несомнѣнно уже и теперь, какъ «продуктъ науки», что дѣйствіе единаго живаго Бога, Творца, Промыслителя и Законодателя вселенной, по дерзко-безумнымъ словамъ его, принадлежитъ къ нелѣпымъ сказкамъ, что движущая пружина вселенной возникла сама собой, случайно, неразумно, безъ плана, безъ намѣренія и цѣли (а по Чольбѣ и вовсе не возникала), что сущность личнаго *я* основана только на счастливой комбинаціи міроваго вещества и со смертію совершенно уничтожается, что нравствен-

ная свобода и отвѣтственность имѣютъ значеніе только какъ заблужденіе глупой головы.—Вотъ какова степень развитія новѣйшаго матеріализма! Вотъ до какого противорѣчія здравому разуму, до какого безумія доводитъ дерзкое, необузданное вольномысліе!

2.

Отсутствіе всякаго принципа и ненаучность матеріализма.

Суевѣрно всякое мышленіе, которое, безъ достаточной причины, ставитъ предложенія, противорѣчащія здравому разсудку. Разсматривая предложенія матеріализма по общепринятымъ законамъ мышленія, вамъ прежде всего бросится въ глаза отсутствіе разумнаго ихъ объоснованія. Если вы спросите матеріалиста, какимъ образомъ безсознательные атомы дошли до того, что они мыслятъ, хотятъ, чувствуютъ, что они совокупляются въ единство сознанія; если вы спросите, кàкъ возможно мыслить, чтобы пространственная матерія, съ одной стороны, производила невещественный духъ, а съ другой, была сама ему подчинена,—онъ вамъ отвѣтитъ, что это «какъ» необъяснимо; однакожъ, оно такъ.—Если мы и не будемъ требовать отъ «мыслящаго мозга» объясненія этого «кàкъ», то все-же вѣрованіе въ матерію должно бы, во имя своей научности, доказать намъ хоть мыслимость своихъ предложеній; оно должно бы дать намъ по крайней мѣрѣ тѣнь разумнаго объясненія о томъ, что мозгъ, самъ по себѣ безсознательный, можетъ, безъ духовнаго фактора, быть творцемъ искусствъ, наукъ, религіи и пр. Всѣ приводимые матеріалистомъ факты опыта, если ихъ внимательно разсмотрѣть, доказываютъ прямую противоположность его предложеній. Онъ ссылается, напр. на трупы и болѣзненное состояніе человѣка. Но это самое и доказываетъ намъ по-

ложительно, что когда мозговые атомы предоставлены сами себѣ, когда вліяніе духа на организмъ мозга нарушенъ, онъ никогда не въ состояніи произвесть здоровой духовной жизни. Было бы глупо, еслибъ по изношенному и брошенному платью, мы стали доказывать, что человѣкъ, его изготовившій и носившій, никогда не существовалъ; столько же нелѣпо доказывать, что такъ—какъ трупъ не мыслитъ, то и сущность духа—ничто.

Бюхнеръ ссылается еще на состояніе человѣка во время сна, обморока и искусственнаго обезчувствленія. Но понятно, что телеграфный приборъ не можетъ передавать мысли, коль скоро проводникъ гдѣ нибудь и какъ и нибудь поврежденъ или нарушенъ. Изъ этого, однако, нельзя еще заключить, что проволока или гальваническая батарея суть производители мышленія. Столько же неосновательно, изъ прерванія явленій духовной жизни, во время сна или обморока, выводить заключеніе, что мозгъ есть не только медіумъ явленія, но и единственный факторъ жизни духовной. Матеріалистъ говоритъ далѣе: «въ старости, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ вѣса мозговой массы, уменьшается и сила мышленія; слѣдоват. сила мышленія и мозгъ тождественны.» На такой образчикъ доказательства можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Во-первыхъ, вѣсъ и объемъ мозга не составляютъ мѣрила мыслительной дѣятельности, иначе мозгъ нѣкоторыхъ звѣрей силою мышленія превосходилъ бы мозгъ человѣческій. Во-вторыхъ, одновременность и параллельность двухъ явленій не есть доказательство того, что одно производитъ другое. Онѣ могутъ взаимно объусловливаться, какъ напр. прозрачность и цѣльность зеркала объусловливаетъ ясность отражаемаго въ немъ образа; если же, по какому либо недостатку зеркала, и отражающійся въ немъ образъ будетъ не ясенъ, то все таки нельзя зеркало признать единственнымъ факто-

ромъ зеркальнаго образа. Въ третьихъ, въ этой заключительной формулѣ явленіе произвольно отождествлено съ причиной, медіумъ съ факторомъ.

Продуктъ двухъ факторовъ долженъ необходимо измѣниться, коль скоро одинъ изъ нихъ уменьшится; но изъ такого уменьшенія продукта никакъ не слѣдуетъ, чтобы другой факторъ равнялся нулю. Возмемъ въ примѣръ явленіе радуги. Здѣсь факторы продукта: солнце, облачная стѣна, глазъ наблюдателя и пр. Въ той самой мѣрѣ и въ то самое время, какъ стѣна падающихъ дождевыхъ каплей измѣняется, дополняется или разрывается на части, явленіе радуги также измѣняется для наблюдающаго глаза. Но изъ того, что, одновременно съ уменьшеніемъ и изчезновеніемъ дождевой стѣны, уменьшается и изчезаетъ явленіе радуги, не слѣдуетъ также, что съ изчезновеніемъ радуги уничтожается и солнце. Если допустить, что облачная стѣна и явленіе радуги тождественны, или что мозгъ и духовное явленіе жизни одно и то же, въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности въ доказательной формулѣ, не выходящей изъ очарованнаго круга; въ такомъ случаѣ мы вѣруемъ, но непонимаемъ; не допуская же такого предположенія, упомянутая формула ничего не доказываетъ. Словомъ сказать, матеріалистъ во всѣхъ дѣйствіяхъ своего мышленія находитъ только то̀, во что̀ онъ слѣпо вѣруетъ.

Какой же, наконецъ, принципъ истины въ матеріализмѣ? Какое у него рѣшительное доказательство небытія живаго Бога и духовнаго индивида? Было бы смѣшно, еслибъ не было грустно, сказать, что верховное доказательство, исходище матеріалистической ипотезы заключается въ словѣ невѣдѣніе. Напр. Бюхнеръ говоритъ (Kraft und Stoff, 1-е изд. 175): «Все наше знаніе только *относительно* справедливо; мы не въ состояніи составить себѣ понятія о вѣчномъ и безконечномъ.» Однакожъ, такое понятіе онъ

утверждаетъ или отрицаетъ *аподиктически* во всѣхъ случаяхъ, когда ему это нужно для своей ипотезы; такъ, по собственному сознанію, не имѣя понятія о «вѣчномъ», онъ называетъ вещество «вѣчнымъ и безконечнымъ». Бюхнеръ продолжаетъ: «слово *атомъ* только выраженіе необходимаго для насъ, нами извнѣ къ веществу привнесеннаго представленія, въ которомъ мы имѣемъ надобность для извѣстныхъ внѣшнихъ цѣлей. Дѣйствительнаго же понятія о вещи, называемой нами атомомъ, мы вовсе не имѣемъ. Мы ничего не знаемъ ни о величинѣ его, ни о формѣ, ни о составѣ, и т. п. Никто его не видѣлъ, да и нѣтъ надежды, чтобъ мы, посредствомъ наблюденій или чрезъ размышленіе, достигли когда-либо удовлетворительной цѣли въ познаніи вещества.» Онъ сознается въ 3-мъ изд. Kraft und Stoff, стр. XXXVI: «что для него глубочайшая первоначальная причина возникновенія (Werden) неразрѣшимая загадка.» Онъ сознается въ своемъ «невѣдѣніи относительно пространства и времени, сущности силы и вещества» (см. Natur und Geist 136, 173, 177). Но при всемъ томъ, Бюхнеръ не перестаетъ отрицать разумное, живое, творящее начàло, потому-что «сущность матеріализма», по собственному его объясненію (Kraft und Stoff, 3-е изд. XXII и XXXIX) «состоитъ въ *отрицаніи* сверхчувственнаго и сверхестественнаго въ области человѣческаго познаванія, и *въ устраненіи* всякаго образующаго и творящаго начàла.»—Но какимъ образомъ можетъ разумный человѣкъ безусловно отрицать существованіе того, о чемъ онъ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ? Невѣдѣніе и небытіе—два понятія совершенно различныя. Можно сказать: я не знаю, я не вижу этого; но нѣтъ разумной причины говорить: этого нѣтъ. Если слѣпецъ отрицаетъ существованіе солнца, то это нисколько не касается дѣйствительнаго солнца.

Впрочемъ, не одинъ Бюхнеръ, въ противорѣчіе самимъ собой, сознается въ своемъ «невѣдѣніи»: всѣ честные матеріалисты сознаются въ томъ же. Дюбуа-Реймонъ говоритъ: «если углубимся до основанія, то вскорѣ постигнемъ, что нѣтъ ни силъ, ни матеріи. И то и другое лишь отвлеченности вещей, какъ онѣ суть. Онѣ дополняютъ другъ друга; при одномъ предполагается другое; по одиначкѣ онѣ—ничто.— Что выиграется, продолжаетъ Дюбуа-Реймонъ, если скажутъ: сила взаимнаго притяженія сближаетъ двѣ матеріальныя частички? Мы не постигнемъ даже и тѣни сущности этого дѣйствія. Не дано человѣческому духу переходить въ этихъ вещахъ за черту *послѣдняго противорѣчія*. Передъ нашимъ мышленіемъ (слѣдовало сказать: чувственнымъ постиженіемъ) вся вселенная разлагается на движимую матерію, сущности которой понять намъ невозможно».

Точно такъ и Фохтъ (Bilder aus dem Thierleben, 448) сознается: «мы еще вовсе не знаемъ, какимъ образомъ дѣйствуетъ нервное вещество».—Чольбе (Neues System des Sensualismus) утверждаетъ: «мышленіе о какой либо вещи не болѣе какъ вспомогательный способъ (Nothbehelf!) для непосредственнаго чувственнаго постиженія; поэтому наглядное (anschaulich) мышленіе, наиболѣе приближающееся къ постиженію, лучше всего. (Слѣдоват. если дитя, напр. считаетъ луну за вещь столь близкую, что ее можно схватить руками, то это наилучшее мышленіе?) Фирховъ говоритъ прямо: «ему нѣтъ дѣла до того, оканчивается ли всякое мышленіе (т. е. матеріалистическое) противорѣчіемъ съ самимъ собой.» Но мыслить въ противорѣчіи съ самимъ собой, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать разумнымъ мышленіемъ.

Такое сознаніе матеріализма, что онъ о сущности вещей ничего не знаетъ и знать не можетъ, конечно, очень справедливо и высказано честно. Смѣшно только то, что онъ сущность и жизнь Бога, о которыхъ ничего не знаетъ, апо-

диктически отрицаетъ. Онъ допускаетъ, что ему «отношеніе духа и мозга непонятно», но все таки утверждаетъ: такъ-какъ каждая мысль человѣка соединена съ движеніемъ мозга, то мысль не можетъ быть иное что, какъ чистый продуктъ мозга. Пусть бы кто-нибудь сдѣлалъ такой выводъ: Я не понимаю взаимнаго отношенія между буквами письма и слезами сына, который узнаётъ изъ письма о смерти отца своего; слѣдоват. эти слезы не могутъ быть иное что, какъ чистое произведеніе чернилъ и буквъ!—Этотъ выводъ доказываетъ то же, что̀ и основная матеріалистическая догма: такъ-какъ движеніе мозга находится въ связи съ каждымъ проявленіемъ мысли человѣка, то и долженъ мозгъ, въ своемъ взаимномъ сообщеніи съ внѣшнимъ міромъ, быть единственнымъ производителемъ духа .—Мозговые атомы, въ ихъ совокупности, воздвигаютъ зданіе, и пототу итогъ ихъ долженъ быть единственный производитель работъ и архитекторъ зданія.

Матеріализмъ утверждаетъ, что духъ и вещество нераздѣльны; но мы не видимъ нигдѣ даже слѣда объясненія и доказательства хоть-бы о возможности тождества матеріи и ея невещественной противоположности. «Такъ-какъ силы химическія и физическія дѣйствуютъ въ мозгу, то и сущность духа должна быть химія и физика!»—Вотъ объоснованіе той великой ипотезы, которая должна потрясти до основанія небо и землю, всю вселенную.

Матеріалистъ ничего не знаетъ, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ ни о сущности матеріи, ни о сущности духа; онъ только смѣло утверждаетъ, что изъ тѣлеснаго возникаетъ нетѣлесное, изъ вещественной комбинаціи—мысль, изъ движенія атомовъ—самосознаніе. Такую безосновательность и односторонность можно положительно доказать во всѣхъ матеріалистическихъ аксіомахъ. Мы ограничимся здѣсь только главнѣйшими.

Одно изъ важнѣйшихъ и обильнѣйшихъ послѣдствіями положеній матеріалистическаго вѣрованія слѣдующее: такъ называемая свободная воля человѣка не болѣе, какъ самообольщеніе; всѣ дѣйствія воли такая жъ физическая необходимость, какъ движеніе стрѣлки въ механическихъ часахъ, какъ явленіе падающаго камня, какъ сокращеніе возбужденнаго мускула.

Если вы спросите о научномъ объосновапіи такого предложенія, то, при внимательномъ разсмотрѣніи, найдете, что все, приводимое матеріализмомъ въ подкрѣпленіе своего ученія, не болѣе какъ нахальное, безосновное утвержденіе. Матеріалисту неизвѣстны даже основныя условія (не говорю уже о затрудненіяхъ), которыя надобно принять во вниманіе при рѣшеніи глубоко-проникающаго вопроса о свободѣ воли человѣческой; между тѣмъ знаніе этихъ условій составляетъ первѣйшую потребность для рѣшенія вопроса.—Прежде всего матеріалисту слѣдовало бы ясно и точно опредѣлить понятія о личности, познаваніи, самосознаніи, цѣлепредставленіи и о томъ, что̀ человѣкъ *хочетъ* и *можетъ* (können (*); потомъ опредѣлить понятія о причинѣ и послѣдствіи, о свободѣ и необходимости. Безъ установленія этихъ понятій, всякое разглагольствіе только пустое фразерство, спутывающая игра субъэктивнаго произвола.

Ужѐ одно то, что *я могу*, для извѣстной цѣли, пошевелить пальцемъ и дѣйствительно имъ шевелю, указываетъ на возможность и противоположнаго дѣйствія. Одной желѣзной необходимости (muss) неизвѣстно противоположное. Первый признакъ свободы состоитъ въ томъ, что человѣкъ можетъ сознательно желать одно и отвергать другое; второй признакъ—что онъ точно отличаетъ свое самодѣйствіе отъ

(*) Können противоположно müssen; первое означаетъ свободную волю, второе неотвратимую необходимость.

всего, что̀ находится внѣ его, что̀ *не-я*; третій—что при совершеніи всякаго самодѣйствія, въ человѣкѣ присутствуетъ духовное чувствованіе, отличное отъ чувствъ тѣлесныхъ. На эти существенные признаки свободной воли матеріалистъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.—Чтобъ дѣйствительно доказать ничтожность свободной воли, слѣдовало бы отвѣчать на слѣдующіе вопросы: чѣмъ отличается собственно дѣйствіе воли отъ всякаго другаго проявленія духовной жизни, напр. отъ страдательной возбужденности нервной жизни, отъ духорасположенія, отъ познаванія внѣшнихъ вещей, отъ самосознанія и проч.? Въ какомъ отношеніи находится субъэктивная возбужденность къ хотящему *я*? Ка̀къ относится самодѣйствіе воли, которое всякій хотящій человѣкъ дѣйствительно совершаетъ, къ познанію побужденій (Angewirktsein) извнѣ?—Если личное жизненное настроеніе (Lebensstimmung) есть та почва, гдѣ коренятся всѣ дѣйствія воли, то матеріалисту слѣдовало бы, для объоснованія своей ипотезы, доказать ясно и положительно, что самодѣйственное вліяніе человѣка на его собственное жизненное настроеніе и на рядъ мыслей, изъ которыхъ проистекаетъ дѣйствіе воли, абсолютно невозможно, или, другими словами, что *сила духа*, которая споспѣшествовала бы мыслямъ или отвергала мысли, рѣшающія дѣйствіе воли, абсолютно невозможна. Но болѣе всего матеріалисту нужно бы обсудить, какимъ образомъ долженъ совершиться процесъ разумнаго мышленія, такъ, чтобъ изъ голой матеріи, изъ ея различныхъ соединеній и движеній, по физической необходимости, могъ произойти *субъэктъ* цѣлостный, хотящій, ставящій цѣль;—или, какимъ образомъ можно изъ механическихъ и химическихъ вещественныхъ комбинацій понять или, по крайней мѣрѣ, по-человѣчески объяснить хотя только призракъ взаимнодѣйствія духа и плоти, самосознанія, саморѣшенія, свободы. Но такихъ доказательствъ и объясненій

нѣтъ и слѣда. Доказательный способъ доведенъ у матеріалистовъ до необыкновенной простоты. Всѣ вопросы, которые необходимо должны быть приняты во вниманіе, для нихъ вовсе не существуютъ. Всѣ трудные пункты, отъ разъясненія коихъ зависитъ рѣшеніе вопроса, они обходятъ и просто утверждаютъ, что такъ называемая свободная воля и сознаніе желаемой цѣли одно и тоже. Въ этомъ отношеніи матеріалистъ похожъ на немыслящаго ребенка, который хватаетъ блестящій черепокъ, самъ не зная на что̀ онъ ему.

На публичной лекціи въ Цюрихѣ Молешотъ, въ опроверженіе свободной воли, сослался на Спинозу, который говоритъ: «человѣческая свобода, которою всѣ хвалятся, состоитъ только въ томъ, что люди сознаютъ свою волю, по большей части не подозрѣвая даже причинъ». Онъ сослался еще на слова Рашели Феликсъ: «что̀ мы хотѣть *должны*, то̀ вполнѣ опредѣлено въ насъ, это ка̀къ-бы мы сами, изъ этого мы сдѣланы; наше хотѣніе для насъ какъ суставъ, который можетъ быть повернутъ туда и сюда»....... Слова Спинозы, какъ онѣ приведены Молешотомъ, простое предложеніе, безъ основанія; а слова женщины—наборъ внутреннихъ противорѣчій.—«Что̀ мы хотѣть *должны*»—это еще не въ дѣйствительности, а только, сообразно съ представленіемъ, внутри насъ. Но отъ куда происходитъ представляющаяся цѣль, согласіе съ этою цѣлію нашего *я*, и отвращеніе отъ всего, что̀ этой цѣли противорѣчитъ? Это «отъ куда», источникъ дѣйствія воли, вовсе не разсматривается, а только понятія перепутываются: «воля есть сознаніе; сознаніе—вещественная комбинація; послѣдняя—физическая необходимость».

«Суставъ, который можетъ быть повернутъ туда и сюда» не болѣе, какъ сравненная съ дѣйствіемъ воли картина. Но и самое остроумное сравненіе можетъ дать объясненіе только одностороннее, потому-что оно хотя и выражаетъ какое нибудь отношеніе подобія между сравниваемыми предметами,

но никогда не доставляетъ родоваго ихъ различія, что̀ однако, при научныхъ объясненіяхъ, существенно важно.— Здѣсь спрашивается только: кто вертящій факторъ? Можно ли доказать, что онъ продуктъ какихъ нибудь механическихъ часовъ? Гдѣ доказательство о цѣлепредставленіи и самостоятельномъ согласіи (Zustimmung) механизма? Какая возможность даже только мыслить, что механическая или химическая комбинація вещества можетъ понять мысли, цѣли и рѣшенія? Каждый хотящій субъэктъ, въ актѣ своего опредѣленнаго хотѣнія, проявляетъ свое саморѣшеніе и свою единосущность. Напротивъ того, машина—это съизвнѣ движимая множественность. — Молешотъ сказалъ гдѣ-то справедливо и прекрасно: «познаніе есть плодъ любви». Но ка̀къ вообразить себѣ любовь безъ воли?

Матеріализмъ ссылается на непроизвольныя движенія тѣла во время сна, на болѣзни, искусственное обезчувствленіе и смерть; но всѣ эти состоянія доказываютъ прямо, что повсюду, гдѣ здоровое, бодрствующее отношеніе между духомъ и плотью разстроено или прервано, гдѣ плоть движима другимъ факторомъ, а не духомъ, не можетъ быть и рѣчи о дѣйствіи воли въ тѣлѣ. И напротивъ, факты самообладанія, напр. добровольное воздержаніе отъ сна, преднамѣренное пробужденіе отъ сна въ опредѣленный часъ ночи;—сила воли въ господствованіи надъ сильнѣйшими естественными побужденіями, напр. отверженіе всякой пищи съ намѣреніемъ умереть отъ голода, добровольное удержаніе себя отъ укоренившейся страсти, какъ равно отъ пріятнѣйшихъ и необходимѣйшихъ наслажденій,—всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о личномъ факторѣ воли, который никакою вещественною комбинаціею не можетъ быть замѣненъ.—Если матеріалистъ отрицаетъ всякое различіе и всякое взаимное отношеніе между пассивною возбужденностію нашего *я* и активнымъ согласіемъ его, или, все это

признаетъ за призракъ и самообльщеніе, то ему слѣдовало бы указать, какимъ образомъ такое мнимое самообольщеніе можетъ возникнуть въ мыслящемъ человѣкѣ, когда въ немъ нѣтъ мыслящаго и хотящаго *я*, и ка̀къ это дѣлается, что человѣкъ, на основаніи этого, такъ-называемаго самообольщенія, устраиваетъ и опредѣляетъ все направленіе своей жизни?

Допустивъ, что духовное *я* равно нулю, мы спросимъ: какимъ же образомъ субъэктивная возбужденность можетъ превратиться въ самодѣйственное согласіе и рѣшеніе нашего *я* на выборъ между нѣсколькими объэктами хотѣнія? Въ этомъ отношеніи матеріализмъ еще никогда не предъявлялъ даже и тѣни доказательства. Онъ говоритъ: хотя такое взаимнодѣйствіе до сихъ поръ остается еще необъяснимымъ, однакожъ, дѣло въ томъ, что мозговые атомы производятъ видъ (Schein) хотѣнія. Но доказательство, основанное только на субъэктивныхъ мнѣніяхъ и смѣлыхъ утвержденіяхъ, вполнѣ ненаучно и едва ли можетъ вліять на людей даже неразмышляющихъ.

Существенная противоположность матеріи и духа не вошла даже и въ сознаніе вѣрующаго въ матерію отрицателя дѣйствія воли. Онъ проходитъ мимо этой, ка̀къ-бы не существующей для него, противоположности, соглашеніемъ которой занимались самые глубокіе мыслители, начиная отъ Аристотеля до Канта и Гегеля. Какимъ образомъ недуховное можетъ произвесть духъ, слѣпое превратиться въ зрящее, безсознательное въ сознательное, смерть въ жизнь,—разъясненіемъ этого матеріалисты и не думали заниматься.

Изъ ничего выходитъ ничто. Что̀, по существу своему, не заключается въ причинѣ, то не можетъ проявиться и въ дѣйствіи. Абсолютно-противоположное не можетъ произойти одно изъ другаго. Изъ смерти не возникнетъ жизнь. Гдѣ жизнь, тамъ есть причина, носящая въ себѣ жизнь; гдѣ есть мышленіе и хотѣніе, тамъ есть и субъэктъ мыслящій и

*

хотящій. Нѣтъ ни одной цѣлесообразной формы безъ принципа, ставящаго и сознающаго цѣль; нѣтъ порядка безъ распорядителя; нѣтъ науки, т. е. цѣлостнаго знанія по принципамъ, безъ знающаго лица. Грубый эмпиризмъ матеріалистовъ пренебрегаетъ слѣпой, по его мнѣнію, вѣрой; а самъ онъ преданъ дѣйствительно глубочайшему суевѣрію, какое только есть въ мірѣ. Матеріалистъ вѣруетъ только въ примитивную неразумность; поэтому онъ и отвергаетъ жизнь Бога. Послушайте что̀ Молешотъ приводитъ въ основаніе этого отрицанія (Kreislauf etc. 87): «величественное творчество ничему не даетъ устарѣть, истлѣть; воздухъ и растенія, звѣри и люди повсюду подаютъ другъ другу руки, безпрерывно очищаются, возобновляются, развиваются, облагороживаются; да и самая смерть не что иное какъ явленіе и возобновленіе жизни». Этимъ доказывается будто-бы, что нѣтъ живаго Творца, который создалъ вселенную и управляетъ ею по разумному предначертанію. Для разумнаго человѣка эти факты жизни доказываютъ именно то̀ что̀ отрицаетъ матеріалистъ. Фохтъ, Бюхнеръ, и проч. вѣруютъ несомнѣнно, что «частію случай, частію безсознательная необходимость», которыя осуществляются только въ механическомъ давленіи и толчкѣ, въ раздѣленіи и совокупленіи атомовъ, произвели высшее—*идею личной жизни*. Эта идея, по ихъ словамъ, не иное что, какъ свойство тлѣннаго мозга: идея истлѣваетъ и возникаетъ вмѣстѣ съ мозгомъ. Матеріализмъ, сколько позволяютъ его силы, стремится прервать жизненную нить всего идеальнаго, и тѣмъ уничтожить до основанія процвѣтаніе и существенное содержаніе всякой науки, для того чтобъ, въ окончательномъ выводѣ неразумія, дойти до духовнаго нигилизма, который служитъ ему точкой отправленія.

Бюхнеръ, въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи «Natur und Geist», гдѣ онъ, однакожъ, бо̀льшую часть своихъ преж-

нихъ утвержденій устраняетъ или измѣняетъ, говоритъ серьозно, стр. 283: «Не только въ соразмѣрности и взаимномъ расположеніи небесныхъ тѣлъ, не только въ устройствѣ и состояніяхъ земли и въ отношеніяхъ ея поверхности къ живущимъ на ней органическимъ существамъ, но и въ анатомическомъ построеніи этихъ существъ, можно легко указать на множество неправильностей, даже нелѣпостей въ безцѣльныхъ и вредныхъ устройствахъ, въ извращенныхъ побужденіяхъ, и наконецъ въ ложномъ стремленіи къ уравненію возникшихъ нарушеній порядка и проч. Къ чему, восклицаетъ Бюхнеръ, пустое небесное пространство? Къ чему міровыя тѣла, которыя не могутъ быть обитаемы живыми существами? Къ чему льдяныя пространства и пустыни земли? Къ чему вредныя животныя и растенія? Къ чему опустошительныя явленія въ природѣ? Къ чему болѣзни, уродливыя рожденія? Къ чему грѣхъ и зло? Къ чему бѣдствія?»—При всѣхъ этихъ восклицаніяхъ, онъ забываетъ, что именно указаніе мнимо - цѣлепротивныхъ исключеній предполагаетъ цѣлепредставленіе законодателя. О цѣлепротивности можно только тамъ говорить, гдѣ цѣлесообразность составляетъ правило и порядокъ.

Такъ-называемыя цѣлепротивности въ природѣ являются такими только для односторонняго наблюдателя и для близорукаго ума; а для основательнаго изслѣдователя онѣ, напротивъ, служатъ подтвержденіемъ высшаго разума. Въ мірозданіи второстепенная цѣль уступаетъ первостепенной; такъ, напримѣръ, опустошенія, производимыя силами природы въ частности, не принимаются вовсе въ разсмотрѣніе сравнительно съ великимъ предназначеніемъ этихъ силъ для всего міра: это именно и подтверждаетъ цѣлостный, творческій планъ во всей вселенной. Самъ Бюхнеръ сознается, что обыкновенно по одному уродливому рожденію приходится на 1,000 нормальныхъ рожденій, въ которыхъ

видно рѣшительное стремленіе природы къ образованію жизнеспособныхъ тварей. Гдѣ цѣлесообразную, гармоническую связь можно доказать милліонами случаевъ, тамъ находимъ мы слѣды разума; а гдѣ этихъ слѣдовъ нельзя отрицать, тамъ есть и цѣлостный субъэктъ-носитель ихъ.

Разумно мыслить значитъ мыслить сообразно цѣлостному принципу разума. Матеріализмъ, отвергая это, становится неразумнымъ. И дѣйствительно, у матеріализма принципъ не существенный, а пустой, наглядный; и это обстоятельство служитъ также признакомъ ненаучности. Разумное мышленіе предполагаетъ высшую, существенную, основную истину; оно отвергаетъ всякое расщепленіе основы. Сущность науки именно и заключается въ ясномъ познаніи истины изъ ея необходимой связи съ высшимъ реальнымъ принципомъ единства. Гдѣ идетъ рѣчь о точномъ изслѣдованіи и мышленіи, тамъ должно—какъ неопровержимо достовѣрное—предлежать существенное единство, которое, по законамъ здраваго познаванія и мышленія, расчленяется, всесторонно обсуживается и прилагается къ дѣйствительной жизни. Математика, напримѣръ, разсматриваетъ неотвержимый законъ единства человѣческаго воззрѣнія и мышленія по отношенію ко всѣмъ возможнымъ величинамъ. Великая задача математики: доказать тождество жизненной причины, которое одновременно и безъ исключенія представляютъ, *въ мыслящемъ духѣ человѣка*—математическія аксіомы, а *въ мірѣ явленій*—соотвѣтствующія тѣмъ аксіомамъ величины и формы. Физика разсматриваетъ и доказываетъ, путемъ наведенія, фактическую единосущность (Wesenseinheit) закона природы (волю Бога) относительно изведаннаго опытомъ движенія вещества. Астрономъ доказываетъ этотъ принципъ единства какъ въ формахъ явленія міровыхъ тѣлъ, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ міровыхъ системъ, до крайняго предѣла чувственнаго постиженія. Физі-

ологія, врачебная наука, стремятся къ тому, чтобъ изучить цѣлостный законъ развитія здоровой человѣческой жизни, для отвращенія разстройствъ ея. О медицинѣ, какъ наукѣ, не могло бы быть и рѣчи, еслибъ не существовало неопровержимой достовѣрности во всеобщемъ законоподчиненіи физическаго и психическаго процеса жизни, т. е. въ томъ, что всѣ индивиды развиваются по одному и тому же творческому принципу. Исторія человѣчества, и именно исторія культуры, ставитъ себѣ задачей показать изъ опыта всеобщую творящую волю, единый основный планъ въ развитіи духовной жизни. . . . . Такимъ образомъ каждая истинная наука основывается на цѣлостномъ, существенномъ, реальномъ принципѣ. Но гдѣ такой принципъ у матеріализма? Вмѣсто единаго живаго принципа разума, онъ вѣруетъ въ миріады безсознательныхъ атомовъ, которые «частію случайно, частію по необходимости» должны произвесть изъ своей множественности—гармонію міозданія, изъ духовнаго ничто—духовное нѣчто, духовную жизнь!

Задача всякой истинной науки состоитъ въ томъ, чтобъ не останавливаться на полупути изслѣдованія и мышленія, а доходить—въ рѣкѣ жизни—до источниковъ ея. Наука должна это дѣлать, чтобъ не быть во внутреннемъ разладѣ сама съ собой и не уничтожать чрезъ то свою существенность. Она должна, на основаніи здраваго, всѣми признаннаго закона мышленія, строго-логически дойти до единосущности причины бытія, до абсолютнаго разума, который вполнѣ соглашаетъ взаимныя отношенія духа и природы, постигающаго и постигаемаго, и доводитъ до уразумѣнія закона природы и гармоніи вселенной. Матеріализмъ, напротивъ, неболѣе какъ полузнаніе, одностороннее, поверхностное знаніе, не переваренная пища, потому-что онъ обращаетъ вниманіе только на внѣшнюю форму явленія вещей, и развѣ еще на нѣкоторыя, чувственному постиженію ближайшія, по-

средствующія причины, и все это отождествляетъ съ вѣчной причиной бытія. Въ своемъ мышленіи и изслѣдованіи матеріи, матеріализмъ останавливается на полудорогѣ, подобно тому, какъ дитя принимаетъ маріонетокъ за самодвигателей, или нити, движущія куклами, за конечную причину движенія.

Матеріалистъ говоритъ: природа существуетъ какъ она есть. Почему она такъ, а не иначе, я не знаю; это «частію случай, частію необходимость»; и такъ-какъ я объ этомъ ничего не знаю, то и никто другой никогда знать не можетъ. Такимъ образомъ о сущности матеріи онъ совершенно ничего не объясняетъ, совершенно ничего не доказываетъ. Онъ сознается самъ, что ему о принципѣ жизни абсолютно ничего неизвѣстно. Онъ отрицаетъ существо Бога; отрицаетъ произвольно, безъ всякаго основанія, какъ-бы по инстинкту, жизнь абсолютнаго разума и единосущность духа; а потому матеріализмъ въ полномъ смыслѣ противоразумное, нелѣпое воззрѣніе на природу. Приговоръ этотъ справедливъ, потому-что, если вы серьозно потребуете разумныхъ доказательствъ матеріалистической догмы, то никто изъ обожателей матеріи не дастъ вамъ отвѣта; все построеніе виситъ на воздухѣ; это бредъ, «мозговое движеніе,» какъ они сами называютъ его. Для такого знанія нельзя найти болѣе соотвѣтственнаго выраженія, какъ суевѣріе въ чудотворную силу матеріи.

Въ подтвержденіе этого приговора, прочтите новѣйшее сочиненіе Бюхнера «Natur und Geist». Тѣснимый со всѣхъ сторонъ возраженіями своихъ противниковъ, онъ разглагольствіе свое о «силѣ и веществѣ», хотя не прямо, но частію измѣнилъ, частію замаскировалъ, частію формально отвергъ, говоря на стр. 153 и 296, въ противность прежнихъ своихъ утвержденій: «существуетъ формальный принципъ, руководящая идея въ природѣ, принципъ цѣлесооб-

разной инпціативы природы.» Но не смотря на то, онъ остается при прежнемъ мнѣніи, что нѣтъ живаго Бога. Если же *идея* должна *руководить*, если она можетъ дать опредѣленное назначеніе матеріи, то она должна быть могущество, живое существо. Но для Бюхнера, руководящая идея только простое понятіе, неболѣе какъ лишенный разума нуль, изъ котораго хотя не мгновенно, однако, по прошествіи немыслимыхъ временъ, возникаетъ что-то Единое, господствующее надъ вселенною.

Онъ все еще воображаетъ себѣ, что первобытное состояніе матеріи былъ хаосъ атомовъ. Изъ этого хаоса возникли, въ послѣдовательномъ порядкѣ, сначала полярность, изъ нея растительность, изъ растительности животность, потомъ чувственность, и наконецъ, послѣ миріадъ тщетныхъ попытокъ, чрезъ счастливую комбинацію вещества, мышленіе личнаго духа. Выводя такимъ образомъ мышленіе изъ грубой матеріи, Бюхнеръ не понимаетъ даже, что при этомъ, или выводъ его виситъ на воздухѣ, или возможность мышленія предположена или подставлена имъ въ матерію негласно, уже при начальной точкѣ отправленія, какъ условіе, какъ «руководящая идея». Въ противномъ случаѣ было бы нелѣпо утверждать, что мышленіе и хотѣніе суть видоизмѣненія матеріи. Но и утвержденіе, что всякая духовная жизнь не иное что какъ дѣйствіе матеріи, столько же неосновательно, какъ и противоположное тому, т. е. что вещество—только дѣйствіе и видоизмѣненіе мышленія. Ни та, ни другая ипотеза ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ относительно ближайшаго познанія вѣчной причины, лежащей въ основаніи какъ мышленія, такъ и исполненнаго силы вещества. И то и другое суть вѣтви, развивающіяся изъ вѣчнаго принципа единства, изъ абсолютнаго разума.

Извѣстно, что настойчивое, глубже проникающее изученіе природы все болѣе и болѣе упрощаетъ понятіе о такъ

называемыхъ силахъ природы, доказывая, что эти, будто-бы самостоятельныя силы или «вещественныя свойства», суть только видоизмѣненія единой, высшей, основной причины. Такъ, напр. различныя невѣсомыя: свѣтъ, теплота, электричество, магнитизмъ, галванизмъ и проч. оказываются, математически достовѣрно, видоизмѣненіями одного и того же закона эфирныхъ колебаній. Съ другой стороны, и этотъ законъ, вмѣстѣ съ тяготѣніемъ, сцѣпленіемъ, химизмомъ и всѣми законами физики, подчиняется одной высшей причинѣ бытія. Такимъ образомъ, основательное изученіе природы, не останавливаясь на полупути, при одностороннемъ мышленіи посредствующихъ причинъ, имѣетъ въ виду не политеизмъ атомистическихъ автоматовъ, а монотеизмъ абсолютнаго разума, единаго живаго Бога.

3.

Болѣзненная односторонность матеріалистическаго принципа познаванія.

Другой признакъ суевѣрія — односторонность познаванія, незрѣлость и мелкость наблюденія, въ соединеніи съ фанатически-нелѣпымъ нахальствомъ. Матеріалистъ высказываетъ свой познавательный принципъ въ слѣдующемъ основномъ положеніи: «человѣкъ ничего не знаетъ, кромѣ того что̀ входитъ чрезъ ворота его чувствъ; мыслящій человѣкъ—итогъ своихъ чувствъ». Но этимъ совершенно отвергается внутреннее духовное чувство, разумъ, и утверждается, что одно чувственное постиженіе имѣетъ объэктивную реальность. Достовѣрно, однакожъ, что тѣлесныя чувства человѣка, непосредственно, никакой вещи внѣшняго міра не постигаютъ, а только проводятъ до средоточія мозга возбужденность чувственныхъ орудій, прикрытыхъ кожею наблюдателя. Такимъ образомъ всякое чувственное постиже-

ніе—есть производное, переданное, дискурсивное (*) познаніе. Существованіе внѣшняго міра и его свойства вступаютъ въ воззрѣніе только чрезъ логическое умозаключеніе духа. У матеріалиста нѣтъ другаго доказательства о дѣйствительности внѣшнихъ вещей, кромѣ предположенія, что въ основѣ возбужденія его нервъ лежитъ соотвѣтственная внѣшняя форма явленія вещества. Допуская дѣйствительность внѣшняго міра, онъ долженъ опираться на истину мыслительнаго закона о достаточной причинѣ.

Если вы прикасаетесь къ чему-нибудь, напр. къ камню, то ощущеніе осязаемаго предмета не есть непосредственное постиженіе свойствъ тѣла, а только представленіе, которое составляетъ себѣ ваша душа изъ возбужденнаго состоянія вашихъ осязательныхъ нервовъ, посредствомъ закона причинности. Душа дитяти должна, чрезъ многія упражненія, изучить примѣненіе лежащаго въ душѣ его закона причинности, но не *изъ* ощущеній осязанія, а *посредствомъ* ихъ. Единственно чрезъ примѣненіе этого духовнаго закона жизни, дитя доходитъ до убѣжденія, что причина ощущенія—внѣшняя. И объэктивированіе чувственнаго возбужденія становится такъ скоро привычкой, что односторонно-сенсуалистскіе мыслители, каковъ напр. матеріалистъ Чольбе, принимаютъ впечатлѣніе чувства и самую вещь какъ-бы тождественными, и объявляютъ мышленіе только «случайнымъ пособіемъ» (Nothbehelf). Но такое самообольщеніе не можетъ устоять даже передъ простымъ разсудкомъ, а тѣмъ менѣе передъ судомъ науки.

Собственно чувственное постиженіе не только не можетъ доставить чистой объэктивной истины, но становится источникомъ безчисленныхъ обаяній и заблужденій тамъ, гдѣ внутреннее чувство духа—относительно сущности вещей—

(*) Логическимъ мышленіемъ пріобрѣтенное.

дремлетъ или не признается. На основаніи одного чувственнаго постиженія намъ кажется, напр. звѣздное небо не болѣе какъ сводомъ съ блестящими точками. Только чрезъ исправленіе чувственныхъ впечатлѣній посредствомъ ощущеній внутренняго чувства, посредствомъ математическихъ аксіомъ, человѣкъ доходитъ до представленія о дѣйствительности міровыхъ тѣлъ.—Человѣкъ, не исправляющій своего чувственнаго впечатлѣнія посредствомъ внутренняго чувства, разума, стоитъ на ступени животныхъ. Не впечатлѣніе чувственное, не возбужденное имъ общее развитіе мысли, дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, но существо, которое производитъ это развитіе мысли, управляетъ имъ, очищаетъ его и примѣняетъ, т. е. *разумъ*. Суевѣръ и одержимый горячкою человѣкъ, пока въ немъ отсутствуетъ внутреннее чувство разума, считаетъ свои чувственныя возбужденія, свой мозговой бредъ, точно какъ матеріалистъ, за дѣйствительные объэкты.

Отъ давленія или удара на глазъ замѣчается явленіе свѣта. Одно и тоже электрическое раздраженіе является зрительному нерву какъ свѣтъ, слуховому какъ звукъ, языку какъ вкусъ и проч. Которое жъ изъ этихъ чувственныхъ ощущеній вѣрнѣе показываетъ внѣшній объэктъ?—Выпуклое стекло увеличиваетъ, вогнутое уменьшаетъ предметы зрѣнія; всякая другая средина, всякая форма зеркала измѣняетъ переломленіе лучей и представляетъ глазу предметъ иначе. Какое жъ измѣненіе даетъ объэктивную истину?—Опусти правую руку въ холодную воду и въ тоже время лѣвую руку въ горячую, и непосредственно затѣмъ опусти обѣ руки въ воду средней температуры: эта вода покажется для правой руки теплою, а для лѣвой холодною. Какое жъ изъ этихъ двухъ ощущеній справедливо? Изъ всего этого и изъ тысячи другихъ фактовъ обнаруживается до очевидности, что всякое чувственное познаніе только *относительно*

справедливо, и что, для положительнаго опредѣленія чувственнаго постиженія, къ фактору чувственнаго возбужденія долженъ присоединиться еще другой внутренній факторъ, какъ регуляторъ. Внутренній факторъ сознанія до такой степени необходимъ, что безъ него никакое чувственное постиженіе состояться не можетъ. Онъ и есть то существо, *чрезъ* которое, и норма, *по* которой приходящій извнѣ факторъ чувственнаго впечатлѣнія превращается въ истинное постиженіе. Отъ нормальности обоихъ факторовъ зависитъ здравое, истинное чувственное познаніе.

Чувственныя впечатлѣнія, конечно, побуждаютъ внутреннее чувство, разумъ, къ дѣятельности, но они никогда не могутъ ни произвесть, ни замѣнить разумныхъ воззрѣній; иначе всѣ звѣри съ тонкими чувствами необходимо возвысились бы до разумныхъ существъ. Однакожъ, съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ не было ни одного случая, чтобъ обезьяна или собака выработала свои чувства до пониманія идеи о Богѣ. Матеріалистическій сенсуализмъ, отрицающій внутреннее чувство, смѣшиваетъ фитиль съ порохомъ, поводъ съ причиной душевной дѣятельности.

Разница громадная между воззрѣніями внутренняго чувства, напр. математическими аксіомами, идеями, законами мышленія и пр.; и движеніемъ вещества слуховаго и зрительнаго нервовъ; такъ громадна, какъ разница между мыслью и буквами писанной рѣчи, между смысломъ словъ и движеніями органовъ, произносящихъ звуки. Безъ внутренняго чувства, даже звукъ слова былъ бы непонятенъ, а тѣмъ менѣе основная мысль рѣчи. Сущность пониманія и разумѣнія заключается въ соединеніи внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній съ постиженіемъ внутренняго чувства, въ духовной переработкѣ первыхъ по мѣрѣ цѣлоснаго фактора постигающаго лица. Понимать—значитъ дать цѣну, значеніе чувственнымъ возбужденіямъ, по степени внутренняго

разумнаго воззрѣнія. Чѣмъ неразвитѣе, неопытнѣе внутреннее чувство постигающаго субъэкта, тѣмъ скуднѣе, по содержанію и значенію, становятся чувственныя возбужденія, тѣмъ менѣе возможно постиженіе объэктивной дѣйствительности внѣшнихъ предметовъ. И напротивъ, чѣмъ яснѣе внутреннее чувство созерцаетъ непосредственныя дѣйствія абсолютнаго разума въ человѣческомъ духѣ (истинное, аксіомы разума), тѣмъ болѣе проведенное чувствами ощущеніе соотвѣтствуетъ объэктивной дѣйствительности предметовъ. Отъ чего, напр. одинъ и тотъ же стебелекъ травы производитъ безконечно различное впечатлѣніе на мозгъ коровы и научно-образованнаго ботаника? Въ обоихъ зрителяхъ возбужденіе зрительнаго нерва существенно одинаково; но ученый изслѣдователь смотритъ на вещь еще и духовнымъ окомъ, котораго у коровы вовсе нѣтъ. Внутреннему чувству изслѣдователя открыта причинность и существенность вещи, ему открытъ законъ природы и разумная причина его. Вотъ отъ куда происходитъ та громадная разница въ способѣ созерцанія. Сенсуалистъ, чрезъ свое ложное предположеніе, принужденъ объяснять, что эта разница только *количественная,* а вовсе не *качественная,* не существенная; отрицая такимъ образомъ существованіе духовнаго чувства, онъ ставитъ Геера, Гумбольта, Араго и пр. въ одну категорію съ коровой, т. е. съ существами, которыя ничего не знаютъ, кромѣ того, что «входитъ чрезъ ворота чувствъ».

Законы мышленія, объэкты разумнаго созерцанія, никакъ не могутъ входить чрезъ ворота тѣлесныхъ чувствъ; потому-что возбужденность чувственныхъ нервовъ доставляетъ созерцанію только частные признаки, но никогда не даетъ основныхъ понятій о бытіи, существенности, причинности, единствѣ, самости (Selbstheit), о нашемъ *я* и *не-я;* не даетъ основныхъ понятій о мышленіи, хотѣніи, сознаніи, ни даже о силѣ, веществѣ, пространствѣ, времени, движеніи, покоѣ,

законѣ, дѣйствіи, цѣломъ, части, связи, атомѣ, тѣлахъ и пр. и вообще не даетъ никакого понятія. Все это для тѣлесныхъ чувствъ не существуетъ; чувства доставляютъ всегда только отрывочные признаки, а не цѣльный образъ. Понятія, идеи, законы, постигаетъ одно только внутреннее чувство духа. Еслибъ мы внутреннія постиженія разума не привносили къ постиженіямъ чувственныхъ впечатлѣній, мы рѣшительно ничего не знали бы о внѣшнемъ мірѣ; мы никогда не могли бы сдѣлать заключенія, что, кромѣ нашихъ чувственныхъ возбужденій, предлежатъ еще постоянно-пребывающія причины, которыя вліяютъ на наши чувства. Все общее и необходимое, что̀ мы знаемъ о природѣ, постижимо только внутреннему чувству разума. Кто и когда видѣлъ или чувственно постигалъ силу, вещество, причину, законъ, существо, мысль, движущій принципъ, руководящую идею? И однакожъ, ко всѣмъ чувственнымъ предметамъ, если они дѣйствительно существуютъ, должно приложить существо, матерію, законъ явленія. Откуда мы это знаемъ? Намъ сказываетъ это наше внутреннее чувство разума. Оно только и даетъ намъ ручательство въ истинѣ чувственныхъ ощущеній. Собственно тѣлесныя чувства, нервныя волокна и мозговое вещество не постигаютъ даже своихъ возбужденныхъ состояній. Эти чудесныя орудія столько же мало сознаютъ свою возбужденность, какъ телеграфная проволока— мысль телеграфиста, которая по ней передается корреспонденту.

Безъ внутренняго духовнаго чувства, человѣкъ не сознавалъ бы даже назначенія своего тѣла, потому-что все, чувственно постигаемое о немъ, разбросано по всѣмъ чувственнымъ аппаратамъ. Образъ вашего тѣла, представляющійся глазу, звуковое впечатлѣніе вашихъ словъ на ухо, и всѣ прочіе признаки вашего существованія суть только нервныя возбужденія. Прежде чѣмъ человѣкъ пріобрѣтетъ ясное со-

знаніе о существованіи своего тѣла, духъ его долженъ всѣ разсѣянныя постиженія совокупить въ одинъ общій образъ, въ единосущность.

Вѣтви не могутъ существовать безъ стебля, изъ котораго онѣ произрастаютъ; ручей не можетъ быть достовѣрнѣе своего источника; никогда примѣненіе закона не можетъ быть справедливо, коль скоро самъ законъ несправедливъ. Какъ изображеніе въ зеркалѣ не можетъ произвесть глаза, на то изображеніе смотрящаго, такъ и образъ въ глазу не произведетъ внутренняго чувства, которое постигаетъ тотъ образъ, его обсуживаетъ и духовно разработываетъ. Тѣлесныя чувства находятся въ такомъ же отношеніи къ духовному чувству, какъ работники къ строителю. Если сей послѣдній не дѣятеленъ, или неспособенъ, то работники будутъ одинъ другому мѣшать и не возведутъ зданія. Отъ одного фактора вполнѣ зависитъ другой. Если внутреннее чувство — самообольщеніе, то таково же будетъ и познаніе чувствъ; и въ такомъ случаѣ нѣтъ ни принципа истины, ни критеріума истины, и человѣкъ ничего не знаетъ, кромѣ того, что все его знаніе—только объэктивная мечта (*). Вотъ каковъ выводъ односторонняго сенсуализма. Но этому заблужденію мышленія противорѣчатъ всѣ факты духовной жизни и всѣ въ новѣйшее время добытыя данныя физіологіи.

Чтобъ убѣдиться въ односторонности и несообразности матеріалистическаго принципа познаванія, достаточно будетъ разобрать въ подробности ходъ чувственнаго постиженія. Такъ, напр. физическій ходъ слуха слѣдующій: а) дрожащее тѣло приводитъ въ колебаніе окружающія его частички воздуха; б) колебанія эти распространяются до барабан-

(*) См. Helmholz, Ueber das Sehen des Menschen, 1855. — Schopenhauer, Ueber die vierfache Wurzel des Setzens vom zureichenden Grunde. 2 Aufl.

ной перепонки передъ барабанною полостью;—в) перепонка приводитъ въ движенiе слуховыя косточки (молоточекъ, наковальню, чечевичную косточку и стремя); 2) основанiе стремени передаетъ движенiе жидкости и перепонкамъ, находящимся въ извилинахъ лабиринта; д) нервная сѣть перепонокъ въ лабиринтѣ распространяетъ впечатлѣнiе до внутренняго слуховаго нерва;ж)этотъ проводитъ его далѣе до мозговаго центра; з) и здѣсь, наконецъ, движенiе мозговаго вещества, чрезъ внимательность души, превращается въ ощущенiе звука. Безъ дѣятельной воспрiимчивости души, никогда не можетъ состояться ощущенiе звуковъ. Когда вниманiе души обращено на что-нибудь другое, тогда простое возбужденiе слуховаго ὀргана не производитъ ощущенiя звука. Мельникъ, напр., не слышитъ трескотни мельницы, коль скоро не обратитъ на то преднамѣреннаго вниманiя; невнимательный, разсѣянный ученикъ не слышитъ словъ учителя. Обитатели большихъ городовъ не слышатъ шума на улицахъ, между тѣмъ какъ они очень хорошо различаютъ, среди шума, тотъ голосъ, который ихъ интересуетъ.

Зрѣнiе производится ударами волнообразныхъ колебанiй эѳира на нервную оболочку глаза (Retina). Свѣтовые лучи проходятъ въ глазу слѣдующiй путь: сначала они проникаютъ сквозь выпуклую роговую оболочку, которая гораздо плотнѣе атмосфернаго воздуха; потомъ, проходя чрезъ водянистую жидкость глаза и чрезъ зрачекъ, достигаютъ до болѣе плотнаго хрусталика, а отъ сюда, чрезъ менѣе плотное стекляннстое тѣло (corpus vitreum), доходятъ до нервной оболочки. На этомъ пути всѣ свѣтовые пучки, исходящiе отъ всѣхъ точекъ видимаго предмета, такъ преломляются, что на нервной оболочкѣ глаза образуется изображенiе въ обратномъ видѣ, какъ въ камерѣ - обскурѣ. Изображенiе это тогда только вполнѣ явственно, когда всѣ средины внутрен-

няго глаза находятся въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что свѣтовые лучи сосредоточиваются на нервной оболочкѣ, какъ въ фокусѣ своемъ. Лишь только свѣтовая волна ударитъ въ нервную оболочку глаза, какъ въ каждомъ тронутомъ ею волокнѣ зрительнаго нерва, котораго оконечности находятся въ этой оболочкѣ, происходитъ движеніе, эѳирнымъ колебаніемъ мгновенно передаваемое мозговому центру. Теперь спрашивается какъ и чрезъ какого фактора, вещественное движеніе проводящихъ нервныхъ волоконъ превращается въ сознательное ощущеніе свѣта и цвѣта? Матеріалистъ отвѣчаетъ: сознаніе возникаетъ само собой изъ вещественнаго движенія мозговыхъ атомовъ. Но это физически невозможно и для здраваго ума немыслимо. Еслибъ возбужденные мозговые атомы были въ одно и то же время ощущающее и ощущаемое, еслибъ мозгъ самъ по себѣ представлялъ наше *я*, то, вопервыхъ, мы не могли бы отличать отъ нашего *я* ни одного внѣшняго видимаго предмета, который вѣдь существуетъ внутри насъ только какъ мозговое движеніе; и во вторыхъ, зрѣніе, т. е. ощущеніе впечатлѣній зрительнаго нерва, было бы просто физическое дѣйствіе, т. е. необходимое, неотвратимое. Но ни того ни другаго не бываетъ. Каждый разумный человѣкъ отличаетъ внѣшній міръ отъ своего *я*, какъ *не-я*, и къ этому-то *не-я* принадлежитъ также телеграфный аппаратъ зрительнаго нерва вмѣстѣ съ самимъ мозговымъ веществомъ.

Далѣе, о всякомъ зрѣніи можно доказать опытомъ, что оно есть *сужденіе* познающаго себя субъэкта, обусловленное, какъ слухъ и осязаніе, внимательностію и самодѣйственностію души. Слѣдоват. здѣсь нѣтъ никакой физической необходимости или принужденія, но есть единственно отъ вниманія наблюдателя зависящее дѣйствіе воли. Чтобъ превратить состояніе мозга въ мысль, въ понятіе или въ духовное созерцаніе, для этого необходимо существо, которое мо-

гло бы совокупить во-едино мысли, понятія, сужденія, цѣли и намѣренія.

Глазъ доводитъ до сознанія не только впечатлѣнія цвѣтовъ, но и пространственныя отношенія внѣшнихъ предметовъ. Но пространственныя отношенія не могутъ быть познаваемы непосредственно чрезъ движеніе атомовъ зрительнаго нерва, а только чрезъ логическое умозаключеніе. Если, напр. оконечную точку нерва на сѣтчатой оболочкѣ поражаетъ свѣтовое впечатлѣніе,то въ исходящемъ отъ этой оконечности нервномъ волокнѣ возникаетъ возбужденіе, стремящееся къ мозгу. Однакожъ, этотъ токъ возбужденія остается изолированнымъ въ своемъ волокнѣ; онъ не сообщается прочимъ волокнамъ зрительнаго нервнаго пучка. Если оконечности двухъ разныхъ волоконъ, въ одно и то же время, поражаются двумя различными свѣтовыми впечатлѣніями, такъ-что въ двухъ разныхъ мѣстахъ нервной оболочки произойдутъ два точкообразныя изображенія,въ такомъ случаѣ токъ возбужденія стремится къ мозгу отъ каждой точки соотвѣтствующаго волокна, и каждый токъ самъ по себѣ производитъ свѣтовое ощущеніе, входящее отдѣльно и въ сознаніе. Слѣдовательно, душа получаетъ отъ двухъ, трехъ и болѣе впечатлѣній, возбуждаемыхъ различными нервными волокнами, столько же отдѣльныхъ ощущеній. Когда изображеніе человѣка падаетъ на сѣтчатую оболочку глаза, то возникаетъ столько же отдѣльныхъ ощущеній, сколько поражено нервныхъ оконечностей, въ смежности находящихся. Такъ-какъ каждая точка чувственнаго возбужденія отдѣльна и одна ничего не знаетъ о другой, то ясно, что только при помощи единства мыслящей души, всѣ единицы могутъ быть приведены въ соотношеніе и соединены въ сужденіе о величинѣ и видѣ человѣка. Безъ содѣйствія духа, ни двѣ точки, ни самая простая геометрическая фигура, не говоря уже объ органическомъ существѣ, не мо-

гутъ быть введены въ сознаніе и стать предметомъ размышленія. Самый острый глазъ, хотя онъ открытъ и принимаетъ свѣтовыя изображенія, ничего однако не видитъ, пока внимательность души не обратится на изображенный предметъ.

Центральный органъ нервной системы, отъ котораго проистекаютъ всѣ самостоятельныя возбужденія организма, и въ которомъ соединяются всѣ чувственныя впечатлѣнія, долженъ необходимо быть подчиненъ и управляемъ единымъ жизненнымъ принципомъ организма; иначе было бы невозможно ни цѣлостное сознаніе, ни чувственное воззрѣніе, ни понятіе о какомъ - либо внѣшнемъ предметѣ, ни гармоническая дѣятельность жизни. И этотъ жизненный принципъ не можетъ быть матерія, потому-что она—атомистическая множественность, тогда какъ сущность самосознанія разумнымъ образомъ нельзя иначе понимать, какъ нераздѣльнымъ жизненнымъ единствомъ. Посему, всѣ нервныя волокна суть только пассивные проводники возбужденій отъ *я* къ внѣшнему міру и отъ сюда къ *я*.

Что *всѣ* чувственныя ощущенія совершаются единственно и только чрезъ сужденіе и заключеніе души, при содѣйствіи обоихъ факторовъ—*внутренняго и внѣшняго чувства*,—и что всѣ наши представленія о внѣшнихъ предметахъ зависятъ отъ объэктивированія чувственныхъ впечатлѣній, которое, смотря по различнымъ чувственнымъ возбужденіямъ и возрастающей ясности внутренняго чувства, безпрерывно исправляется, дополняется, совершенствуется, — это доказываютъ также всѣ ощущенія чувства осязанія самымъ разительнымъ образомъ. Каждое ощущеніе осязанія содержитъ въ себѣ, для каждаго нервнаго волокна, которымъ оно проводится, особенный признакъ. Изъ признака ощущенія душа дѣлаетъ заключеніе о мѣстѣ и способѣ происхожденія, въ той мѣрѣ, какъ она первоначально постигла этотъ признакъ. Почти все равно, въ какомъ бы мѣстѣ протяженія

нерва не послѣдовало его раздраженіе; мы чувствуемъ послѣднее всегда на периферическомъ распространеніи нервовъ. Если мы ударимъ по локтевымъ нервамъ, то чувствуемъ боль въ пальцахъ. Если вырѣжимъ часть кожи со лба и дадимъ ей прирости къ носу, то подвергшійся этой операціи человѣкъ, при прикосновеніи къ носу, будетъ чувствовать прикосновеніе ка̀къ-бы ко лбу. Если у человѣка съ отнятой ногой раздражить перерѣзанный нервный стволъ, который находился въ соединеніи съ большимъ пальцемъ ноги, то онъ почувствуетъ боль, какъ-бы въ пальцѣ (*). Тѣмъ только и научаемся мы внѣшніе предметы, какъ причины ощущенія, отличать отъ нашихъ о̀рагановъ осязанія, что мы, по закону причинности, изъ дѣйствія выводимъ заключеніе о причинѣ, и что мы—чрезъ разнообразнѣйшія измѣненія чувственныхъ раздраженій и чрезъ взаимную комбинацію и взаимное восполненіе впечатлѣній слуха, зрѣнія, осязанія и вкуса—совершенствуемъ и исправляемъ наши понятія о внѣшнихъ предметахъ. Ка̀къ было бы возможно объэктивированіе чувственныхъ впечатлѣній безъ мыслительнаго закона причинности? И ка̀къ могли бы мы дойти до сознанія и необходимаго признанія этого закона, котораго чувствен-

---

(*) Если два острея циркульныхъ ножекъ, раскрытыхъ на 1", поставимъ на щеку человѣка съ завязанными глазами; потомъ на губу, на оконечность языка, на кожу пальца, на спину и т. д. то разстояніе это покажется ему, на губѣ и оконечности пальца, гораздо бо̀льшимъ чѣмъ на щекѣ; на спинѣ онъ будетъ ощущать ка̀къ-бы одно только острее. Отъ чего? Отъ того, что осязательные кружки нервовъ на пальцахъ гораздо меньше и многочисленнѣе, чѣмъ на щекѣ и спинѣ; отъ того, что при прикосновеніи къ пальцу и къ языку, между остреями циркуля находится больше нетронутыхъ оконечностей нервовъ, чѣмъ на щекѣ и спинѣ. Для чего Творецъ расположилъ осязательныя нервы такимъ образомъ, что чувство осязанія на концѣ языка и на нижнихъ концахъ пальцевъ наиболѣе точно, это нетрудно понять. Расположеніе такое не можетъ быть случайное.

но нельзя постигнуть, еслибъ не было въ насъ внутренняго чувства духа?—Неизбѣжная особенность всякой механической дѣятельности состоитъ въ томъ, что она выполняется съ безсознательною необходимостію и, при равныхъ условіяхъ, производитъ равныя дѣйствія. Но какую механическую необходимость можно привесть въ объясненіе того, что человѣкъ чувствуетъ въ отнятой ногѣ боль, которая, очевидно, механически въ ней болѣе дѣйствовать не можетъ? Здѣсь сужденіе души, безъ всякаго сомнѣнія, есть причина представленія.

Нервное вещество—матерія, наполняющая пространство, дѣлимая, притекающая и утекающая, безусловно подчиненная физическимъ и химическимъ законамъ. Всѣ эти признаки составляютъ прямую противоположность объэктовъ созерцанія внутренняго чувства. Механическая мысль, тяжелый, сгарающій, подверженный гніенію законъ природы или мышленія,—это была бы чистая нелѣпость.

Ни одинъ изъ нашихъ чувственныхъ органовъ не даетъ намъ свѣдѣнія о тончайшихъ элементахъ тѣлеснаго міра; самый сильный микроскопъ не въ состояніи представить нашему взору положеніе, форму и движеніе частичекъ (molecules), между тѣмъ, посредствомъ соображеній нашего внутренняго чувства, т. е. чрезъ примѣненіе математическихъ тезисовъ, мы можемъ слѣдить за частичнымъ движеніемъ до крайнихъ его предѣловъ. Замѣчательно при этомъ изслѣдованіи то, что оно предсказываетъ и обнаруживаетъ результаты, которые подтверждаются вполнѣ дознаніями физическими и математическими. И такъ, не однимъ тѣлеснымъ чувствамъ, но преимущественно внутреннему чувству, обязаны физика, астрономія, химія, вообще всѣ точныя науки, своею сущностью и своими исполинскими успѣхами. «Духъ все живитъ; духъ проникаетъ въ существо вещей».—Либихъ говоритъ (Chemische Briefe, 31):« простое пониманіе при-

роды съ неотразимой силой внушаетъ разумно-мыслящему человѣку то убѣжденіе, что духъ человѣка не есть предѣлъ, за которымъ нѣтъ ничего болѣе совершеннаго. Нашему чувственному постиженію доступны только его низшія ступени. Но уже и онѣ объосновываютъ, по законамъ разума, бытіе верховнаго существа, для созерцанія котораго однѣ чувства недостаточны, и которое, въ его величіи и возвышенности, мы можемъ постигнуть только нашимъ духомъ».

Односторонній сенсуализмъ, со времени появленія своего и до нашихъ дней, служилъ источникомъ суевѣрія и безсмыслія. Весьма понятно, что безсознательная матерія *кажется* одностороннему сенсуалисту единственной причиной всякаго бытія, единственнымъ факторомъ искусства и науки, идоломъ съ божественными свойствами; но если *одностороннему* наблюдателю какая-нибудь вещь кажется такою или иною, то это еще не доказательство, что она дѣйствительно такъ, а не иначе, и быть должна.—Все, что̀ матеріалистъ чувственно постигаетъ о матеріи, неболѣе какъ форма явленія вещи, форма, которая нигдѣ не существуетъ, кромѣ какъ въ познающемъ субъэктѣ, и которая только въ той мѣрѣ справедлива, въ какой она сообразна съ разумомъ. Понятія «о веществѣ и силѣ», въ которыхъ матеріалистъ сосредоточиваетъ все свое знаніе, всю свою премудрость, выражаютъ только отношенія неизвѣстнаго X, т. е. сущности явленій,—къ нашему закону мышленія о пространственности и причинности. «Вещество и сила» не вещи сами по себѣ, а только чистыя мысленныя отношенія (Relationen), названія, ничего не высказывающія кромѣ объэктивно-мыслимыхъ причинъ извѣстныхъ чувственныхъ возбужденій; это—представленія, необходимо слѣдующія изъ нѣкоторыхъ опредѣленностей обоихъ факторовъ: *я* и *не—я* (внѣшняго міра). Если, подобно матеріалисту, будемъ отрицать истину фактора внутренняго чувства, т. е. разумное воззрѣніе

нашего *я*, въ такомъ случаѣ и дѣйствительность внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній будетъ равна нулю, потому-что разумъ долженъ чувственныя впечатлѣнія разсматривать, исправлять, соединять въ понятіе и ручаться за истину ихъ.

«Свойства матеріи», изъ которыхъ матеріалистъ усиливается вывесть всякое движеніе вещества и всѣ факты духовной жизни, означаютъ не иное что какъ только необходимую мысль о дѣйствующихъ причинахъ. А то̀, что̀ составляетъ сущность этихъ причинъ, не входитъ ни чрезъ какія ворота чувствъ. Здѣсь намъ представляется одно изъ двухъ—или Богъ открываетъ намъ кое-что о сущности этихъ причинъ чрезъ внутреннее чувство разума—и тогда мы будемъ имѣть знаніе, тогда будетъ возможна наука; или, въ насъ не существуетъ внутренняго чувства для уразумѣнія дѣлъ Божіихъ—въ такомъ случаѣ всякое человѣческое знаніе и мышленіе—пустая мечта. Послѣднее, т. е. отсутствіе внутренняго чувства, матеріалистъ подразумѣваетъ въ своей основной догмѣ: «человѣкъ—итогъ своихъ чувствъ», и тѣмъ осуждаетъ на смерть и собственное свое мечтаніе. Первое *узнаетъ изъ опыта* разумно-мыслящій человѣкъ, какъ вѣрнѣйшій фактъ своего бытія и своей жизни, и вслѣдствіе того имѣетъ твердую почву для знанія, высокую цѣль науки и соотвѣтственную достоинству человѣка цѣль жизни.

4.

Поруганіе законовъ здраваго мышленія посредствомъ матеаріалистическихъ ипотезъ.

Третій признакъ суевѣрія составляетъ внутреннее противорѣчіе собственнымъ своимъ причудливымъ мнѣніямъ. Нигдѣ нельзя найти болѣе грубаго внутренняго противорѣчія и болѣе

явной насмѣшки надъ общепринятыми законами разумнаго мышленія, какъ въ утвержденіяхъ матеріализма. Лучшимъ доказательствомъ того какъ рѣзкія крайности соприкасаются и, по необходимости, перепутываются, служатъ новѣйшія явленія матеріализма. Матеріалистъ выдаетъ себя за рѣшительнаго врага всякаго суевѣрія, всякой неясности мышленія, и вотъ—онъ подчуетъ насъ самымъ страннымъ суевѣріемъ, только подъ новѣйшими названіями; и столько превозносимая «ясность» матеріалистическаго мышленія, при серьозномъ разсмотрѣніи дѣла, оказывается величайшимъ обскурантизмомъ и перепутанностію понятій.

Суевѣрный человѣтъ крѣпко вѣруетъ въ привидѣнія, т. е. въ объэктированныя бредни мозга, нигдѣ не существующія, кромѣ какъ въ его мозгу. Кто желаетъ убѣдиться, что точно такъ и матеріалистъ крѣпко вѣруетъ въ объэктивированныя бредни мозга, тотъ пусть читаетъ Фохта, Бюхнера и проч. По мнѣнію этихъ господъ, новѣйшія привидѣнія, «слѣпой случай и естественная необходимость», играютъ не второстепенную роль въ великой драмѣ вселенной, какъ дȳхи въ сказкахъ старыхъ бабъ, нѣтъ, они возсѣдаютъ на престолѣ міра; они, хотя невѣжественные, слѣпые глупцы, всесильны, дѣятельны, и производятъ, между множествомъ нелѣпостей, иногда и кое-что умное, какъ напр. человѣческій глазъ,—изобрѣтаютъ микроскопъ, локомотивъ, телеграфъ и т. п. Гдѣ разумные люди находятъ предначертаніе, намѣреніе, цѣль, тамъ все это дѣлаетъ, по мнѣнію Фохта, «случай и естественная необходимость», а по мнѣнію Молешота, «взаимное сообщеніе атомовъ», которое притомъ само собою производится. Теперь, прошу сказать, что такое «случай»? Конечно, неболѣе какъ мозговой бредъ—привидѣніе, имѣющее реальность только въ мозгу матеріалиста.

Суевѣрный человѣкъ объясняетъ себѣ явленія природы колдунами и вѣдьмами. Матеріалистическій мыслитель от-

крещивается и отмаливается отъ такихъ именъ; однако, не смотря на то, онъ крѣпко вѣруетъ въ совершенно подобныя мозговыя привидѣнія, которыя будто бы производятъ и объясняютъ всѣ явленія природы. Онъ именуетъ ихъ не устарѣвшими названіями вѣдьмъ и колдуновъ, а учеными словами «сила и вещество». Но покажите намъ существенную разницу между тѣми и другими. Тутъ дѣло не въ названіи. Тѣ и другія неболѣе какъ объэктивированныя представленія о причинахъ естественныхъ явленій, и все, что, по мнѣнію суевѣрныхъ, творятъ вѣдьмы и колдуны, то могутъ сдѣлать, по выраженію матеріалистовъ, «сила и вещество;» потому—что «творческое всемогущество заключется въ сродствѣ вещества.» (Молешотъ, Kreislauf des Lebens, 275). Вѣдьмы были въ союзѣ съ нечистымъ и, при его пособіи, околдовывали людей и скотъ, повергали своихъ враговъ въ бѣдность и несчастіе, и напротивъ, дѣлали своихъ друзей богатыми, но безсовѣстными. По матеріалистической догмѣ, «сила и вещество» находятся въ союзѣ «съ страшилищнымъ случаемъ,» творятъ, съ его помощію, чудеса въ природѣ, насылаютъ болѣзни на людей и скотъ. Случай дѣлаетъ своихъ враговъ бѣдными и несчастными, а друзей богатыми, но безсовѣстными, потому-что вѣрованіе въ случай устраняетъ отъ всякой нравственности, отъ любви къ Богу.

Сходство между вѣрованіемъ въ вѣдьмъ и колдуновъ, и въ матерію, такъ поразительно, такъ вѣрно до малѣйшихъ подробностей, что оба похожи другъ на друга, какъ одно яйцо на другое. Только имя, только форма выраженія у нихъ различны. Колдунамъ и вѣдьмамъ прислуживаютъ нимфы и русалки, а «силѣ и веществу» служатъ «динамиды и атомы». Тѣ принимаютъ на себя разныя личины, летаютъ сквозь трубы, носятся по воздуху въ видѣ огненныхъ драконовъ и пр. Подобное тому, дѣлаютъ, по матеріалистической догмѣ, также «сила и вещество». Хотя атомы и дина-

міды не имѣютъ ни лукавыхъ намѣреній, ни роговъ, ни козьихъ ногъ, и пр. однакожъ, они заключаютъ въ себѣ «силу (Potenz)» мышленія и хотѣнія, они — производители всѣхъ возможныхъ образовъ. Они пляшутъ не на Блоксбергѣ, а во «всѣхъ сферахъ міра», какъ Бюхнеръ говоритъ: «въ колесѣ локомотива и въ метеорахъ и кометахъ, то появляясь, то исчезая въ вѣчномъ круговомъ движеніи.» Они дѣйствительно находятся въ союзѣ со злымъ; по Бюхнеру, они содержатъ въ себѣ преимущественно принципъ зла, потому что изъ «вещества и силы и движенія атомовъ» случайно возникающіе люди, по его словамъ, болѣе склонны ко злу, къ фетишизму и каннибальству, чѣмъ къ вѣрованію въ Бога! Короче сказать, атомы «единственные боги вселенной». Они творятъ еще большія и удивительнѣйшія чудеса, чѣмъ прежнія русалки и вѣдьмы: они создаютъ, какъ боги, духъ, поэзію, искусство и науку, а сами не иное что, какъ привидѣнія мозговаго вещества, потому-что «безъ фосфора нѣтъ мысли!» Старинныя вѣдьмы боялись, по крайней мѣрѣ, могущества Всесильнаго и Всесвятаго; новая же вѣра въ матерію далеко просвѣщеннѣе; матерія въ одно и то же время творецъ и тварь, духъ и природа, богъ и навозная куча, словомъ—все и вся! По истинѣ, чтобы переварить такую теорію, надобно имѣть хорошій желудокъ. Вѣрно только то, что если матеріалистъ желаетъ довесть до конца выводы своего вѣрованія, ему необходимо здоровый человѣческій разумъ выбросить за бортъ. Передъ его догмами, какъ и передъ древнимъ суевѣріемъ, разумъ становится втупикъ.

Дюбуа-Реймонъ сознается откровенно, что «человѣку не дано, въ этихъ вещахъ, переходить за черту *послѣдняго противорѣчія*».—Намъ пришлось бы составить длиннѣйшій списокъ всѣхъ возможныхъ прегрѣшеній противъ здравой логики, еслибъ мы хотѣли хотя отчасти привесть изъ напечатанныхъ матеріалистическихъ сочиненій, основныя поня-

тія, сужденія и выводы. Въ матеріалистическихъ научныхъ положеніяхъ мы не находимъ ни единства, ни гармоніи, ни объоснованія, ни правильной послѣдовательности, ни ясности, ни какой-либо геніяльности, а напротивъ, повсюду сбивчивость понятій, безъисходныя заключенія, внутреннія противорѣчія, недостаточныя, грубо-чувственныя индукціи и радикальную непослѣдовательность. Мы приводимъ здѣсь, для рѣдкости, нѣкоторые примѣры всякаго рода грѣшковъ мышленія, въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ сочиненіяхъ матеріалистовъ.

Всѣ опредѣленія понятій у матеріалистовъ—пустозвонныя слова, ничего не высказываютъ, а только путаютъ. Такъ, напр. Молешотъ говоритъ: «сущность вещей—это итогъ ихъ свойствъ. Духъ—*содержимое* (Inbegriff) постоянно возникающей мыслительной жизни, отправленіе (функція) мозга, находящагося во взаимнодѣйствіи со всѣми другими частями тѣла.—Стклянка съ углекислымъ амміакомъ, хлористымъ каліемъ и фосфорнокислымъ натромъ, известью и горькоземомъ, желѣзомъ, сѣрной кислотой и кремноземомъ—это, нагляднымъ образомъ, *завершенный жизненный духъ* для растеній и животныхъ!» (Kreislauf etc. 276). Другой провозглашаетъ: «тѣло—это итогъ своихъ атомовъ; человѣкъ—итогъ своихъ чувствъ.» Но этимъ ничего болѣе не сказано, какъ что сущность вещей есть совокупность того, что онѣ суть, или чѣмъ онѣ человѣку кажутся, idem per idem,—нѣчто похожее на то, еслибъ мальчикъ сказалъ: домъ есть итогъ того, что его составляетъ. *Итогъ*,—понятіе человѣческое, пустая абстрактная форма мышленія; *сущность* же—нѣчто дѣйствующее, агентъ. Высшее понятіе о сущности не «содержимое», не «итогъ», а причина бытія, производящая явленіе. Объ этой-то причинѣ Молешотово опредѣленіе: «духъ есть содержимо мозговаго отправленія»,—не высказываетъ ровно ничего. Вмѣсто того, чтобы сказать: нѣтъ

здороваго мозга, безъ содержанія въ немъ извѣстнаго количества фосфора, матеріалистъ пускаетъ въ ходъ трескучія слова: «нѣтъ мысли безъ фосфора! Вся духовная жизнь *есть* (слѣдовало бы сказать: *дѣйствуетъ чрезъ*) движеніе вещества»!

Почти всѣ утвержденія матеріализма относительно явленія жизни односторонни и только вполовину справедливы. Молешотъ утверждаетъ, напр. (Kreislauf etc. 54): «направленіе произрастанія объусловлено веществомъ, которое доставляетъ *внѣшній міръ*». Полуистина этого утвержденія свидѣтельствуется тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что въ одномъ и томъ же саду, на одной и той же точкѣ, въ томъ же воздухѣ, при совершенно равныхъ внѣшнихъ условіяхъ, растутъ различныя деревья, кустарныя и огородныя растенія и пр. Въ каждомъ родѣ растенія и животнаго находится еще внутренній факторъ, который, въ соединеніи съ внѣшнимъ, опредѣляетъ «направленіе» произрастанія. Матеріалистъ явно перепутываетъ понятія, опредѣляя силы какъ «свойства вещества». Свойства и силы столько же различны, какъ дѣйствіе и причина. Цвѣтъ, плотность, кристаллическая форма, видъ,—суть свойства; но то, что̀ объусловливаетъ или производитъ свойства, не можетъ быть свойствомъ же. Чувственно постигаемыя свойства матеріи суть послѣдствія, дѣйствія, проявленія силъ, но сами онѣ не сила. Матеріалистъ спутываетъ понятія, ставя вещество какъ нѣчто высшее, существенное, какъ единственно дѣйствующее и опредѣляющее; а силу, напротивъ, какъ простую принадлежность или свойство вещества. Это фактически невозможно. Вещество не можетъ быть причиной силы, ни сила причиной вещества, потому-что онѣ взаимно объусловливаются. И такъ, на основаніи закона разумнаго мышленія, ничего не остается, какъ признать высшій, абсолютный, творящій принципъ, котораго

формы явленія суть всѣ силы и всѣ вещества. Матеріалистъ смѣшиваетъ почти вездѣ чувственно-постижимыя формы явленія вещей съ ихъ сущностью, дѣйствіе съ причиной. Такъ, напр. Молешотъ (Kreislauf etc. 107) говоритъ: «выдѣленіе кислорода *первая причина* жизни, произрастанія растеній», между тѣмъ, какъ совершенно наоборотъ, жизненный процесъ есть причина, а выдѣленіе кислорода его слѣдствіе, дѣйствіе, подобно тому, какъ дымъ не причина, а дѣйствіе или послѣдствіе процеса горѣнія (*). Само собой разумѣется, что такія пустыя и неясныя матеріалистическія понятія приводятъ къ столько же пустымъ и самимъ себѣ противорѣчащимъ заключеніямъ. И потому очень понятно, отъ чего почти всѣ матеріалисты, часто со злобнымъ ожесточеніемъ, протестуютъ противъ логики, утверждая, что всякое мышленіе оканчивается противорѣчіемъ съ самимъ собой (см. Бюхнера «Kraft und Stoff», 3-е изд. 157). Молешотъ, хвалящійся «здравомысліемъ» называетъ логику «формальностью школьной премудрости».

Вѣрующій въ матерію позволяетъ себѣ всѣ понятія произвольно опредѣлять и перемѣшивать, лишь бы онѣ пришлись подстать къ его предположеніямъ. Онъ утверждаетъ, напр. что въ природѣ разумъ дѣйствуетъ безсознательно и безъ всякаго преднамѣренія (Бюхнера «Natur und Geist», 283), не подумавъ о томъ, что именно сознаніе принадлежитъ къ сущности разума; ибо разумъ есть духъ, постигающій и ставящій преднамѣренно (planmässig) абсолютно-истинное и цѣлесообразное. Въ новѣйшемъ изданіи своего со-

(*) Углекислота и вода, изъ чего растеніе выработываетъ свою клѣтчатку, свой крахмалъ, сахаръ и пр. заключаютъ въ себѣ гораздо больше кислорода, чѣмъ послѣдніе продукты, и потому ясно, что живое растеніе должно, вслѣдствіе своего произрастанія, выдѣлять кислородъ.

чиненія «Kraft und Stoff (стр. XXXV) Бюхнеръ не хочетъ ужѐ, какъ прежде, безусловно отрицать существованіе идеи; онъ допускаетъ даже, что идея, «по существу своему, невещественна;» однакожъ, не смотря на то, «невещественная идея» возникаетъ у него изъ матеріи. По его мнѣнію, пространственное производитъ безпространственное, вѣсомое—невѣсомое, механизмъ и химизмъ—духъ, множество автоматическихъ атомовъ—единосущность сознанія! Механическое движеніе и духовная жизнь, для него то тождественны, то противоположны и различны, какъ ему сподручнѣе. Онъ допускаетъ, что «сущность животнаго (!) и человѣческаго духа, и законы, по которымъ онъ дѣйствуетъ», фактъ, какъ и всякое другое бытіе (стр. XXXVI), слѣдоват. онъ придаетъ духу сущность, законы, дѣятельность и свойства; однако, при всемъ томъ онъ утверждаетъ, на той же страницѣ, что духъ—«продуктъ вещественныхъ осложненій»—единство сознанія, возникшее изъ множества атомовъ!

Онъ признается, «что для него послѣдняя загадка міра и жизни неразрѣшима» (Kraft und Stoff, 3-е изд. XXXIII и XXXVI); однако, по его же словамъ, вѣрованіе въ единственную, первоначальную, творческую силу вещества составляетъ «результатъ науки». Онъ говоритъ: «органическіе родовые типы произошли частію случайно, частію по необходимости, изъ постепенной, медленной, безсознательной работы природы.» Фохтъ утверждаетъ прямо: «смѣшеніе мозговыхъ атомовъ производитъ мышленіе, подобно тому, какъ почки выдѣляютъ мочу». — И такъ, онъ принимаетъ извѣстное состояніе мозга за духъ; смѣшиваетъ дѣйствіе съ причиной, неразуміе съ разумомъ, движеніе атомовъ съ дѣятельностію духа, величины пространства съ мыслями, форму явленія съ сущностію. Однако, не можетъ же какой-нибудь дѣйствительный предметъ въ одно и то же

время быть такимъ и не быть такимъ (*а*=*а* и=не *а*); это чистая невозможность для разумнаго мышленія. Но такое противорѣчіе матеріалисту нипочемъ. По его мнѣнію, для вещества все возможно: оно, въ одно и то же время, пространственно и безпространственно, конечно и безконечно, временное и вѣчное, дѣйствіе и причина, условное и безусловное, мертвое и живое, безсознательное и притомъ «потенціально сознательное», механизмъ и въ то же время невещественный духъ! Запутанность понятій у матеріалиста простирается до того, что онъ ко всѣму духовному пригоняетъ одну и ту же мѣрку «силы и вещества». Но что такое вещество? Отвѣтъ: «вещество—разумъ, и разумъ—вещество», но такъ-что вещество только посредствомъ фосфора въ человѣческомъ черепѣ превращается въ сознаніе!—Вотъ то великое пріобрѣтеніе матеріалистическаго мышленія. Разумность (Intelligenz), безъ которой вещество не представляло бы интереса и не имѣло бы никакой цѣны, есть случайный продуктъ «вѣчныхъ свойствъ» вещества! Замѣчательнѣе всего при этомъ «важномъ пріобрѣтеніи» то, что не только временная форма явленія вещества, но даже «вѣчность» его свойствъ должна входить чрезъ ворота временныхъ и ограниченныхъ чувствъ. «Человѣкъ ничего не знаетъ, кромѣ того, что̀ входитъ чрезъ ворота его чувствъ»; его чувства *конечны*; однако, матеріалистъ знаетъ достовѣрно, что вещество *вѣчно*, что оно никогда не создано и никогда не уничтожится, что оно безконечно, что оно дѣйствуетъ во всемъ и вездѣ, даже за предѣлами зрѣнія человѣческаго глаза, какъ въ безконечныхъ пространствахъ вселенной, такъ и въ пространствѣ между окружностью микроскопической точки и математической точкой ея центра. Онъ знаетъ даже, что вещество заключаетъ въ себѣ всѣ божественныя свойства, такъ-что, по Молешоту, въ немъ является «высшее достоинство» и оно заслуживаетъ «высочайшаго

удивленія».—Все это матеріалисту говорятъ его чувства, чрезъ взаимное сношеніе атомовъ мозговаго вещества съ внѣшнимъ міромъ.—Что вѣчность, безконечность, абсолютность вещества входятъ чрезъ ворота конечныхъ чувствъ, это для вѣрующаго въ матерію само собою разумѣется и не требуетъ ни разсужденій, ни доказательствъ!

«Безсознательное вещество» изъ хаоса и абсолютнаго невѣдѣнія о самомъ себѣ возносится до высочайшей вершины духовнаго образованія въ человѣкѣ и начинаетъ само себѣ удивляться, себя боготворить; а вслѣдъ за тѣмъ погружается снова въ вѣчное невѣдѣніе свое: этому вѣруетъ матеріалистъ безъ малѣйшаго затрудненія, и того, кто сомнѣвается въ этомъ, Бюхнеръ честитъ названіемъ «глупца»!

Механизмъ движущійся, самъ себя производящій изъ миріадъ полноправныхъ и равно - слѣпыхъ атомовъ, другъ другу чуждыхъ; механизмъ, который, въ теченіе миріадъ тысячелѣтій, производитъ изъ себя—отчасти случайно, отчасти по необходимости—мышленіе, даже призракъ самосознанія и воли, всѣ искусства, всѣ науки, всѣ изобрѣтенія человѣческаго духа: вотъ какого рода мышленіе матеріалистъ называетъ яснымъ, научнымъ. Предоставляемъ судить объ этомъ нашимъ читателямъ. Очевидно только то, что если матеріалистъ изъ своей основной аксіомы—что безсознательная матерія есть нѣчто первоначальное—захочетъ, со строгою послѣдовательностію, выводить заключенія, онъ по необходимости дойдетъ до абсурда. Всякій разумный наблюдатель природы и человѣческой жизни сознаетъ, что духъ господствуетъ надъ матеріею, что умъ изобрѣтаетъ, устраиваетъ машину, что въ здоровомъ человѣкѣ разумъ соопредѣляетъ мозговую дѣятельность, и вообще дѣйствованіе человѣка. Матеріалистъ, напротивъ того, если онъ захочетъ логически провесть свою основную аксіому, долженъ отвѣчать: нѣтъ, это не такъ, а на оборотъ; матерія—первоначаль-

ное, слѣдовательно не разумъ опредѣляетъ мозговое вещество, но дѣйствуетъ и опредѣляетъ разумъ—мозгъ, «вещество опредѣляетъ человѣка» (Kreislauf etc. 333), машина производитъ изобрѣтателя и строитъ сама себя, матерія господствуетъ надъ духомъ! При такихъ выводахъ думается, что свѣтъ перевернулся кверху дномъ, гдѣ телеграфъ создаетъ телеграфиста и даетъ ему способность мыслить, гдѣ домъ производитъ строителя, гдѣ заяцъ стрѣляетъ въ охотника и конь правитъ кучеромъ. И такіе необходимые выводы изъ матеріалистической ипотезы, поклонникъ ея не дозволяетъ называть нелѣпыми, абсурдными, чѣмъ и обнаруживаетъ радикально свою непослѣдовательность. Этимъ доказывается, что онъ движется въ ложномъ, безвыходномъ кругѣ. Впрочемъ, онъ и не можетъ иначе; чтобъ не дойти, на основаніи своихъ предположеній, до крайняго безсмыслія, онъ долженъ предпосылать или подставлять небольшую долю разума; но въ этомъ случаѣ онъ натыкается на другую скалу, на противорѣчіе съ самимъ собой. Онъ опять уничтожаетъ свою передовую посылку и вмѣстѣ съ тѣмъ всю ткань мозговаго вещества. Онъ прибѣгаетъ къ оговоркамъ, употребляетъ разныя уловки, изобрѣтаетъ новыя искусственныя выраженія, какъ напр. «безсознательно» дѣйствующій разумъ; «руководящая идея», которую принялъ въ послѣднее время Бюхнеръ, и которая хотя дала «первый толчокъ» цѣлесообразному движенію, однако, сама есть продуктъ вещества; идея, не имѣющая о самой себѣ никакой идеи; идея — которая не есть сущность, а только случайное пособіе (Nothbehelf) тому, чтобъ въ матеріалистическомъ міросозерцаніи поклоненіе навозной кучѣ не высказывалось слишкомъ ярко. Даже г. Фохтъ, чтобъ не совсѣмъ засѣсть въ извращенномъ мірѣ, долженъ былъ, не смотря на свою грубую чувственность, обратиться къ «творческой мысли». Молешотъ говоритъ о «духѣ, о жизни», въ своемъ сочиненіи:

«Kreislauf des Lebens», и все-таки отрицаетъ жизненный корень духа, т. е. его единосущность. Для него духъ — итогъ, содержимое! Но духъ безъ единосущности чистая нелѣпость. Съ одной стороны отрицаютъ живаго Бога, вѣчную единосущность духовной жизни, а съ другой—поневолѣ допускаютъ фактическія проявленія духа и должны прибѣгнуть къ субстрату «безсознательнаго разума». Въ такой натуральной философіи мы находимъ только пустозвонныя фразы, которыя, при всѣхъ своихъ крикливыхъ нападеніяхъ на здравый разумъ, лопаются какъ мыльные пузыри. Жизнь и сущность духа останется навсегда первымъ, достовѣрнымъ, какъ то было отъ вѣка; духъ будетъ всегда господствовать надъ веществомъ и устраивать машину по своей идеѣ; царство Божіе побѣдитъ, какъ всегда, и просвѣтлитъ самое наше вещество.

Знать законъ природы, значитъ видѣть разумную связь, проникающую все бытіе и имъ управляющую. Всѣ проявленія дѣйствующаго вещества опредѣлены и установлены разумнымъ принципомъ. Этотъ творящій принципъ, по всѣмъ фактическимъ опытамъ въ сферѣ изслѣдованія природы, есть не множественность, но единосущность. Тысячи свидѣтельствъ передъ нами подтверждаютъ это: все мірозданіе, исторія развитія какъ нашей планеты, такъ и мельчайшаго червяка. Премудро сочлененный и устроенный ходъ естественнаго развитія жизненнаго организма, отъ низшаго до высшаго, движеніе міровыхъ тѣлъ и атомовъ, каждый органическій и неорганическій образовательный процесъ, милліоны котораго могутъ быть нами наблюдаемы,—все это отражаетъ одну и ту же цѣлостную идею жизни, ту же изумительную творящую волю. И вопреки всѣмъ этимъ фактамъ, матеріалистъ утверждаетъ, что частные вещественные атомы производятъ духъ и т. д. Все дѣло въ томъ, что разумѣть подъ атомами, создающими человѣка. Еслибъ атомы

были боги, творящіе принципы, которые въ отношеніи гармоніи вселенной имѣли бы единую волю и носили бы въ себѣ самосознаніе, то—не касаясь всѣхъ другихъ нелѣпостей—матеріалистическая ипотеза была бы еще мыслима. Но если миріадамъ «самостоятельныхъ» атомовъ придать абсолютное единство воли и единство самосознанія,—которыя были бы имъ необходимы для того, чтобъ установить законъ природы, единство въ твореніи, и создать самосознательныя одаренныя волею существа,—то тѣмъ самымъ уничтожится ихъ разнообразіе, ихъ множественность, ихъ специальная существенность. Въ множественности атомовъ можетъ, конечно, проявляться единство творящаго принципа, какъ напр. солнце въ безчисленныхъ капляхъ росы отражаетъ свои лучи; но во множественности атомовъ не можетъ заключаться существо творящей причины, точно такъ, какъ существо солнца не можетъ содержаться въ освѣщаемыхъ имъ капляхъ. Всѣ попытки объяснить живой духъ механизмомъ атомовъ, должны рушиться по причинѣ своей внутренней разладицы. То не можетъ быть въ дѣйствіи, что, по существу своему, не находится уже въ причинѣ. Творящій принципъ не можетъ ни дать, ни произвесть того, чего нѣтъ у него самого; иначе изъ ничего вышло бы нѣчто. И такъ, если фактъ неоспоримъ, что въ жизнь являются люди разумные, то и самъ творецъ ихъ долженъ имѣть жизнь, т. е. самосознаніе и волю. Передъ нами два случая: или неразуміе должно создать разумную жизнь человѣческую, что было бы совершенно нелѣпо, или, принципъ творенія и бытія долженъ быть абсолютно-разумное существо.

Какъ достовѣрно то, что вещественные атомы, сами по себѣ, только безсознательно, слѣпо и непреднамѣренно двигаются, такъ достовѣрно и то, что они въ постепенно-развивающемся процессѣ жизни составляютъ не опредѣляющій, творящій и устраивающій принципъ, а только пассивное

условіе формы явленія абсолютнаго разума. Это открывается разуму въ сферѣ правильнаго мышленія и подтверждается самою природой. По всѣмъ новѣйшимъ дознаніямъ, основаннымъ на точныхъ изслѣдованіяхъ, неорганическія вещества развиваются въ жизненные организмы только тамъ и только тогда, когда на нихъ распространится вліяніе уже существующаго организма.

Такой порядокъ явленія во всемъ намъ извѣстномъ твореніи указываетъ, что точно такъ и человѣческій мозгъ самъ собой никогда не можетъ сдѣлаться органическимъ средствомъ систематическаго мышленія, пока на него не подѣйствуетъ вліяніе духовнаго жизненнаго организма, который свою единосущность проявляетъ въ множественности убывающихъ и прибывающихъ мозговыхъ атомовъ. Что сущность духа не болѣе будто бы, какъ наполняющая пространство матерія, тому противорѣчитъ существенная своеобразность всякой духовной дѣятельности. Мысль, дѣйствіе воли, чувство зависимости, самосознаніе нашего *я*, нельзя ни вымѣрять аршиномъ, ни взвѣсить на тончайшихъ вѣсахъ; нельзя ни раздѣлить, ни заключить въ пространство; духовная дѣятельность не какое нибудь тѣлесное или физическое свойство. Она чистая противоположность механическому движенію. Механизмъ—это духовная смерть.

Молешотъ утверждаетъ далѣе: «признакъ мысли есть производительная способность человѣческаго мозга» (Kreislauf etc. 33). Это все одно и то же бѣганіе по кругу, изъ котораго сенсуалистъ выйти не можетъ. Такъ-какъ онъ съ самаго начала произвольно принялъ, что сущность духа есть движеніе мозга, то и выводитъ отъ сюда «производительную способность мозга», и такъ-какъ мозгъ одаренъ способностью производить мысли, то и нѣтъ единосущности духа. И это называется доказывать, правильно размышлять! . . . . Ясно, что изрѣченіе оракула: «способность мозга производить мыс-

ли», не есть аксіома, какъ напр. слѣдующая: для каждаго дѣйствія есть соотвѣтственная причина. Движеніе мозговаго вещества и самосознаніе нашего *я* столько же однородны, какъ еслибъ я сказалъ: мясная или деревянная мысль, синяя или фосфористая добродѣтель.

Въ минуты яснаго мышленія и самъ матеріалистъ сознаетъ такую нелѣпость. Бюхнеръ, напр. говоритъ (Kraft und Stoff, 3 изд. 157): «какія бы внутреннія противорѣчія и неразрѣшимости внутренняго дуализма и внѣшняго неразрывнаго сцѣпленія духа и матеріи, ни возникали въ сознаніи каждаго человѣка, намъ до этого нѣтъ дѣла при нашемъ чисто-фактическомъ вопросѣ»;—какъ будто именно эти внутреннія противорѣчія не составляютъ фактическаго свидѣтельства о ложности вѣрованія въ матерію. Съ одной стороны, постоянно-пребывающее чрезъ всю нашу жизнь, единство сознанія нашего *я*, а съ другой—быстрая перемѣна и полное возобновленіе мозговаго вещества въ организмѣ; эти два неопровержимые факта доказываютъ каждому безпристрастному человѣку, что сущность нашего *я*, съ его самосознаніемъ и живыми воспоминаніями юности во дни преклонной старости, когда мозговое вещество прежняго ребенка и юноши давно ужѐ перешло въ тысячи другихъ тѣлъ,—что сущность нашего *я* не только не тождественна съ мозговымъ веществомъ, но даже не представляетъ никакой съ нимъ аналогіи.

Убывающее и прибывающее мозговое вещество никогда бы не могло образовать остающейся формы явленія, неисчезающаго воспоминанія, а тѣмъ менѣе тождества нашего *я*, еслибъ это вещество не было опредѣлено постоянно-пребывающей причиной. Текущій ручей никогда не въ состояніи, посредствомъ одного фактора—измѣняющихся водяныхъ атомовъ—образовать постоянную форму волны, если другой существенный, дѣйствующій, постоянно-пребывающій факторъ не при-

дастъ строя равнообразію волны. Камень въ руслѣ ручья, заставляющій волноваться воду, не есть произведеніе водяныхъ частичекъ; камень—нѣчто постоянно пребывающее—принуждаетъ текущіе водяные атомы принимать эту постоянную форму волненія. Такой, въ человѣкѣ постоянно-пребывающій факторъ, не можетъ быть мозгъ, который, какъ извѣстно, безпрестанно измѣняется. И потому матеріалистическое вѣрованіе, будтобы измѣняющіеся, текущіе атомы мозга производятъ сущность духа нашего *я*, для здраваго ума абсолютно немыслимо. Нелѣпость же никогда не можетъ быть истиной.

Подобные образцы голословныхъ, неосновательныхъ изреченій, содержащихъ въ себѣ только полу-истину, и заключенія, вертящіяся въ одномъ и томъ же кругѣ, встрѣчаются въ матеріалистическихъ сочиненіяхъ почти на каждой страницѣ. Молешотъ (Kreislauf etc. 17) говоритъ между прочимъ: «необходимость не допускаетъ созданія».—Предполагая, хотя негласно, несуществованіе Бога, онъ дѣлаетъ заключеніе, что въ основѣ такъ, а не иначе, являющихся намъ формъ естественныхъ предметовъ, нѣтъ ни вѣчной творящей воли, ни идеи, ни предначертанія, ни цѣли, ни цѣлепредставленія: слѣдовательно «необходимость не допускаетъ созданія». Безсмысліе такого предложенія очевидно. Что такое созданіе? Это—возникновеніе новыхъ формъ явленія и откровенія единой, вѣчной, творящей живой причины, какъ мы ее видимъ, напр. въ постепенномъ развитіи нашей планеты. Что такое необходимость? Это прямая противоположность случайности и произвола. Понятіе о необходимости исключаетъ всякое случайное и произвольное созиданіе (Geschehen); необходимость показываетъ, что такъ, а не иначе, быть *должно*. Если такія и такія колеса, по общему устройству машины, должны своими зубьями захватывать одно въ другое, если части не могутъ иначе двигаться, какъ въ извѣстномъ на-

правленіи и при опредѣленныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, то это называется механическою необходимостію. Пусть теперь каждый здравомыслящій человѣкъ разсудитъ, можетъ ли это свойство машины, называющееся необходимостію, «не допускать» идеи и цѣлепредставленія изобрѣтателя, и дѣятельности строителя? Можетъ ли необходимость движенія машины, распространяющагося на всѣ ея даже мельчайшія части, служить доказательствомъ, что для этой машины нѣтъ ни изобрѣтателя, ни строителя, не смотря на то, что она прежде никогда не существовала и только во времени возникла!—Конечно, каждый незатемненный разумъ скажетъ, что именно потому что составныя части машины могутъ не случайно, не произвольно двигаться туда или сюда, именно потому что всѣ части локомотива, въ ихъ сущности, расположеніи и взаимномъ отношеніи, опредѣлены математически и въ такой приведены строй, что онѣ «необходимо» должны производить это движеніе, это дѣйствіе, а не другое,—именно потому заключаемъ мы совершенно правильно, что въ основѣ возникновенія машины лежитъ цѣлепредставленіе, и что слѣдовательно она должна была имѣть изобрѣтателя и строителя, который имѣлъ способность ставить и выполнять цѣлепредставленія, который слѣдовательно не есть матерія, а жизнь, мысль, духъ. И такъ, если весь міровой порядокъ во всей его громадной совокупности, въ мельчайшемъ организмѣ инфузорій и въ движеніи атомовъ, мы понимаемъ какъ выраженіе строгой необходимости, то есть, если въ нашихъ понятіяхъ ни одинъ атомъ не можетъ случайно, неправильно и произвольно двигаться, то такой необходимый порядокъ не исключаетъ идеи распорядителя, не устраняетъ преднамѣренной, вѣчной воли Творца міровъ; напротивъ, это-то и подтверждаетъ въ каждомъ атомѣ, въ каждомъ червякѣ, въ каждомъ свѣтовомъ лучѣ, единую творящую мысль и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единаго живаго Творца, который, по его цѣлямъ

и математически устраивающей разумности, не может быть иное что какъ абсолютный разумъ. Если мы знаемъ, что въ природѣ всѣ проблемы математики и физики, механики и химіи, физіологіи и врачебной науки, разрѣшены и примѣнены наисовершеннѣйшимъ образомъ, то это самое не исключаетъ духовности Творца; напротивъ, этотъ фактъ невольно приводитъ насъ къ сознанію абсолютной премудрости и всемогущества того, кто такъ безконечно далеко превосходитъ изобрѣтательный духъ человѣческій. Либихъ сказалъ справедливое слово, съ которымъ вполнѣ согласны всѣ знатоки естественной науки: «всѣ образы, какіе только можетъ придумать самая богатая фантазія, самое высокое духовное образованіе человѣка, въ сравненіи съ дѣйствительностію созданія, не болѣе какъ пестрые, блестящіе, пустые мыльные пузыри». (Chemische Briefe, 28).

Еслибъ комаръ могъ разсуждать о движеніи локомотива, стремящагося къ опредѣленной цѣли своего хода, ему должно бы это движеніе показаться абсолютно—необходимымъ, потому-что у него нѣтъ причины думать, что локомотиву можно бы дать и другое направленіе. Въ подобномъ положеніи находится и конечный, ограниченный разумъ человѣка относительно той безконечно-малой частички міроваго организма, которая раскрыта нашему чувственному постиженію. Понятно, что и міровой порядокъ, къ которому мы сами принадлежимъ, является намъ какъ строгая необходимость, потому-что мы не находимъ основанія ни въ себѣ, ни внѣ себя, которое давало бы намъ право думать, что тварь можетъ подчинить себѣ Творца или вознестись надъ нимъ. Что намъ, зависящимъ существамъ, кажется абсолютною необходимостію, то въ Богѣ, Творцѣ, составляетъ абсолютную жизнь, самодѣйствіе,—свободу. Въ этомъ отношеніи можно, конечно, сказать, что въ абсолютномъ разумѣ необходимость и свобода—одно и то же, такъ-какъ кромѣ его самодѣйствія,

кромѣ его жизни, его творческихъ дѣлъ и безконечно-разнообразнаго отраженія его божественной жизни, въ дѣйствительности ничего не существуетъ.—Поэтому-то и обладаютъ волею только существа, созданныя по образу и подобію Божію. Въ машинѣ нѣтъ и слѣда ея собственной воли. Еслибъ человѣкъ былъ не иное что, какъ мыслящая машина, въ такомъ случаѣ матеріалистъ былъ бы совершенно правъ, отрицая дѣйствіе воли. Но и самая воля созданнаго по подобію Божію существа приближается къ слѣпой, механической міровой необходимости, въ той мѣрѣ, въ какой это существо отрицаетъ или забываетъ свое богоподобіе. Только совершенствованіе себя въ богоугодной жизни, только сознаніе богоподобія, которое волю Божію воспринимаетъ радостно и съ искреннѣйшимъ убѣжденіемъ претворяетъ въ самодѣйствіе, въ собственную волю, даетъ человѣку его относительное самохотѣніе, его свободу. Только творческое дѣйствіе божественной любви въ человѣкѣ,—что библія называетъ живою вѣрой, дающею плодъ любви Божіей—только этотъ духовный факторъ жизни составляетъ сущность свободы. Такова мысль глубоко премудраго изреченія Господа нашего Іисуса Христа: «Аще вы пребудете во словеси моемъ, во истину ученицы мои будете, и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы.» Іоан. 8, 31, 32.

Далѣе, Молешотъ толкуетъ «о цѣлостной идеѣ, которая всякое знаніе возводитъ къ премудрости». Чтобъ этой идеѣ не быть пустою фразой, мимолетною тѣнью, ея жизненнымъ корнемъ должно быть необходимо цѣлостное существо. . . И такъ-какъ только равнородное существо въ состояніи постигнуть божественное, «цѣлостную идею», то не долженъ ли человѣкъ, могущій духовно созерцать эту идею, быть—по существу своему—духовной жизненной силой?—Но отличительная черта матеріалистическаго мышленія такова, что оно то ставитъ идею, то ее уничтожаетъ, какъ ему при-

годнѣе для своей ипотезы. «Повсюду въ веществѣ живетъ мысль» (Молешотъ, Kreislauf etc. 35). Однакожъ, для каждой мысли предполагается мыслящій субъэктъ; мысль не что иное какъ совокупленіе разнороднаго въ цѣлостное сознаніе индивида. Не смотря на то, мыслящій индивидъ не долженъ быть единосущественъ, потому-что его существо заключается только во множественности мозговыхъ атомовъ; не смотря на то, «въ вѣчности вещества и въ измѣненіи вещества, переходящаго отъ формы къ формѣ, должна заключаться *первоначальная причина* (Urgrund) земной жизни» (Kreislauf etc. 86).—Такимъ образомъ матеріалистъ въ одно и то же время подтверждаетъ и отрицаетъ существо жизни, мыслящій субъэктъ. Должна быть «жизнь въ веществѣ», но не единство ея существа; должна быть «цѣлостная идея», но не должно быть цѣлостнаго индивида, способнаго понимать идеи!

Молешотъ сознается (Kreislauf etc. 69), что «человѣческому мозгу привычно, въ частномъ случаѣ, общій выводъ основывать на ограниченномъ числѣ наблюденій. Этимъ свойствомъ, которымъ мы всѣ страдаемъ, объясняются тѣ рѣзкія дѣленія, посредствомъ коихъ мы стараемся усилить наше пониманіе. Было бы превратно, круговое теченіе міровой жизни разграничивать на постоянно-опредѣленные отдѣлы». Однако, не смотря на это откровенное признаніе неполноты матеріалистической индукціи, онъ выдаетъ «отдѣлъ мышленія», что вся духовная жизнь есть движеніе вещества,—за науку.—«Вода растворяетъ гипсъ, горячая вода, при сильномъ давленіи, растворяетъ полевой шпатъ, вода съ углекислотой растворяетъ кварцъ. Углекислота, вода и кислородъ разлагаютъ исподоволь гранитъ. Коль скоро полевой шпатъ вывѣтрится, то пахатная земля получаетъ изъ него растворимое кремневокислое кали, способствующее произрастанію растеній. Чрезъ разложеніе апатита, въ которомъ

содержится фосфорнокислая известь и фторъ, вводятся въ хлѣбныя зерны вещества, необходимыя для человѣческой крови. Растенія питаютъ животныхъ, а животныя даютъ растенію помётъ. Все это можно опредѣлить на вѣсахъ».—Никто и не отрицаетъ этихъ фактовъ. Но чему жъ они учатъ человѣка? Матеріалистъ выводитъ отъ сюда «вѣчность вещества и самодвиженіе безпрерывнаго круговаго теченія».—«Какъ торговля составляетъ душу взаимныхъ сношеній, такъ вѣчный круговоротъ вещества—душу міра. Неизмѣнность вещества и взаимное сродство элементовъ обосновываютъ вѣчность круговаго теченія».—Но гдѣ достаточная причина утверждать, что форма явленія, которую мы называемъ веществомъ, и что теперешній порядокъ явленія этой формы̀, были всегда такъ, а не иначе, и останутся вѣчно такими? Все, что̀ является, не абсолютно таково какъ кажется человѣческимъ чувствамъ. Палеонтологія доказываетъ самымъ положительнымъ образомъ, что существовало для земли время, когда форма бытія вещей была совершенно иная, чѣмъ теперь; время, когда вещества двигались по совершенно иному кругу, такъ—какъ на нашей планетѣ не находилось плодородной земли, ни даже слѣда растеній, животныхъ, помета и ни одной капли человѣческой крови. Не изведалъ ли ужѐ матеріалистъ сущности вещей? Если нѣтъ, то въ чемъ же заключается доказательство, что всѣ эти вещества—вѣчные, слѣпые автоматы, которые съ теченіемъ времени, непреднамѣренно, по физической необходимости, произвели мозгъ, учредили его частичное движеніе, возродили идею, духъ, который теперь, для своихъ цѣлей, разлагаетъ эти вещества, взвѣшиваетъ, соединяетъ и заставляетъ ихъ служить своимъ потребностямъ?—Матерія есть условіе жизненнаго явленія, но не единственный факторъ жизни. Что̀ уже въ первоначальной клѣточкѣ животнаго зародыша является нераздѣльнымъ единствомъ, что̀ клѣточка изъ раз-

породныхъ частей собираетъ и извнутри выработываетъ въ единство, то должна быть едпносущественность. Матеріалистъ почти вездѣ смѣшиваетъ механическое дѣйствіе съ жизненнымъ принципомъ, относительное съ абсолютнымъ. Абсолютное, по природѣ своей, можетъ быть только *едино*, а относительное—*множественно*. Если кто-нибудь утверждаетъ, что духъ, который начерталъ планъ сраженія и управляетъ имъ, находится въ пороховомъ дымѣ и въ пушечномъ громѣ, или въ совокупной формѣ явленія битвы; или, что у луны нѣтъ задней стороны, потому-что ее человѣческій глазъ никогда не видѣлъ; или, что духъ книги, который, конечно, передается читателю посредствомъ бумаги и типографскихъ чернилъ, возникъ, по физической необходимости, изъ вещества книги чрезъ взаимное сношеніе съ другими веществами,—то такія утвержденія сами произносятъ надъ собою приговоръ. Подобное утверждаетъ матеріалистъ, принимая множественность вещественныхъ атомовъ въ основаніе всѣхъ духовныхъ явленій жизни.

Приведемъ еще примѣръ, гдѣ Молешотъ самъ себѣ фактически противорѣчитъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи Kreislauf etc. на стр. 341: если допустить цѣлесообразность вещей въ природѣ, то мы логически дойдемъ до личнаго Творца; но какъ его нѣтъ и вѣрованіе въ него дѣлаетъ невозможнымъ (!) естественную науку, то и въ самой природѣ нѣтъ цѣлесообразности.—Между тѣмъ этотъ самый отрицатель цѣлесообразности вещей на стр. 315 и д. излагаетъ буквально слѣдующее: «хищнымъ звѣрямъ даны острые зубы для раздиранія мяса на куски; отрыгающимъ жвачку (животнымъ)—широкіе коренные зубы съ бугорчатою верхнею плоскостію для перетиранія растительной пищи. Зубы человѣческіе образуютъ нѣчто среднее между этими двумя родами зубовъ: они могутъ разрывать мясо и перетирать зерна. Точно такъ и нижняя челюсть

человѣка не столь подвижна въ стороны, какъ у коровъ и овецъ, но подвижнѣе чѣмъ у львовъ и кошекъ. Превращеніе крахмало-растительной пищи въ сахаръ и жиръ совершается преимущественно при помощи слюны и сока поджелудочной желѣзы. Наши жвачныя и лошади, какъ извѣстно, отличаются величиной желѣзъ, отдѣляющихъ слюну и сокъ поджелудочной желѣзы, между тѣмъ какъ у плотоядныхъ эти желѣза̀ сравнительно малы. Питающіяся растеніями животныя, при помощи своихъ большихъ слюнныхъ желѣзъ, могутъ переваривать крахмалъ и даже клѣтчатку въ большихъ количествахъ.—У жвачныхъ желудокъ сложный (въ 4 отдѣла). У кровесосущихъ летучихъ мышей кишечный каналъ только въ три раза длиннѣе всего тѣла; у овцы этотъ же самый о̀рганъ въ 28 разъ длиннѣе тѣла. Чемъ длиннѣе кишечный каналъ и чѣмъ онъ болѣе развитъ, тѣмъ продолжительнѣе дѣйствуютъ на пищу переваривающія жидкости. Такимъ образомъ, если жвачныя въ ихъ длинный, многообразно извилистый кишечный каналъ изливаютъ значительное количество слюны и желудочнаго соку, то неудивительно, что онѣ могутъ разлагать такія питательныя вещества, которыя для людей считаются неудобоваримыми.»—О такомъ спеціальномъ устройствѣ различныхъ существъ, сообразно съ ихъ особеннымъ предназначеніемъ, свидѣтельствуетъ Молешотъ, а все-таки, по его мнѣнію, въ природѣ нельзя найти цѣлесообразности!

Такъ-какъ одностороннее чувственное познаваніе вводитъ въ воззрѣніе только отдѣльныя частности, а не совокупность явленій, то чувственный человѣкъ долженъ существо матеріи принимать за множественность. Напротивъ, духовное чувство личнаго *я*, которому открыты дѣла самосознанія и Богосознанія, можетъ существо всѣхъ существъ, абсолютную причину бытія матеріи, силъ, законовъ и формъ явленія, не иначе понимать, какъ абсолютную, существенную

жизнь, и благоговѣть предъ высочайшею премудростію, любовію и всемогуществомъ.

Если изъ ничего не можетъ возникнуть что-нибудь, то и изъ миріадъ атомовъ, безъ единства, не можетъ возродиться единство самосознательнаго духа. Далѣе, такъ-какъ вселенная, по всей формѣ своего явленія, есть нѣчто возникшее и находящееся въ безпрерывномъ возникновеніи; такъ-какъ она во всѣхъ своихъ частяхъ, доступныхъ человѣческому наблюденію, является выраженіемъ высочайшаго разума, то и долженъ существовать единый вѣчный разумъ столь же достовѣрно, какъ существуетъ вселенная. Если безъисключительная необходимость въ потокѣ естественныхъ явленій устремляетъ все къ опредѣленной цѣли, то и существо необходимости, которое все безъ исключенія подчиняетъ своей цѣли, не можетъ быть иное, какъ единое; иначе оно не было бы высочайшее, необходимое, абсолютное. Наконецъ, если живыя разумныя существа не могли возникнуть изъ неразумія, то и должна абсолютная причина всякой жизни, причина, которую мы называемъ Богъ, быть въ высочайшей степени разумное существо. Живъ Богъ, жива душа моя!

5.

Неспособность матеріализма къ построенію прочной научной системы.

«По плоду узнается древо». Могъ ли когда либо матеріализмъ, на основаніи своихъ предположеній, построить прочную научную систему? Гдѣ матеріалистическая эстетика, или логика, или поика, или даже религія? Мы говоримъ здѣсь не объ одиночныхъ строительныхъ камняхъ научнаго зданія, не о спеціальныхъ открытіяхъ въ природѣ, которыми мы обязаны общему стремленію къ изслѣдованіямъ; мы говоримъ о томъ, на сколько матеріализмъ разработалъ

созрѣвшія уже чувственныя постиженія и придалъ имъ значеніе въ дѣйствительной жизни для искусства и науки, для нравственности, для человѣческаго достоинства и человѣческаго блага. Гдѣ матеріализмъ не разрушалъ вмѣсто того, чтобъ строить? Воодушевилъ ли онъ когда-либо человѣчество къ принятію великихъ идей истины, добра и красоты, воспламенилъ ли онъ когда-либо души для высшихъ благъ жизни, нравственной свободы, достоинства человѣка, Бога и отечества? Мы знаемъ, что Эпикуръ и вся его школа, смотрѣли на науку, какъ на пособницу къ успокоенію совѣсти, къ возвышенію и утонченію наслажденій. Гоббсъ объяснилъ намъ каковы идеалы матеріалистическаго государства, права, религіи. Французскіе энциклопедисты, и въ особенности Вольтеръ, показали намъ въ натуральной философіи ту вершину, до которой можетъ дойти матеріализмъ. Изъ всѣхъ матеріалистическихъ усилій въ построеніи великаго научнаго зданія является все тотъ же печальный конецъ, который постигъ Секста Эмпирика, Лукіана, де-ла Метри (*) Дидеро, барона Гольбаха (**), Даламбера, Гельвеція. Послѣдній пытался, на основаніи эгоизма, построить «систему интересовъ», въ которой онъ предаетъ насмѣшкѣ всякую нравственность: для него, добродѣтель не болѣе какъ дѣйствіе своекорыстныхъ побужденій; достоинство поступковъ заключается единственно въ полезности ихъ къ произведенію наслажденій для каждаго человѣка и всего общества, къ которому онъ принадлежитъ. Макса Штирнера «Der Einzige und sein Eigenhum»—новѣйшій стереотипный снимокъ съ прежней матеріалистической пси-

---

(*) L' homme machine, Leyd. 1748.—L' école de volupté, то же подъ заглавіемъ «L' art de jouir,» 1750.

(**) Сочинителемъ «Système de la nature» считается Гольбахъ или Лагранжъ.

ки. Фейербахъ воспроизводитъ премудрость выше сказанныхъ мыслителей на болѣе вылощенномъ, болѣе утонченномъ языкѣ. Однакожъ, зданіе не хочетъ стоять, оно держится какъ песчаная смѣсь истины и лжи; основные столбы гнилы. Матеріалистическій поэтъ или художникъ былъ бы воплощенная каррикатура, противорѣчіе съ самимъ собой, потому-что искусство—такое изображеніе божественнаго, чисто идеальнаго въ земномъ веществѣ, гдѣ формы и духъ взаимно проникаются, какъ тѣло и душа. Искусство безъ творческаго духа все равно что свѣтъ безъ сіянія и теплоты.

Разрушать можетъ матеріализмъ, но не созидать. Его призваніе все ломать; но не его дѣло творить новыя идеи, порождать благородныя дѣла, оправдываемыя строгимъ опытомъ. И можетъ ли быть иначе? У него нѣтъ святыни въ сердцѣ, онъ отрицаетъ существо Бога и духа; чувственный міръ съ его развлеченіями для него все и вся. У него нѣтъ святилища семьи, государства, человѣчества; клятва для него заблужденіе; трудъ во имя царства Божія—глупость; Божія благодать—ужасъ. Истуканы чести, наслажденія и аффектированнаго самодовольствія, замѣняютъ ему любовь Бога и человѣковъ и все богатство духа.

Молешотъ дерзко взываетъ (Kreislauf etc. 7): «нынѣшнія правительства стоятъ и падутъ вмѣстѣ съ Божіею милостію!» Если припомнить, что онъ милость Божію отвергаетъ безусловно, что онъ, въ посмѣяніе этой милости, аппелируетъ къ «милости вещества и чувствъ»; если прибавить къ тому, съ какимъ злорадствомъ онъ смотритъ на «нынѣшнія правительства», то станетъ ясно значеніе этого отчаяннаго восклицанія. Это—выраженіе разрушающаго принципа, сказывающаго намъ великую, заслуживающую вниманія истину. Еслибъ, какъ стремится матеріализмъ, могло быть уничтожено вѣрованіе въ творческое дѣло любви Божіей, еслибъ

могло быть уничтожено это внутреннѣйшее убѣжденіе самыхъ благородныхъ, готовыхъ на всякую жертву, людей, то, конечно, не только нынѣшнія правительства должны бы пасть, какъ карточные домики отъ перваго дуновенія вѣтра, но и человѣческое достоинство, и цивилизація, и наука, и всѣ духовныя блага человѣка должны бы изчезнуть съ лица земли. Человѣчество должно бы снова начать свое «круговое теченіе жизни» съ той точки, на которой 30 лѣтъ тому назадъ находились жители Новой Зеландіи. Но будемъ надѣяться, что до этого не дойдетъ. Жизнь Божіей любви въ человѣческомъ духѣ— это жизнь нравственной свободы; въ ней заключается истина человѣческаго достоинства, основное условіе успѣховъ просвѣщенія и корень высшихъ благъ, которыя облагороживаютъ жизнь человѣка и даютъ ей истинную цѣну.

Кто заражается тлетворнымъ міазмомъ матеріализма и не находитъ исцѣленія въ истинномъ источникѣ жизни, тотъ долженъ погибнуть духовно. Съ нимъ погибнетъ все, что̀ въ области науки и практической жизни отжило и ужѐ болѣе къ жизни неспособно: мертвое знаніе и вѣрованіе, гнилая мораль и всякая ложная внѣшность. Это составляетъ призваніе матеріализма и мы благодарно жмемъ ему руку за то. Но если гробокопатель намѣренъ угостить насъ давно истлѣвшими трупами, вывѣтрившимися костяными остовами какого-нибудь Левкиппа, Эпикура и Лукіана, старинными политеизмомъ и фетишизмомъ, древне-языческимъ поклоненіемъ природѣ, человѣкамъ и навозу, подъ новыми именами, какъ новыми блюдами «точныхъ наукъ», то мы отвергаемъ рѣшительно такое угощеніе. Дряхлые о̀стовы не хотятъ ни стоять, ни ходить; безъ мозгу въ костяхъ (Mark) и безъ духа, они рушатся; пусть они лежатъ въ могилѣ; мы вспоминаемъ только съ ужасомъ о тѣхъ плодахъ, которые воспитывало то вѣрованіе въ матерію, о деспотизмѣ, рабствѣ,

развращенiи нравственности и доведенiи человѣчества до звѣрства.

На всѣхъ ступеняхъ историческаго развитiя культуры матерiализмъ превосходно исполнялъ свою задачу. Надѣемся, что и настоящее вѣрованiе въ матерiю сдѣлаетъ то же. Оно всегда рѣзко обозначало предѣлъ односторонняго чувственнаго познаванiя и фактически указывало, до какой низкой познавательной ступени можетъ дойти человѣческiй умъ посредствомъ одной чувственности, безъ внутренняго чувства вездѣсущности Бога. Результатъ былъ всегда одинъ и тотъ же: полное невѣдѣнiе духовной жизненной связи творенiя съ Творцомъ; остановка мышленiя на той точкѣ, гдѣ «вселенная разлагается въ движущуюся матерiю, сущности которой понять не можетъ чувственный человѣкъ». (Фирховъ).

Въ какой мѣрѣ матерiалистъ отрицаетъ внутреннее чувствованiе истины, добра и красоты, въ такой же онъ отвергаетъ достоинство разума и человѣка, и объявляетъ себя вполнѣ неспособнымъ обсуживать духовныя созерцанiя въ великихъ сферахъ нравственности, религiи, искусства и науки. Онъ прекращаетъ мышленiе и изслѣдованiе на почвѣ духовной жизни, сознаваясь, что въ дѣлахъ Богосознанiя и самосознанiя онъ никогда ничего знать не въ состоянiи. Онъ не можетъ размышлять о фактахъ явленiй духовной жизни, а тѣмъ менѣе ихъ разъяснять или понимать. Поэтому, для отрицателя разума и божественнаго откровенiя совершенно невозможно ни изслѣдованiе, ни разумѣнiе въ сферѣ разумнаго познаванiя. Онъ сознаетъ явно и по извѣстной причинѣ свое абсолютное невѣдѣнiе въ этой сферѣ. Кто захочетъ спорить со слѣпымъ о цвѣтахъ, или кто станетъ на него сердиться за то, что онъ ихъ не видитъ? Не презрѣнiя и не осужденiя заслуживаетъ онъ, а состраданiя въ томъ, что ему неизвѣстны высшiя радости духовнаго свѣта.

Для уразумѣнiя сущности науки, необходимо разумное

*

познаванie. Безъ внутренняго божественнаго откровенiя, всякое знанiе будетъ только относительно истинно и шатко, все нравственное—только прихоть и произволъ (что г. Бюхнеръ въ 1-мъ изданiи своего сочиненiя «Kraft und Stoff», и объявилъ во всеуслышанiе), все прекрасное—только модная мишура.—Послушайте, что въ этомъ отношенiи говоритъ глубокомысленный Эрстедъ (Geist und Natur, 98 и. д.): «человѣкъ, котораго понятiя о природѣ ограничиваются только непосредственнымъ чувственнымъ настоящимъ, не можетъ замѣтить единства разумнаго закона, объемлющаго всю вселенную. Такое состоянiе (ограниченiя) можетъ иныхъ людей погрузить въ духовной мракъ, въ ненависть къ разуму, въ безбожiе.»—Другаго выхода нѣтъ. Естествоиспытатель долженъ въ послѣдовательности своего мышленiя или остановиться на полудорогѣ, или придти къ вѣчному абсолюту, или къ Ничто. Онъ долженъ вѣровать или въ абсолютный разумъ, или въ неразумiе.—Г. Бюхнеръ, прославляющiй древне-индiйскiй нигилизмъ буддистскаго ученiя, какъ высочайшую премудрость, доказываетъ фактически свое вѣрованiе въ неразумiе.

Схема матерiалистическаго понятiя о всесущности вещества (Stoffallheit) должна быть весьма ограниченна и скудна, потому-что, отказавшись отъ разумнаго мышленiя, ей остается только чувственное относительное мышленiе о силѣ и веществѣ, пространствѣ и времени и пр. Но какъ вещественность и свойства матерiи суть только относительно истинныя формы мышленiя, только объэктивированныя дѣятельности разума, съ каждымъ новымъ открытiемъ болѣе и болѣе совершенствуемыя и исправляемыя, то матерiалистъ, не смотря на свою ссылку на очевидность матерiи, не выходитъ никогда изъ замкнутаго круга своихъ формъ мышленiя.

Существенные признаки тѣлеснаго вещества суть: про-

странственная ограниченность, механическая необходимость и множественность атомовъ; и напротивъ, существенные признаки самосознательнаго духа: нераздѣльная единосущность, самодѣятельность и безпространственность. Но какъ матеріалистъ безусловно отрицаетъ эти существенныя особенности духа, то и не можетъ онъ никогда дойти до созерцанія единосущнаго творящаго принципа, слѣдовательно и до разумной религіи; ни до познанія самосознательнаго *я*, слѣдовательно и до существеннаго фактора мышленія и познаванія, ни до логики, ни до истинной науки; ни до убѣжденія въ самодѣятельности нашего *я*, слѣдовательно ни до сознанія свободной воли, ни до нравственной вмѣняемости, ни до самаго принципа нравственности.

Если наше *я* скрывается въ дѣлимой вещественной комбинаціи мозга, если мышленіе содержится въ фосфорнокисломъ мозговомъ жирѣ, то о личномъ безсмертіи человѣческаго духа не можетъ быть и рѣчи; въ такомъ случаѣ духъ истлѣваетъ вмѣстѣ съ мозгомъ. Если же личность и, вмѣстѣ съ нею, какъ временное, такъ и вѣчное развитіе ея жизни въ Богоподобіе,—мечта, то нѣтъ ни царства Божія, ни поэтическаго и разумнаго общенія человѣка съ его творцемъ. Но отъ этого сущность всякой образованности (культуры) становится пустымъ призракомъ.

Если для матеріалистическаго пониманія всѣ эти существенныя составныя части гуманности немыслимы, если матеріальное мышленіе не постигаетъ ничего о Богосознаніи, ни о личномъ духѣ, ни о разумѣ—какъ чувствѣ Божественнаго, ни о самосознаніи, ни о свободной волѣ, ни о совѣсти, ни о вмѣняемости, ни о любви къ Богу, которая есть сущность нравственности, ни о безсмертіи индивида, ни о царствѣ Божіемъ, ни о высшихъ благахъ царства Божія, ни о вѣрѣ, любви и надеждѣ, которыя человѣка дѣлаютъ человѣкомъ,—то я спрашиваю: что же, для логически-по-

слѣдовательнаго матеріалиста, остается отъ человѣческаго достоинства, отъ просвѣщенія духа, отъ святыни человѣчества? Ровно ничего, кромѣ туманнаго движенія вещества и пустыхъ фразъ. Еслибъ матеріалистическая ипотеза была справедлива, то человѣкъ не былъ бы созданъ ни по образу Божію, ни для развитія въ Богоподобіе, ни для прославленія Создателя; онъ былъ бы мыслящая машина, улучшенный видъ породы обезьянъ, созданный только для временнаго наслажденія и потомъ уничтоженія на вѣки. Если же высшая задача научныхъ изслѣдованій заключается въ томъ, чтобы возбуждать въ человѣкѣ истину Божественнаго, т. е. истинную гуманность, и доводить ее до живаго, дѣятельнаго сознанія, то ясно, что матеріализмъ отрекся вполнѣ отъ этой великой цѣли.

Мы не станемъ упрекать матеріалистическую ипотезу за грѣхи частныхъ ея поклонниковъ; грѣшники встрѣчаются во всѣхъ родахъ вѣрованія безъ исключенія. Мы не обратимъ вниманія и на то, что, напр. Бюхнеръ въ первомъ изданіи «Kraft und Stoff,» женщину, какъ «ниже организованный мозгъ,» ставитъ ниже мущины, негра признаетъ за ското-человѣка, по матеріальной причинѣ мозговаго устройства, рожденнаго для рабства, неспособнаго и недостойнаго пользоваться правами человѣчества, что умерщевленіе плода въ утробѣ и убійство новорожденнаго младенца считается имъ дѣломъ нравственно-безразличнымъ, потому-что ни въ плодѣ, ни въ младенцѣ нѣтъ еще духа. Такія утвержденія составляютъ заблужденія лично «Бюхнера», отъ которыхъ онъ вѣроятно отсталъ, такъ какъ ихъ уже нѣтъ въ послѣдовавшихъ изданіяхъ его сочиненія. Съ такимъ взглядомъ едва ли согласились бы Молешотъ и другіе изъ болѣе благородныхъ матеріалистовъ, потому-что онъ повелъ бы непремѣнно, не къ гуманности, а къ звѣрству. Однако, если матеріалистическая ипотеза, «что нѣтъ живаго Бога» выска-

зывается серьозно, то она совершенно уничтожаетъ принципъ истины и нравственности.—Коренящаяся въ сущности Бога жизнь разума—есть почва истины, а коренящаяся въ любви къ Богу, какъ въ источникѣ жизни, любовь къ человѣкамъ,—это жизнь нравственности. Если вы преднамѣренно пересѣчете эти жизненныя нервы истины и нравственности, то какія будутъ отъ того послѣдствія? Не Богоподобное, а демоноподобное развитіе человѣка; не свобода, а мрачное рабство духа, несмотря ни на какую «благодать вещества и чувствъ;» не жизнь, а неотразимое, вѣчное уничтоженіе индивида; не надежда умирающаго отца семейства, а отчаяніе! Словомъ сказать, не человѣческое достоинство, а превращеніе человѣка въ скота,—вотъ самое строгое логическое послѣдствіе матеріалистическаго вѣрованія.

Но какъ многіе, нравственно чистые люди, принадлежащіе къ матеріалистическому вѣрованію, не только отрицаютъ такіе выводы, но—мы смѣемъ надѣяться—и отвергаютъ ихъ съ презрѣніемъ, то этимъ самымъ они и доказываютъ коренную непослѣдовательность своего ученія.

6.

Несостоятельность матеріалистическаго сомнѣнія во всякой истинѣ.

«Физика, берегись метафизики,» сказалъ великій Ньютонъ. «Сверчокъ знай свой шестокъ» гласитъ здоровый умъ народа. Матеріалистъ дурно дѣлаетъ, что со своимъ отрицаніемъ Бога и вѣрованіемъ въ единую творческую силу вещественныхъ атомовъ переходитъ въ метафизику. Фейербахъ мелетъ вздоръ, перенося свою теорію обоготворенія человѣка въ науку религіи. Такой сумбуръ

долженъ непремѣнно пасть отъ своей ничтожности. Матеріализмъ, говоря о сущности духовной жизни, разсуждаетъ о своемъ мозговомъ движеніи и создаетъ изъ него причину духовной жизни, о которой онъ, какъ самъ признается, посредствомъ чувствъ своихъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Молешотъ, Фохтъ и другіе могутъ быть отличные эмпирики въ своихъ спеціальностяхъ; но каково ихъ достоинство на почвѣ духовной жизни, это видитъ каждый разсудительный человѣкъ. Напримѣръ, Молешота «Kreislauf des Lebens» превосходное сопоставленіе дознаній Либиха, Бибры, Іоанна Мюллера, Фирхова, Дюбуа-Реймона, Лемана, Шмита, Сосюра, Мульдера, Малагутти, Клоэтта, Фрерихса, Штеддера, Гàрупа, Феми и многихъ другихъ. Самимъ же авторомъ немного чтò открыто. Это сопоставленіе, помимо колкостей и придирокъ, не идущихъ къ дѣлу, заслуживаетъ всякаго уваженія. Круговое движеніе вещественныхъ элементовъ справедливо. Но будто такое круговое движеніе совершается безъ предначертанія, само собой,—это въ устахъ чувственнаго существа, знающаго едва малѣйшую частичку мірозданія, столько же неосновательно, какъ еслибъ я сказалъ, что буквы какой-нибудь книги сами собой образуютъ духовныя помышленія.

Натуральная философія матеріалиста, которая должна вездѣ просвѣчивать изъ сопоставленія фактовъ, есть отрѣченіе отъ всякаго разумнаго воззрѣнія, отрицаніе не только знанія о сущности духа, но и всякаго знанія о реальномъ вообще. Матеріализмъ—это слѣпое вѣрованіе въ односторонния мыслительныя формы чувственнаго постиженія. Но какъ эти голыя формы понятія о механизмѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть и духовная жизнь,—по своимъ внутреннимъ противорѣчіямъ, сами себя уничтожаютъ, то механизмъ этотъ, строго-логически, не иное что, какъ полнѣйшее отрицаніе истины.—Между тѣмъ, факты духовной

жизни стоятъ неотвержимо передъ нами. Матеріализмъ доказалъ, что при всемъ усердіи, при всемъ напряженіи мозга, эти факты нельзя ни объяснить, ни вывесть изъ мозговаго движенія: слѣдовательно, они должны имѣть духовную, т. е. разумную причину бытія.

Матеріализмъ, присвоивая себѣ почетное званіе естественной науки, поступаетъ несправедливо, потому-что здравое изученіе природы не переходитъ въ метафизику, оно не выходитъ за предѣлы положительныхъ фактовъ, не строитъ дома на воздухѣ, оно не имѣетъ никакого дѣла съ ипотезой вѣрованія въ матерію; оно разъясняетъ только послѣднія звенья цѣпи явленій, на основаніи ближайшихъ къ нимъ причинъ, и указываетъ связь ихъ во всеобщемъ естественномъ законѣ великаго міроваго организма, на основаніи опыта. Таково, по выраженію Александра Гумбольта, «разумное объясненіе явленій природы». Такъ поступаетъ истинный изслѣдователь природы, не принимая на себя ни отрицанія абсолютнаго принципа жизни, ни сужденія о духовной жизни по законамъ механики.

Если, напротивъ того, матеріалистъ воображаетъ, что онъ можетъ разсуждать о духовной жизни, измѣривая ее метромъ, или вѣсомъ атомовъ, или единообразной мѣркой «силы, вещества, круговаго движенія» и проч., то стремленіе такое отличается столько же отъ истинной естественной науки, сколько болѣзненный наростъ отъ здороваго тѣла, сколько догадка отъ знанія, сонныя грезы отъ дѣйствительности бодрствующей духовной жизни, суевѣріе отъ вѣрованія въ разумный законъ мышленія.

Матеріализмъ можетъ существовать только при помощи своей непослѣдовательности, перемѣшивая свои пустыя формы мышленія съ нѣсколькими крохами истины. Начавъ же серьозно проводить свои предположенія, по законамъ логики, онъ долженъ неизбѣжно погибнуть отъ сомнѣнія во

всякой истинѣ. Этимъ саморазложеніемъ онъ всегда и оканчивался, какъ то показываетъ намъ исторія.

Если мы спросимъ безпристрастно и рѣшительно: какой же конечный результатъ матеріалистической дѣятельности мозга?—то все, что матеріалистъ можетъ сказать о сущности разумной жизни, заключаетъ въ себѣ полнѣйшее незнаніе. Что̀ такое сущность матеріи, что̀ первоначальная причина цѣлесообразнаго измѣненія формъ? Отвѣтъ: мы не знаемъ.—Что̀ такое естественный законъ? Что̀ причиной тому, что такъ-называемый «отъ чувствъ выведенный порядокъ явленій» (Молешотъ), въ теченіе тысячелѣтій, съ тѣхъ поръ какъ люди изучаютъ природу, въ общемъ видѣ представляетъ все одно и тоже стремленіе, т. е. осуществить жизнь разумныхъ существъ? Что̀ такое принципъ этого цѣлостнаго порядка явленій? Отвѣтъ мы не знаемъ, потому-что это не входитъ чрезъ воро̀та чувствъ. Такъ что̀жъ вы знаете? Отвѣтъ: мы знаемъ, что «разумъ есть движеніе вещества, а движеніе вещества—разумъ». Что̀жъ такой отвѣтъ объясняетъ или доказываетъ? Что духъ и духовная жизнь: наука, искусство, религія, нравственность, суть не иное что, какъ вещество и движеніе вещества,—что человѣкъ—отродье обезъяны, мыслящая машина, ското-человѣкъ, самъ божество и въ то же время вѣчное ничто. Отъ чего это такъ?—Этого мы не знаемъ; но оно такъ!

Нѣтъ! «превратное не было и не будетъ никогда геніальнымъ.»

Единственно въ разумномъ Творцѣ человѣчества, который есть вѣчная премудрость и любовь, заключается первобытный источникъ разумнаго мышленія и знанія, и духовный союзъ, связующій людей какъ братьевъ. Только въ Богѣ, нашемъ общемъ Отцѣ, заключается глубочайшій, неисчерпаемый источникъ истинной жизни, первоначальная причина всякой науки, всякой нравственной силы, всякаго

человѣческаго достоинства. — Матеріализмъ, отрицающій это аподиктически, доказываетъ тѣмъ всю несостоятельность своего болѣзненнаго мышленія. Печальная несостоятельность, которая науку, нравственность и человѣческое достоинство погружаетъ въ ничто пустаго отрицанія! Съ этимъ нигилизмомъ естественная наука не имѣетъ ничего общаго. Знаніе природы, въ его здоровомъ, необходимомъ движеніи, ведетъ къ признанію премудрости и всемогущества единаго, живаго Бога, который дѣйствуетъ во всемъ и вездѣ.

VI.

ВЗГЛЯДЪ ШЛЕЙДЕНА НА МАТЕРІАЛИЗМЪ.

(Изъ сочиненія: Ueber den Materialismus etc. v. Schleiden, 1863).

Кто внимательно слѣдитъ за современнымъ направленіемъ духа и самъ отыскиваетъ истину, того едва ли какое явленіе нашего времени такъ сильно поражаетъ, какъ матеріализмъ новѣйшихъ естественныхъ наукъ въ Германіи. Это ученіе, если оно вообще заслуживаетъ такого названія, проникаетъ такъ глубоко въ важнѣйшія, можно сказать, священнѣйшія убѣжденія человѣчества, своими выводами такъ разрушительно потрясаетъ всѣ основанія нашей нравственной и религіозной жизни, что весьма естественно становится предметомъ серьознаго разсмотрѣнія. Сущность всего матеріализма можно выразить кратко въ двухъ положеніяхъ: нѣтъ духа какъ самостоятельной субстанціи, и нѣтъ Бога какъ духовной внѣміровой личности.

Матеріализмъ, какъ извѣстно, не есть что нибудь новое. Въ исторіи развитія человѣческаго духа, онъ, въ противоположность спиритуализму, являлся неоднократно подъ различными формами. Но матеріализмъ новѣйшій, по формѣ

своей, отличается отъ всѣхъ прежнихъ фазисовъ его развитія. Прежде онъ появлялся догматически, въ систематической полнотѣ, въ красиво-выработанномъ видѣ цѣлаго философскаго или анти-богословскаго ученія, во всеоружіи своемъ выступалъ передъ своихъ противниковъ, ожидалъ ихъ нападенія и—былъ поражаемъ въ бою, но потомъ возставалъ вскорѣ въ другой формѣ. Теперь дѣло другое; системы матеріализма я не знаю. Кромѣ выдаваемыхъ за философію глупостей и заблужденій нѣкоторыхъ юныхъ Гегеліанцевъ, или лучше сказать, послѣдователей Фейербаха (какъ напр. докторъ Левенталь), которыхъ впрочемъ едва ли кто знаетъ и читаетъ, мнѣ неизвѣстно ни одно сочиненіе, гдѣ бы матеріализмъ былъ изложенъ вполнѣ и въ видѣ научной системы. Только случайно высказываются мысли въ такихъ книгахъ, которыя посвящены совсѣмъ другимъ предметамъ; причемъ сочинители ихъ не принимаютъ на себя труда высказанныя ими положенія хоть сколько-нибудь, не говорю уже логически и всесторонно, объосновать. Нѣкоторые изъ нихъ, конечно, прячутся за поэтическія фразы и цвѣтистый слогъ, и тѣмъ стараются скрыть сами отъ себя свое матеріалистическое мышленіе или неясность своихъ представленій. Вы встрѣчаете часто выраженія: «душа (или духъ) есть цвѣтъ (или высшая форма развитія) органической жизни»,—«дуализмъ преодолѣнъ, ибо духъ отличается отъ тѣла только постепеннымъ усовершеніемъ одного и того же основанія».—Другіе окутываютъ свое матеріалистическое мышленіе въ слова̀, одинаково сбивчивыя какъ по отношенію къ естествознанію, такъ и психологіи; напр. *Фортлаге* (Physiologie, 1856, Bd. 2. p. 439) и *Фихте* (Entwickelungen über den Seelenleib). Иные хотя и прямо высказываютъ матеріалистическія положенія, но протестуютъ усердно противъ упрека въ матеріализмѣ, утверждая, что слова ихъ означаютъ совсѣмъ другое (неизвѣстно только что̀), напр. *Фирховъ* (Vier Reden etc.

1862) или *Струве* (Zur Entstehung der Seele, 1862, p. 30), который говоритъ: «если я поэтому долженъ отвергнуть отдѣленіе психическаго отъ физическаго *въ какой бы то нибыло формѣ*, то нѣтъ, кажется, надобности спеціально разсуждать о происхожденіи души».—И это еще самыя кроткія и повидимому наименѣе опасныя выраженія, потому именно, что онѣ наиболѣе запутанныя. Но опредѣленнѣе и жестче выражаются признаваемые коноводами физіологи и врачи. Такъ, напр. *Карлъ Фохтъ* (Physiologische Briefe, 1846) говоритъ: «душа не входитъ въ зародышъ (эмбріо) какъ злой духъ въ бѣснующагося; она продуктъ развитія мозга точно такъ, какъ мускульная дѣятельность есть продуктъ развитія мускуловъ, а выдѣленіе—продуктъ развитія желѣзъ. Коль скоро вещества, изъ которыхъ состоитъ мозгъ, соединятся опять въ той же формѣ, то обнаружатся и тѣ же функціи, которыя имъ въ этихъ формахъ и соединеніяхъ свойственны, отъ чего и получится снова то, что̀ называютъ душой.« *Молешотъ* (Kreislauf des Lebens, 1855) объясняетъ: «человѣкъ созданъ изъ воздуха и пепла. Дѣятельность растеній вызвала его къ жизни. Человѣкъ есть итогъ его родителей и кормилицы, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, пищи и одежды», и—наконецъ—*Чольбе* (Entstehung des Selbstbewustseins, 1856): «человѣкъ не болѣе какъ мозаическая статуя изъ разнороднѣйшихъ атомовъ, въ художественной формѣ механически составленная».

Сбивчивый повсюду *Струве*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ справедливо замѣчаетъ, что «матеріализмъ тотчасъ же обнаруживается въ своей смѣшной наготѣ, коль скоро допустимъ его основныя воззрѣнія и поставимъ его самаго въ одинъ разрядъ съ злокачественнымъ гноемъ нарыва, или съ испорченнымъ желудкомъ»; онъ же называетъ *Фохта* психическую мускульную дѣятельность болѣзнью отъ трихинъ.

Не смотря однакожъ на то, что въ наше время матеріа-

лизмъ не стоитъ, въ полномъ вооруженіи, въ боевой линіи, онъ все-таки страшная сила. Онъ живетъ, часто даже не высказываясь, въ душѣ кокетствующихъ естественными науками, такъ называемыхъ философовъ и бо́льшей части естествовѣдовъ, въ особенности въ душѣ химическихъ, механическихъ, физическихъ, короче сказать, *точныхъ* физіологовъ, и это до такой степени теперь предполагается всеобщимъ, что люди удивляются и не вѣрятъ, если естествовѣдъ выскажетъ противоположное мнѣніе. Съ другой стороны, естествовѣды, представители матеріализма, поддерживаются и защищаются отъ всѣхъ нападеній преобладающею въ наше время промышленностію (Gewerbe). Сюда, въ это ядро народа, видящее въ естественной наукѣ свои опоры, проникаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріалистическія воззрѣнія; здѣсь онѣ могутъ сдѣлаться весьма пагубными, потому-что нѣтъ высшаго, утонченнаго образованія, которое служило бы противовѣсомъ противъ нихъ; здѣсь вскорѣ возникнетъ, какъ неизбѣжное, прямое послѣдствіе, мысль о ничтожности всякаго рода нравственныхъ обязанностей; мысль, которую упомянутые естествовѣды, въ своей похвальной непослѣдовательности, умѣютъ отталкивать отъ своей личности. Я не стану объяснять, ка́къ повсюду, въ подобныхъ обстоятельствахъ, физическое насиліе противъ духовнаго явленія нисколько не служило надежнымъ противодѣйствіемъ, а доказывало только необразованность или даже глупость употреблявшихъ такое насиліе....... Уже *Тацитъ* (Ann. XIV, 50) разсказываетъ, что «нѣкто *Вейенто* написалъ много пасквилей на сенатъ и жрецовъ. *Неронъ* изгналъ его и приказалъ сжечь его книги; ихъ однакожъ до тѣхъ поръ старались съ необыкновеннымъ усердіемъ пріобрѣтать и читать, пока обладаніе ими сопряжено было съ опасностію; но лишь только съ нихъ сняли запрещеніе, какъ онѣ тотчасъ же пришли въ забвеніе».—Такъ и ничтожныя книжонки *Бюхнера* Kraft

und Stoff» и *Левентали* «System des Naturalismus» едва ли сдѣлались бы извѣстными въ обширныхъ кругахъ, еслибъ нѣкоторыя правительства не способствовали тому преслѣдованіемъ сочинителей.

Но противъ матеріализма нашего времени употреблялось съ разныхъ сторонъ и духовное оружіе, однакожъ онъ не уничтожился и, повидимому, не считаетъ себя даже раненымъ. Онъ снова проявляется во всѣхъ формахъ, отъ спутанной, неперваримой кашицы изъ отождествленнаго—чрезъ тончайшее одухотвореніе матеріи—духа и тѣла, до рѣзкаго и прямаго отрицанія всякой духовной сущности. Спрашивается: отъ чегожъ матеріализмъ неуязвимъ; гдѣ та почва, изъ которой онъ, подобно Антею, извлекаетъ новую силу; гдѣ та частичка истины, которая служитъ ему опорой; гдѣ та точка, въ которую онъ можетъ быть пораженъ на смерть? На эти то вопросы я и намѣренъ отвѣчать; но, для большей ясности, считаю не лишнимъ предпослать нѣкоторыя историческія данныя.

Въ исторіи образованнаго европейскаго человѣчества мы должны различать два періода, одинъ другому противоположные. Первый періодъ—это греческо-римская древность, съ предшествовавшими ей египетскими и ассирійско-вавилонскими попытками культуры. Второй періодъ—новое время, отъ начала такъ называемаго возрожденія наукъ въ XIII столѣтіи. *Беконъ* весьма справедливо замѣчаетъ въ своемъ Novum Organon (I, 78): «не только на поверхности земли, но и въ исторіи существуютъ пустыни и степи». Такую пустыню между этими обоими періодами составляетъ переселеніе народовъ и средніе вѣка. Въ этотъ промежутокъ человѣческій духъ измѣнился во многихъ отношеніяхъ. Я не буду повторять то, что объ этомъ уже писано и печатано, а обращу вниманіе только на одинъ предметъ, который, какъ

мнѣ кажется, или вовсе не тронутъ, или, покрайней мѣрѣ, недостаточно объясненъ.

Въ древности человѣческій духъ развивался свободно и безпрепятственно во всѣ стороны. Человѣкъ пытался всѣми способами и во всѣхъ направленіяхъ сознать заключавшіяся въ его духѣ сокровища представленій, стремленій, познаваній и идей. Одинъ возставалъ противъ другаго, но не посредствомъ правильно устроенной полемики, а принимая отъ него то, что̀ онъ находилъ хорошимъ, и исправляя то что̀ ему казалось ошибочнымъ. До *Аристотеля* не было даже оружія для боя: стройной логики и діалектики. И позже еще, даже самимъ Аристотелемъ, употреблялось это средство болѣе для того, чтобъ собственныя воззрѣнія яснѣе развить, нежели нападать и опровергать мыслящихъ иначе. Истину искали путями правильными и ложными, но никому въ голову не приходило другому мѣшать или препятствовать въ этой работѣ, потому-что всѣ искали; никого не считали владѣющимъ истиной; окончательное рѣшеніе предоставлялось, какъ и слѣдуетъ, времени. Неизбѣжно-опредѣленная и стройная общность людей въ государствѣ требовала только повиновенія *существующему* закону, но не признанія, что онъ совершенъ и превыше критики.

Но, кажется, тогдашнее человѣчество отъ этой работы,—завоевать область духовной жизни и положить въ ней основы человѣческой жизни въ обществѣ,—духовно и физически обезсилѣло. Нравственность между руководящими высшими сословіями утратилась совершенно; необыкновенный развратъ, роскошь и сластолюбіе довели до полнаго разслабленія. Учители мудрости превратились въ блюдолизовъ и льстецовъ; всякій напряженный трудъ, именно математика, эта серьозная школа для ума, былъ брошенъ, ка̀къ то̀ ясно видно изъ сообщенныхъ *Сенеккой* свѣдѣній, изъ сатиръ *Горація*, *Ювенала* и пр.

Около этого времени могучія движенія дотолѣ невѣдомыхъ, среди Азіи обитавшихъ народовъ, достигли до запада Европы. Здоровыя, сильныя, отъ природы способныя, но необразованныя массы народовъ, какъ-бы отдѣльными волнами, ринулись съ Сѣвера и Востока на цивилизованный міръ, разрушая и грабя на своемъ пути. Такъ-какъ Римъ, въ послѣднее время своего существованія, уничтожилъ и поглотилъ въ себя самостоятельность всѣхъ государствъ тогдашняго образованнаго міра, то онъ тотчасъ же по появленіи новыхъ народовъ былъ вовлеченъ въ борьбу съ ними, въ которой онъ только на короткое время могъ еще продлить свое существованіе, пока наконецъ новые пришельцы совершенно замѣстили древніе народы и, смѣнивъ ихъ, продолжали исторію человѣчества.

Преобладаніе римской имперіи превратило и всю древнюю образованность въ одно солидарное единство; нападеніе на государство было въ то же время нападеніемъ и на всѣ духовныя пріобрѣтенія; всѣ сознавали необходимость спасти и сохранить добытыя вѣками духовныя сокровища отъ мнимаго варварства вторгавшихся народовъ. Въ этомъ, кажется мнѣ, кроется причина того, иначе почти необъяснимаго явленія, которымъ отличалась почти цѣлое тысячелѣтіе продолжавшаяся борьба древняго и новаго міра. Я говорю о кодификаціи всѣхъ духовныхъ сокровищъ человѣчества, которой нѣтъ и слѣда въ древнемъ мірѣ. *Евреи* собрали и завершили свой канонъ; имъ послѣдовали *Христіане*, и этимъ, казалось, предохранились, покрайней мѣрѣ, важнѣйшія пріобрѣтенія въ области нравственной и религіозной жизни, отъ совершенной утраты. Вскорѣ потомъ явилась потребность заняться собраніемъ и установленіемъ всего, что̀ касалось соціальнаго устройства, государственной и юридической жизни. Изъ юстиніанова Corpus juris христіане почерпали рѣшенія соотвѣтственныхъ ему во-

просовъ, а Евреи изъ завершеннаго *Талмуда*. Наконецъ, въ исходѣ этого безпорядочнаго періода кодифицированы, въ особенности трудами Аравитянъ, и всѣ прочія отрасли наукъ, чрезъ собраніе, обработку и распространеніе *аристотелева* канона. Такимъ образомъ, итогомъ всей духовной собственности человѣчества стали: въ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ *Библія*, въ государственныхъ и юридическихъ дѣлахъ—Corpus juris, а во всѣхъ свѣтскихъ наукахъ—*Аристотель*.

Столѣтія должны были пройти, пока вновь появившіеся представители будущаго поустроились и начали принимать участіе въ перешедшей къ нимъ духовной образованности; а до тѣхъ поръ, въ сомнительныхъ случаяхъ, все рѣшалось по нормамъ, находившимся подъ рукой. Отъ этого выше названныя книги пріобрѣли полный авторитетъ, возвысившійся до степени неприкосновенности, святости. Такъ юстиніановъ Corpus juris, въ средніе вѣка давалъ рѣшеніе въ юридическихъ вопросахъ повсюду, даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ не былъ принятъ какъ законъ. Еще въ срединѣ XVII столѣтія писалъ Монтень: Le dieu de la science scolastique, c' est l' Aristote . . . . . . sa doctrine nous sert de loi magistrale . . . etc.—Когда іезуитъ *Шрейнеръ*, замѣтивъ пятна въ солнцѣ, сообщилъ о томъ своему пріору, этотъ отвѣчалъ ему коротко: «неправда, объ этомъ ничего нѣтъ въ Аристотелѣ». Да и *Галилеи* пострадалъ не за религіозныя убѣжденія свои, и не за открытія физическія и астрономическія, а за то, что онъ осмѣлился противорѣчить Аристотелю.

При такихъ обстоятельствахъ, въ средніе вѣка возникло, невѣдомое въ древности, предубѣжденіе въ неприкосвенную достовѣрность и превосходство содержащихся въ тѣхъ книгахъ духовныхъ пріобрѣтеній человѣчества, или, другими словами, возникъ радикальный консерватизмъ, чтобъ не ска-

зать стабилизмъ (неподвижность). Это консервативное начало, какъ сознательно принятое, существенно разнится отъ лѣнивой косности восточныхъ народовъ, у которыхъ нѣтъ побужденія къ прогресу; у насъ же, опираясь на существующее, возстали противъ стремленія идти впередъ, противъ вновь появившагося духовнаго движенія, и возстали тѣмъ рѣшительнѣе и насильственнѣе, чѣмъ больше въ теченіе среднихъ вѣковъ упомянутыя кодифицированныя пріобрѣтенія переплелись между собой и съ соціальнымъ строемъ жизни, такъ-что ни одного положенія нельзя было коснуться безъ того, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ не затронуть какого-либо лица или сословія. Отъ этого произошло то, что, съ этихъ поръ, вновь пробудившаяся духовная дѣятельность не могла ужѐ, какъ прежде у древнихъ, быть свободнымъ исканіемъ истины и нестѣсненнымъ сообщеніемъ найденнаго, а присоединилась къ тому, по необходимости, борьба съ существовавшимъ, съ принятымъ. Съ своей стороны, представители принятаго, опасаясь, отъ изслѣдованія его, ущерба своихъ эгоистическихъ выгодъ, корысти и властолюбія, и злоупотребляя находившимся въ ихъ рукахъ могуществомъ, обратились къ физическому насилію, какъ средству опроверженія и оружія противъ развитія духа, и усвоили безсмысленной силѣ пра̀во рѣшенія въ области мышленія.

Этотъ, въ средніе вѣка̀ породившійся и постепенно вошедшій въ привычку, насильственный консерватизмъ, не имѣющій ни пра̀ва, ни основанія, отравляетъ и до сихъ поръ германскую народную и государственную жизнь. Государство, по своей природѣ, не иное что̀ какъ законно-устроенная *общность* людей. И потому государственному распорядку подлежитъ только то, что̀ касается *общественной* жизни людей, слѣдоват. защита *права*, какъ противоположность индивидуальнаго насилія, распространеніе покровительства законовъ на различныхъ членовъ государства, т. е. *учреди-*

тельныя постановленія, и наконецъ формы *культа,* на сколько онъ относится до большинства. Все остальное можетъ быть задумано и исполнено частными лицами. . . . . . Такимъ образомъ правительственная власть не должна бы имѣть ни малѣйшаго вліянія въ области науки и ея истины, которыя могутъ быть пріобрѣтены и споспѣшествуемы только свободнымъ мышленіемъ и свободнымъ размѣномъ мыслей. На этихъ основаніяхъ развивались болѣе или менѣе древнія образованныя государства. Но отъ замѣшательствъ, происшедшихъ во время переселенія народовъ и въ средніе вѣка, возникло новое, странное отношеніе. Вслѣдствіе упомянутой кодификаціи и соединеннаго съ нимъ консерватизма, вся духовная жизнь человѣка перешла въ зависимость правительства, которое стало опредѣлять сколько должно учиться и знать изъ астрономіи, физики, географіи, исторіи и пр. и пыталось свои постановленія по этому предмету проводить силой. Отъ сюда возникло то противуестественное явленіе, что правительство стало въ противорѣчіе и во вражду не съ единичными нарушителями законовъ, а съ частію общества, то большею, то меньшею, чѣмъ и посѣялось первое зерно позднѣйшихъ революцій. Правительство къ величайшему вреду своему, приняло на себя распоряженіе и регламентацію въ такихъ сферахъ, которыя, по своей природѣ, всегда будутъ оставаться ему чуждыми и стремиться свергнуть съ себя его иго, и гдѣ, наконецъ, знанія и сужденія частныхъ представителей превосходятъ знанія и сужденія правительственной власти. По мнѣнію моему, вся борьба въ новѣйшее время, столь богатое революціями и благоразумными реформами, идетъ главнѣйшимъ образомъ изъ за того, чтобы правительство освободить отъ такого неестественнаго бремени.

Начало новаго духовнаго развитія относятъ обыкновенно къ церковной реформаціи *Виклефа* (1334—84), *Гусса* (1373—

1415), *Лютера* (1483—1546), *Цвингли* (1484—1531), *Кальвина* (1509—64) и пр. Мнѣ кажется, это не такъ. Если мы взглянемъ на сущность дѣла, а не на внѣшнюю обстановку, то увидимъ въ церковной реформаціи самое назначительное явленіе новаго времени; она приняла бы въ Германіи совершенно другія и болѣе мирныя формы, еслибъ нелѣпая игра *Оттоновъ* въ императоры не предала нѣмецкую церковь въ руки деспотизма римскаго епископа и присвоеннаго имъ себѣ самовластія. Такъ-какъ этимъ было затронуто множество матеріальныхъ интересовъ, то церковная реформація приняла видъ революціи, возстанія противъ существовавшихъ гражданскихъ и государственныхъ порядковъ, и въ этихъ отношеніяхъ, конечно, пріобрѣла значеніе . . . . Настоящій духъ новаго времени развивался, повидимому, вдали отъ области церковной и правительственной, именно въ борьбѣ съ *аристотелевымъ* канономъ, съ немѐньшимъ упорствомъ, не мѐньшимъ ожесточеніемъ. Выработанный въ схоластику *Аристотель* служилъ, конечно, главной опорой церковному правовѣрію, почему всякое нападеніе на *Аристотеля* церковь считала своимъ дѣломъ. Еще въ 1650 году знаменитый астрономъ *Ричіоли*, въ своемъ новомъ *Альмагестѣ*, упрекалъ *Кепплера* за то, что онъ свои ученія выводилъ не изъ Аристолеля и сочиненій древнихъ, а изъ наблюденія фактовъ.—Вотъ это и составляетъ центральную точку, о которой идетъ дѣло во всѣхъ дальнѣйшихъ, къ нашей цѣли ведущихъ, разсужденіяхъ.

Два обстоятельства въ XIV и XV вѣкахъ возбудили болѣе всего новую мысль и опредѣлили ея первое направленіе. Фанатизмъ и жадность къ золоту Испанцевъ направили корабли *Колумба* на западъ и—европейскому міру открылась своеобразная, дотолѣ невѣдомая, другая половина земнаго шара. Суевѣрное поклоненіе астрологіи со стороны европейскихъ предержателей власти вооружило глаза придвор-

ныхъ астрологовъ аппаратами, посредствомъ которыхъ они открыли совершенно новый міръ на небѣ и совершенно новый міровой порядокъ. Оба событія соединились какъ-бы нарочно для того, чтобъ духу человѣчества дать такое направленіе, гдѣ онъ нашелъ истинныя естественныя науки, или, лучше сказать, индуктивный методъ, безъ котораго онѣ не болѣе какъ недостовѣрныя мнѣнія частныхъ лицъ. Можно сказать, что *Галилеи* былъ настоящій изобрѣтатель индуктивнаго метода и, по принципу, противникъ Аристотеля, что *Кеплеръ* подалъ первый примѣръ достоинства этого метода въ открытіи своихъ законовъ, и что, наконецъ, ученія *Бекона Веруламскаго*, поддерживаемыя великой и сильной націей, и удачно дополненныя соотечественникомъ его *Ньютономъ*, положили основаніе торжеству индуктивнаго метода.

Что̀ такое индуктивный методъ? Онъ состоитъ въ томъ, что опирается 1) на *постиженіе* (Wahrnehmen), т. е. на случайное пониманіе (Auffassung) случайнаго факта; 2) на *наблюденіе* (Beobachtung), т. е. на преднамѣренное пониманіе случайно представляющихся фактовъ; 3) на *опытъ*, т. е. на наблюденіе преднамѣренно подготовленныхъ фактовъ, и наконецъ, 4) на *дознаніе* (Erfahrung), т. е. на общность пониманія фактовъ подъ правильной формой ихъ явленія (*). Изъ всего этого, чрезъ расположеніе, анализъ, заключеніе и другія логическія пособія, при содѣйствіи *математики* и *руководящихъ правилъ*, т. е. ужѐ бо̀льшею частію Ньютономъ установленныхъ—какъ нача̀ла естествовѣдѣнія—метафизическихъ основныхъ положеній, онъ выводитъ *естественные законы*, которымъ подчинены факты.—Своею неопровержимостію фактовъ, неотразимою стойкостію логики и математики, неприкосновенною ясностію метафизиче-

(*) Фактъ самъ по себѣ не составляетъ еще дознанія (Erfahrung).

скихъ положеній, этотъ методъ имѣетъ такую увѣренность въ себѣ, которая одна и доставила ему возможность вступить въ борьбу съ принятымъ, и побѣдоносно устоять противъ него. Этимъ методомъ обозначился характеръ новаго времени; въ немъ находилась та великая сила, которая все существующее спокойно, по законамъ истины преобразуетъ, или—при слишкомъ продолжительномъ противодѣйствіи—непремѣнно все разрушитъ. Бла̀го народамъ, могущимъ идти по первому пути.

Наше разсужденіе даетъ совсѣмъ другое воззрѣніе на великое духовное развитіе въ концѣ среднихъ вѣковъ, нежели какое обыкновенно мы находимъ въ нашихъ историческихъ книгахъ; совершенно другой видъ представляютъ событія, если мы будемъ измѣрять ихъ масштабомъ исторіи человѣчества по тысячелѣтіямъ, чѣмъ смотрѣть на нихъ съ ограниченной точки одной какой-либо страны или одного народа и сравнительно съ однимъ или немногими поколѣніями. Тогда «главныя и государственныя дѣла» перестаютъ имѣть значеніе; цари и герои, съ ихъ мнимыми великими дѣяніями, изчезаютъ изъ глазъ и, наконецъ, изъ памяти,—и, какъ блестящія звѣзды, выступаютъ изъ мрака прошедшаго на встрѣчу намъ только тѣ великіе изобрѣтатели въ области мысли, которые содѣйствовали успѣшному развитію духовнаго просвѣщенія . . . . . Что̀ можетъ быть важнѣе въ исторіи философіи, какъ паденіе исключительнаго преобладанія *Аристотеля*, которое произвели *Галилеи* и *Кеплеръ*, *Беконъ* и *Ньютонъ?*

Но обратимся къ нашему главному предмету. Въ исторіи человѣчества едвали есть явленіе, которое можно бы хоть приблизительно понять, не изучивъ, ка̀къ оно исторически выработалось изъ предшествовавшихъ ему условій, изъ прежняго хода развитія человѣчества и при извѣстныхъ, споспѣшествующихъ или стѣсняющихъ, обстоятельствахъ

его проявленія; но и при всемъ этомъ, мы тогда только поймемъ вѣрно, когда, съ полнымъ уваженіемъ къ частному, намъ удастся отрѣшиться отъ него, и предлежащее событіе будемъ разсматривать какъ-бы въ далекой перспективѣ и во всеобщихъ отношеніяхъ его ко всѣму человѣческому развитію . . . .

Мы сказали уже, что *Ньютонъ* завершилъ основное установленіе индуктивнаго метода; онъ изложилъ руководящія положенія, въ своихъ началахъ натуральной философіи, такъ ясно и отчетливо, что онѣ тотчасъ же приняты были главнѣйшими дѣятелями въ индуктивныхъ наукахъ, астрономами и физико-математиками, за столько же достовѣрныя, какъ эвклидовы аксіомы. Однакожъ, много времени прошло, пока этотъ вѣрный методъ вошелъ въ употребленіе и въ другихъ естественно - научныхъ дисциплинахъ. Германія должна была еще осилить лихорадочную горячку *Шеллинговыхъ* нелѣпостей, прежде чѣмъ въ химіи и физіологіи она попала на вѣрный путь, хотя, впрочемъ, боли той болѣзни и теперь еще невполнѣ преодолѣны. . . . . До сихъ поръ есть еще у насъ естествоиспытатели, которые слѣдуютъ новому методу болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, о методѣ вообще имѣютъ очень темныя, спутанныя понятія, и отъ точнаго духа ньютонова еще очень далеки; еще менѣе проникъ этотъ духъ къ такъ-называемымъ философамъ нашего времени, которыхъ положеніе—поверхностностію *Шеллинга*, невѣжествомъ *Гегеля* (*)—сдвинуто съ правильнаго мѣста и которые не даютъ себѣ труда исправить этотъ недостатокъ основательнымъ изученіемъ реальныхъ наукъ.

Отъ чего же этотъ методъ, съ самаго начала его прило-

(*) См. Шлейдена «Schelling's und Hegel's Verhältniss zur Naturwissenschaft».

женія и до сихъ поръ оправдавшій себя такими блистательными успѣхами, прокладывалъ себѣ дорогу такъ медленно, что и теперь, почти чрезъ 300 лѣтъ, не составляетъ еще вполнѣ признанной и неоспоримой собственности человѣчества? На это можно отвѣчать: единственно отъ одностороннягo пониманія и приложенія этого метода. Человѣкъ *единъ* и потому онъ долженъ—какъ цѣлое — изучать предметы; природа—*едина* и потому есть только *одна* естественная наука. Раздѣленіе на различныя дисциплины послѣдовало только отъ удобства раздѣленія труда, но объективно не имѣетъ никакого значенія. Что̀ вы подумали бы объ астрономѣ, не знающемъ ни математики, ни оптики; что̀ о химикѣ, не имѣющемъ свѣдѣній въ физикѣ? Можно съ достовѣрностію предсказать, что всѣ добытые ими результаты будутъ висѣть на воздухѣ, или просто будутъ ложны. Въ совершенно такомъ положеніи находятся всѣ тѣ естествоиспытатели, которые не хотятъ знать науку духа, философію.

Я упомянулъ уже, что два особыя обстоятельства заставили вновь пробудившійся духъ человѣчества прежде всего испытать свои силы въ изученіи природы. Объяснимся нѣсколько подробнѣе. Если мы назовемъ природой все, что̀ входитъ въ наше сознаніе вслѣдствіе чувственныхъ возбужденій, что̀—чрезъ это возбужденіе — непосредственно становится предметомъ нашего постиженія и наблюденія, то здѣсь представляется само собой различіе, коснется ли возбужденіе внѣшнихъ чувствъ, или только—вслѣдствіе извѣстныхъ возбужденій мозговыхъ волоконъ—войдутъ въ наше сознаніе внутреннія дѣятельности и измѣненія. Мы должны различать внутреннюю и внѣшнюю природу; къ обѣимъ равно относится человѣкъ какъ *испытующее* существо; обѣ *вмѣстѣ* онѣ составляютъ *единый міръ* явленій, единую природу.—Сначала, къ сожалѣнію, занялись только внѣшнею

природой, составили только для нея методы, не замѣчая, что она одна, сама по себѣ, совсѣмъ не существуетъ и существовать не можетъ; что методъ для внутренней природы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, смотря по различію вступленія въ эту область, долженъ быть и различно измѣненъ, однакожъ, все-таки примѣненъ и вполнѣ проведенъ, если хотите, чтобъ система человѣческаго познаванія имѣла внутреннюю устойчивость и достовѣрность.—Отъ такой односторонности появились странныя затрудненія. Говорили о субстанціи, силѣ, причинѣ, дѣйствіи, законахъ и пр. и пр. не думая, что эти понятія не суть предметы внѣшнихъ чувственныхъ воззрѣній и никогда ими быть не могутъ, и что, между тѣмъ, вся достовѣрность науки о внѣшней природѣ основывается на употребленіи, и именно правильномъ употребленіи этихъ понятій. Довольствовались ясностію математическихъ основныхъ положеній, но не спрашивали откуда проистекаетъ эта ясность; чувствовали себя неопровержимыми въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ основныхъ положеній до труднѣйшихъ, крайнихъ предѣловъ человѣческаго пониманія, но не разсматривали откуда является такая вѣрность въ развитіи.—Этотъ пробѣлъ старались восполнить именно математики и физики, а не такъ называемые чистые философы. Я не могу здѣсь излагать вполнѣ исторію философіи, но назову только лучшихъ, руководящихъ ея дѣятелей. Прежде всѣхъ упомяну о *Декартѣ*, который въ область своихъ изслѣдованій ввелъ также метафизическія понятія и положенія, требуя и для нихъ, по примѣру естественныхъ наукъ, твердое объоснованіе и логическій выводъ. Это повело тотчасъ же къ необходимости имѣть теорію человѣческаго познаванія (Erkenntniss), какъ единое возможно-вѣрное ручательство познаваній во всѣхъ сферахъ духовной жизни. *Гоббсъ* пытался идти чисто-ма-

тематическимъ путемъ, но не нашелъ вѣрныхъ эмпирическихъ оснований. Недостаточность его результатовъ обратила *Локка* къ строгой эмпирикѣ; однакожъ, по причинѣ своего предубѣжденія въ пользу чувственнаго происхожденія всѣхъ нашихъ познаваній, онъ остановился на полудорогѣ.

Противъ него, философскаго мыслителя, возсталъ знаменитый математикъ и физикъ *Лейбницъ*, доказывая, что несомнѣнно существуютъ познанія, которыя возникаютъ не изъ опытности, но зараждаются въ человѣческомъ духѣ. Что начало причинности (Bewirkung) выведено не изъ опытности и не могло быть оттуда выведено, это, несвѣдущему въ естественныхъ наукахъ, философу могъ сказать только точный, но, конечно, глубокомысленный естествоиспытатель, который по опыту зналъ, гдѣ и ка̀къ примѣнять это нача̀ло. Изслѣдованія *Лейбница* возбудили опять старинный спорный вопросъ о прирожденныхъ идеяхъ, который, будучи неправильно поставленъ, рѣшался такъ или иначе, но всегда неокончательно.—Послѣдователь Лейбница *Хр. Вольфъ*, хотя и превратилъ философію, чрезъ свой такъ - называемый математическій методъ, въ пустой схоластическій формализмъ, прямо противоположный беконову методу, но былъ покрайней мѣрѣ тѣмъ полезенъ, что пріучалъ своихъ учениковъ къ строго-формальной логикѣ, что̀ впослѣдствіи пригодилось *Канту*.

Кантъ нашелъ публику уже подготовленною къ тому, чтобы безъ слишкомъ напряженнаго усилія слѣдовать за его строго - научными изслѣдованіями и развитіями, чему и слѣдуетъ приписать его всеобщую извѣстность.—*Кантъ*, подобно *Декарту* и *Лейбницу*, математикой, астрономіей и естественными науками основательно приготовленный умъ, исполинъ въ положительныхъ знаніяхъ сравнительно съ нашими новѣйшими философскими блуждающими огонь-

ками, первый далъ правильный отвѣтъ на выше приведенный вопросъ, сдѣлавъ различіе между *происхожденіемъ* и *началомъ* нашихъ познаваній. Всякое познаваніе хотя *начинается* отъ чувственнаго возбужденія, но не всѣ *происходятъ* изъ него; ибо существуютъ формы, которыя даны организаціею нашего разума, привносятся нами къ чувственнымъ возбужденіямъ и сознаются нами только при случаѣ этихъ возбужденій. Эти формы доказаны имъ вполнѣ въ его трансцендентальной эстетикѣ (понятія о *пространствѣ* и *времени*), и трансцендентальномъ руководствѣ *(категоріи)*. Онъ дошелъ до этихъ открытій чрезъ приложеніе выше объясненнаго метода внѣшнихъ естественныхъ наукъ къ предметамъ внутренней опытности, но измѣнилъ его тѣмъ, что не имѣющую здѣсь мѣста математику вовсе исключилъ, доказавъ зависимость математики отъ упомянутыхъ, въ человѣческомъ духѣ пребывающихъ формъ познаванія. Математика, какъ наука о *величинахъ*, объ *измѣримомъ*, предполагаетъ ихъ напередъ данными; *непосредственно* измѣримо *только* пространство, а *посредственно* только то, что̀ можно признать за функцію движенія, т. е. измѣримыхъ пространственныхъ величинъ, каково̀ *время*; все же, что̀ не относится и не можетъ быть отнесено къ пространству, каковы всѣ познаванія изъ внутренней опытности, не терпятъ приложенія математики. Этимъ самымъ отвергнуты и всѣ мечтанія о математической психологіи.

Кантъ назвалъ свой методъ *критическимъ;* онъ, какъ мы видѣли, то̀ же что̀ методъ внѣшней естественной науки, съ исключеніемъ математики. Философствовать безъ него столько же нелѣпо, какъ заниматься естественными науками безъ индуктивнаго метода. Подобно тому, какъ этотъ послѣдній отъ чувственно-постигнутыхъ фактовъ логически-вѣрно ведетъ къ чувственно - непостижимому

закону, такъ и методъ критическій отъ непосредственно постигнутыхъ фактовъ внутренней опытности ведетъ къ метафизическимъ основнымъ положеніямъ, господствующимъ и надъ естественными науками, и къ идеямъ «душа, свобода, Богъ», выходящимъ за предѣлы всякой естественной науки.

Но *Кантъ* не былъ въ состояніи сдѣлать больше, чѣмъ сколько возможно вообще одному человѣку. Что̀ могучая сила въ продолженіе одной человѣческой жизни можетъ совершить, то̀ онъ совершилъ, но этого было далеко недостаточно для полнаго развитія и примѣненія естественно-научнаго метода—на сколько это вообще возможно—къ внутренней опытности. Самъ *Кантъ* примѣнялъ этотъ методъ болѣе ощупью, чѣмъ сознательно и основно. Восполненіе и завершеніе критическаго метода, вѣрную характеристику его, какъ логически-послѣдовательнаго развитія на эмпирико-психологическомъ основаніи, словомъ сказать: теорію къ найденнымъ Кантомъ законамъ, далъ намъ единственный, дѣйствительный ученикъ и наслѣдникъ *Канта*, *Фрисъ* (Fries), подобно своему учителю основательно подготовленный въ математико-астрономическихъ наукахъ, и далъ эту теорію въ такой оконченности, что ученику его, также математико-астрономически образованному, *Апельту*, оставалось только немногое дополнить и исправить, для того, чтобъ въ своей «метафизикѣ» все построеніе теоріи человѣческаго познаванія поставить такъ твердо и вѣрно, ка̀къ то прежде считалось возможнымъ только относительно математики, которая теперь и сама, составляя часть познавательной теоріи, чрезъ нее получила дѣйствительную, а не ипотезическую, достовѣрность . . . . .

. . . .

Всѣ великіе, истинно-полезные мыслители были всегда математики или основательно изучившіе математику. Я назо-

ву только *Пиѳагора*, *Платона*, *Аристотеля*, *Галилеи*, *Кепплера*, *Ньютона*, *Декарта*, *Спинозу*, *Лейбница*, *Канта*, *Фриса*, *Апельта*. Математико-логическое ученіе *Лейбницо-Вольфовой* школы подготовило почву для *Канта*, отъ чего онъ и сдѣлался такъ скоро извѣстнымъ и заслужилъ такую славу. Впрочемъ, было бы настоящее чудо, еслибъ *Кантъ*, «*Кеплеръ философіи*» испыталъ иную участь, чѣмъ *Кепплеръ* самъ, или, еслибъ за всеобщею извѣстностью нашего «Кепплера философіи» послѣдовала тотчасъ всеобщая извѣстность его «*Ньютона*,»—*Фриса* (*Апельта* метафизику можно бы сравнить съ небесной механикой *Лапласа*). Прошло сто лѣтъ прежде, чѣмъ индуктивный методъ *Галилеи* и *Кепплера* водворился вполнѣ въ естественныхъ наукахъ; критическій методъ *Канта*, по законамъ развитія человѣчества, не могъ ожидать лучшей участи . . . . . Къ этому присоединилось еще и замѣчательное историческое событіе. Духовная дѣятельность *Канта* окончилась въ срединѣ послѣднихъ 10-ти лѣтъ прошедшаго столѣтія, и затѣмъ, для средней Европы, въ особенности для Германіи, настало время, когда нить духовнаго развитія должна была порваться въ цѣлой націи, и когда свѣтлое пламя науки, за исключеніемъ немногихъ искръ, тлѣвшихъ подъ пепломъ, должно было угаснуть. Внѣшній гнётъ на всѣ жизненныя отношенія до того усилился, что подавилъ всякую мысль и, наконецъ, дойдя до крайнихъ предѣловъ, вызвалъ могучую реакцію, которая въ 1813—1816 годахъ его сбросила.

Цѣлое поколѣніе болѣзненно просуществовало подъ этимъ гнетомъ; юношество, возросшее между тѣмъ въ новое поколѣніе, подняло оружіе въ 1813—1815 годахъ, для освобожденія отечества отъ чужеземнаго деспотизма, и—по восторжествованіи надъ врагомъ—устремилось въ высшія ученыя заведенія, чтобы поспѣшнымъ выслушаніемъ факультетскихъ курсовъ вознаградить потерянное время и составить себѣ поло-

женіе въ обществѣ. Но и это время было отчасти прерываемо политическими волненіями, какъ-бы отголоскомъ послѣднихъ событій. Само собой разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, о дальнѣйшей разработки пріобрѣтеній *Канта*, требующихъ спокойной и ненарушимой дѣятельности духа, не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что самъ *Кантъ* не расчитывалъ на скорое уразумѣніе и принятіе его новаго метода. Кромѣ того, по причинѣ весьма незначительнаго числа истинныхъ учениковъ *Канта* и при насущныхъ жизненныхъ заботахъ, въ 1815-мъ году онъ былъ уже почти забытъ въ народѣ. Но дѣла философіи приняли еще болѣе грустный видъ отъ одного явленія, которое, быть можетъ, находится въ связи съ предшествовавшимъ, а можетъ быть составляетъ только историческую случайность.

Ужè *Рейнгольдъ* (весьма ограниченный, почти тривіальный умъ), придерживаясь слабой стороны *Канта* и не понимая его настоящихъ важныхъ пріобрѣтеній, пытался продолжать философское мышленіе, но дошелъ при томъ до прежнихъ заблужденій, ужè *Кантомъ* опровергнутыхъ. Ему послѣдовалъ *Фихте,* сильный нравственный характеръ, но безъ логическаго образованія, безъ діалектической ловкости, безъ всякаго философскаго генія; онъ впалъ, также не понимая *Канта*, въ ошибку *Рейнгольда* и переобразовалъ её, съ неосмысленною торопливостію, въ свой пустой формализмъ «*я* и *не-я*». *Фихте* пріобрѣлъ популярное значеніе своимъ нравственнымъ вліяніемъ на возстаніе Германіи, тогда какъ его незрѣлые философскіе труды скоро забыты. Но вслѣдъ за нимъ явились два геніальные пустомели, которымъ позже мы обязаны нелѣпымъ «культомъ генія», когда мужья и жены, нагло презирая все другими задуманное и выработанное, свои неспѣлыя—какъ попало—умныя и глупыя выдумки выдавали за глубокую премуд-

рость, за новую философію, а себя или своихъ собесѣдниковъ за чайнымъ столомъ провозглашали геніями (*) . . . . .

Шеллингъ «Каліостро философіи» перевелъ Фихтево *я=не-я* въ «совершенное безразличіе субъэктивнаго и объэктивнаго» (totale Indifferenz des . . . .), и съ дерзкимъ произволомъ, лишая слова̀ ихъ реальнаго смысла, ихъ живаго значенія, построилъ изъ ничтожныхъ сравнительныхъ формулъ систему натуральной философіи, гдѣ онъ свою кроху реальнаго невѣжества выставилъ какъ философскую необходимость. Эта пошлая болтовня не касалась ни астрономіи, ни математической физики, но перепутала на нѣкоторое время органическія естественныя науки; когда же и эти освободились изъ-подъ такихъ бредней, то *Шеллингъ* сдѣлался мистагогомъ и изчезъ въ туманѣ своей философіи миѳологіи. На его мѣсто вступилъ *Гегель* и, чтобъ произвесть что-нибудь новое, свое, онъ отвергъ *Шеллинга* и выразилъ свою глубокою мудрость чрезъ «бытіе=ничто» (**). Наученный шеллинговыми печальными успѣхами и своимъ собственнымъ непріятнымъ опытомъ (астероиды открыты въ томъ самомъ году, въ которомъ появилось его философское доказательство ихъ невозможнаго существованія), *Гегель* налегъ на исторію, которую онъ испортилъ на долгое время тѣмъ, что и здѣсь всегда неизбѣжно-неполный и случайный историческій матеріалъ училъ конструировать какъ философскую

(*) Къ этому обществу геніевъ принадлежали кружки Рахили-Фарнгагенъ, Арнима и пр. Отсюда вѣчное восхваленіе Гегеля въ дневникахъ Фарнгагена фонъ Энзе и брань на берлинскую академію наукъ, которая, къ чести ея, никогда не соглашалась принять Гегеля въ число своихъ сочленовъ.

(**) Философемы, построенныя на «я=не-я», «бытіе=ничто», или на «абсолютномъ бытіи», такая точно нелѣпость, какъ математика, точкой отправленія которой служили бы выраженія «1=8» «+=—» или «абсолютное=.

необходимость. Однакожъ и исторія бросила эти глупости, а на разошедшихся путяхъ его учениковъ удержалось только глумящееся надъ здравымъ смысломъ «діалектическое движеніе мысли» и «превращеніе понятія въ противоположность», какъ отвратительная каррикатура философіи.

Характеристической чертой этого цѣлаго ряда псевдофилософовъ служитъ ихъ абсолютное невѣжество въ естественныхъ наукахъ, особенно въ математикѣ, астрономіи и математической физикѣ, именно въ наиболѣе окрѣпшихъ частяхъ человѣческаго познаванія. Безсмыслица, которою *Гегель* подчуетъ въ своей натуральной философіи, такъ велика, что она произвела бы взрывъ общаго негодованія естествоиспытателей, еслибъ кто-нибудь изъ нихъ обратилъ свое вниманіе на сумазбродства этихъ философскихъ каррикатуръ (*).

Изъ такой легкомысленной игры съ самой серьозной наукой, философіей, веденной почти однимъ *Шеллингомъ* и *Гегелемъ*, возникъ еще другой существенный вредъ, а именно, полное уничтоженіе логики. Не приготовленные изученіемъ математики, эти мнимые геніи не имѣли понятія о правильной связи представленій. Они ничего не знали ни объ опытныхъ наукахъ, ни объ ихъ методѣ; о примѣненіи же этого метода къ философіи, объ опытномъ (психологическомъ) объосновaніи логики они и знать не хотѣли, потому-что, въ противномъ случаѣ, уничтожилась бы ихъ дерзкая болтовня. . . . .

Кто не знаетъ, что научныя разработки немыслимы безъ

(*) Я долго считалъ гегелеву натуральную философію крайнимъ предѣломъ нелѣпости въ этомъ родѣ: но въ новѣйшее время «система натурализма» Левенталя дѣйствительно превзошла ее. Въ этой системѣ содержится наивысшій итогъ пустоты мысли и реальнаго невѣжества (или—что еще хуже—поверхностности).

яснаго, точнаго, чистаго языка? Кто говоритъ безсмыслицу, тотъ остерегается употреблять такой языкъ; онъ тотчасъ бы измѣнилъ говоруну. И потому эти «would be» геніи изобрѣли совершенно новый, только имъ самимъ понятный языкъ, для котораго не существовало ни грамматики, ни синтаксиса, который, однакожъ, въ словахъ и словосочиненіяхъ на столько именно звучалъ по-нѣмецки и по-латыни, чтобъ заставить толпу вѣрить. что тутъ что нибудь да есть премудрое.

Фихте, въ своемъ ученіи о наукѣ (Wissenschaftslehre), на̀чалъ ужѐ строить вавилонскую башню своимъ *я* есмь *я*, и *я* есмь *не-я*, изъ которыхъ первое выражаетъ одно и то же, а послѣднее чистѣйшую гиль. *Шеллингъ* ввелъ въ свою натуральную философію такой языкъ, который могъ означать все и ничего. При словахъ «полное безразличіе,», «полюсъ», «полярность», «сжатіе и расширеніе», должно было мыслить не то, что̀ слѣдуетъ по законамъ языка. Но великій кофта нигдѣ не соблаговолилъ указать, что̀ употребленныя имъ слова, кромѣ обыкновеннаго ихъ смысла, должны были выражать. Наконецъ, у *Гегеля* языкъ превратился въ ново-изобрѣтенный сумбуръ. Говорятъ, что *Гегель* въ молодости своей былъ великій филологъ; однакожъ, при первомъ выступленіи своемъ на литературное поприще, онъ рѣшительно осрамился, въ своей диссертаціи, грубымъ непониманіемъ одного очень простаго мѣста въ *Платонѣ*; въ первомъ же его философскомъ сочиненіи: «Феноменологія духа», тотчасъ въ разсужденіи о выраженіяхъ «здѣсь» и «теперь», выдаваемомъ часто за весьма глубокомысленное, ярко обнаружилось его совершенное безсиліе въ пониманіи и употребленіи языка. . . .

Послѣдствія такой порчи языка, психологіи, логики и метафизики, можно было легко предвидѣть. Прусская школьная полиція сдѣлала изъ *Гегеля* философскаго мессію. Такъ

называемые Гегеліанцы наводнили германскіе университеты, и то̀ чего имъ недоставало въ знаніи и глубокомысліи, они замѣнили, по примѣру ихъ учителя, высокомѣріемъ и беззстыдствомъ, заглушая своими криками и безъ того ужѐ едва слышимый голосъ истинной, и потому скромной, философіи. Пробудившіяся повсюду съ новой силой естественныя науки съ отвращеніемъ отвернулись отъ этой пустой болтовни, и между студентами вошло даже въ моду называть того глупцомъ, кто занимался философіей (*). Такимъ образомъ разорвалась та связь, которая естественно-научныя дисциплины соединяла между собой и съ общимъ духовнымъ образованіемъ, и которую основатели точныхъ естественныхъ наукъ старались какъ можно тѣснѣе скрѣпить. Обнаружилось то своеобразное явленіе новѣйшаго времени— его можно назвать специализмомъ—что каждый частный естествовѣдъ приграничивалъ себѣ бо̀льшую или мѐньшую область, и разработывалъ её, можетъ быть, съ значительнымъ успѣхомъ, но не зная общей связи всѣхъ человѣческихъ познаваній, высказывалъ узкое и спутанное сужденіе о предметахъ, не подлежавшихъ его спеціальности.

Если вы читали *Лессинга* и потомъ возмете въ руки новѣйшую книгу, то вы, конечно, замѣтите, что между ними лежитъ цѣлое столѣтіе; но нерѣдко вамъ придетъ на мысль порядокъ времени перевернуть и новую книгу отодвинуть на 100 лѣтъ за *Лессинга*: такъ теменъ и сбивчивъ языкъ, такъ спутаны и не уразумѣны всѣ понятія, такъ невѣрны и поверхностны всѣ мысли. Видно, что сочинителю новѣйшей книги никогда и въ голову не приходило отдать себѣ строгій и основательный отчетъ въ непринадлежащихъ къ его

(*) Долгомъ считаю замѣтить, что въ новѣйшее время философія снова вступила на болѣе истинный путь и я съ уваженіемъ произношу имена Вайца, Лацаруса, Штейнталя, І. Б. Мейера и др.

специальности словахъ и соединенныхъ съ ними понятiяхъ; онъ играетъ словами, не думая, что онѣ суть знаки для понятiй, что знаки и понятiя въ развитiи человѣческаго духа имѣютъ исторiю и отъ того опредѣленное значенiе, которому необходимо придерживаться, если не хотите, чтобъ всякое вразумительное сообщенiе между людьми сдѣлалось невозможнымъ. Я приведу только нѣсколько примѣровъ; нѣкоторые изъ нихъ заимствую отъ одного изъ нашихъ образованнѣйшихъ врачей и физiологовъ, отъ человѣка, котораго за подвиги по его специальной части, за доблестный характеръ и за самоотверженную дѣятельность ко благу человѣчества, я чрезвычайно уважаю. Но именно потому я и беру его въ примѣръ; ибо, если у такого человѣка во всемъ, что̀ касается философiи, логики и строго-логическаго языка, вы встрѣчаете совершенную путаницу понятiй, полное невѣдѣнiе того, что̀ уже совершено̀ въ области мышленiя, то тѣмъ вѣрнѣе можно заключить, что такой недостатокъ принадлежитъ не собственно человѣку, а времени, которое, въ продолженiе его образованiя и умственнаго развитiя не дало̀ ему возможности прослушать изъ философiи что-нибудь больше, чѣмъ пустую болтовню юнаго Гегелiанца или столько же сбивчаваго Эклектика. Я говорю о *Фирховѣ*.

Въ его «Vier Reden über Leben und Kranksein, 1862» сказано на стр. 5: «Если не хотите углубиться въ темныя и произвольныя мечтанiя, то вы должны понятiе о *жизни* прилагать единственно къ существамъ *живымъ*».—Какова̂ премудрость! Только живое живетъ! Но такая пустозвонная тавтологiя происходитъ только отъ недостатка логической строгости въ мысли и языкѣ. *Фирховъ* хочетъ вотъ что̀ сказать: какъ въ планетной системѣ, такъ равно въ растенiяхъ и животныхъ мы замѣчаемъ причины и дѣйствiя, однакожъ, явленiя въ животныхъ и растенiяхъ такъ своеобразно сложны и многоразличны, что кажется цѣлесообразнымъ

означить ихъ особымъ словомъ и для того усвоить имъ слово жизнь.—Конечно, на стр. 12 это различеніе ужѐ забыто, ибо здѣсь говорится: «напрасно трудятся между жизнью и механикой найти противоположность». Какова̀ логика!

Стр. 24. «Законъ имѣющій силу, планъ имѣющій собственную дѣятельность — вотъ субстанція». Здѣсь почти каждое слово не имѣетъ смысла. Законъ (необходимую форму вершенія — des Geschehens) вооружить силой, плану (напр. плану зданія) придать *собственную* дѣятельность,— да это превосходитъ почти все, что еле-еле мыслящая голова можетъ перенесть, и наконецъ оба выраженія обратить въ дефиницію субстанціи—это такъ необычайно, что я бьюсь объ закладъ на какую сумму угодно, если *Фирховъ* покажетъ мнѣ у какого-нибудь, хоть нѣсколько яснаго мыслителя изъ цѣлой всемірной исторіи (исключая *Гегеля*, способнаго ко всякой безсмыслицѣ) оригиналъ такой дефиниціи.

Стр. 26. «Совершенно все равно, будемъ ли разсматривать органическое или неорганическое *творчество* (Schaffen). Въ немъ не узнается ни *spiritus rector*, ни *жизненный*, ни *водный*, ни *огненный духъ*. Повсюду только *механическое дѣйствіе* въ безпрерывной необходимости der Verursachung und Bewirkung (причиненія и причиняемости?). *Планъ* заключается въ тѣлахъ, *идеальное* въ реальномъ, *сила* въ веществѣ. Здѣсь нѣтъ другаго раздѣленія какъ только въ представленіи: въ дѣйствительности и то и другое находится въ совокупности, совершенно недѣлимо и пр.» Одно ли и то же «творчество» и «механическое дѣйствіе?»—«Spiritus rector, водяной духъ, огненный духъ, планъ, идеальное, сила»—развѣ всѣ эти слова такъ тождественны, что ихъ стоитъ только перемѣшать, чтобъ онѣ имѣли общую солидарность? Развѣ Verursachung и Bewirkung не одно и то же? Во всѣхъ нѣмецкихъ словаряхъ verursachen означаетъ су-

щественно тоже что и bewirken (причинить). *Фирховъ* хотѣлъ, конечно, сказать: «въ необходимости послѣдствій причины и дѣйствія». Далѣе: «раздѣленіе того въ представленіи, что въ дѣйствительности находится въ совокупности». Для чего же, въ самомъ дѣлѣ, астрономы отдѣляютъ планеты отъ солнцъ, тяготѣніе отъ массы, скорость отъ пространства, которыя въ дѣйствительности находятся всегда въ совокупности? Для чего различаютъ физическій, химическій процессъ, нервную дѣятельность, которыя въ дѣйствительности всегда встрѣчаются вмѣстѣ въ организмѣ? Просто для того, что если мы не будемъ различать разное и даже разныя стороны одной и той же вещи, то мы никогда не дойдемъ до истиннаго познанія, а будемъ только по-пустому разглагольствовать. Такимъ именно *различеніемъ* разнаго въ *представленіи* высказывается *точный* естествовѣдъ, между тѣмъ какъ отъ смѣшенія выходитъ только мистическій мечтатель. Но *Фирховъ*, дѣйствительно, не знаетъ *что именно* всѣми этими словами онъ *опредѣляетъ,* какія положительныя или хотя сколько-нибудь ясныя понятія съ ними соединяетъ, еще менѣе предчувствуетъ онъ гдѣ и какъ въ духовной жизни человѣка эти понятія возникаютъ . . . . . Ему недостаетъ знанія антропологіи, антропологической логики и метафизики.

Замѣчательная путаница въ безпрерывныхъ противорѣчіяхъ обнаруживается у *Фирхова*, если сравнимъ страницы 13, 21, 48 относительно понятій: «причинность (Causalität), необходимость, законъ, свобода, саморѣшеніе.» Ни объ одномъ изъ этихъ словъ не дано *Фирховымъ* яснаго понятія. Замѣтно тотчасъ, что *Фирхову* неизвѣстно какъ объ этихъ понятіяхъ мыслили *Платонъ* и *Аристотель*, знаменитѣйшіе умы всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и что ими, для объясненія этихъ понятій, уже сдѣлано. И наконецъ, сверхъ многаго другаго, что показываетъ полное незнаніе *Фирхо-*

вымъ исторіи философіи, онъ говоритъ, на стр. 58: «у всѣхъ нашихъ философовъ тѣ отдѣлы самые слабые, гдѣ они трактуютъ о философіи природы». Знаетъ-ли Фирховъ что-нибудь изъ *Канта*, напр. его метафизическія начала естественной науки,—изъ *Канта*, который совмѣщалъ въ себѣ всю систематику и естественную науку своего времени? Конечно, не знаетъ; иначе онъ не разсуждалъ бы такъ легкомысленно.—Слышалъ-ли *Фирховъ* что-нибудь о математической натуральной философіи *Фриса*? Когда я посѣщалъ геттингенскій университетъ (1830—34), одинъ изъ отличныхъ студентовъ пришелъ къ *Гауссу* и, увидѣвъ на его столѣ упомянутую книгу, сказалъ: «не уже-ли вы, г. профессоръ, занимаетесь такою философской путаницей?» *Гауссъ* отвѣчалъ ему очень серьозно: «молодой человѣкъ, если вы въ ваши три года достигнете того, что будете въ состояніи цѣнить эту книгу по достоинству и разумѣть ее, то вы употребили ваше время лучше, чѣмъ многіе изъ вашихъ товарищей».—Признаетъ-ли *Фирховъ* авторитетъ *Гаусса* въ естественно-научныхъ вопросахъ?—Если такой человѣкъ, какъ *Фирховъ*, можетъ такъ ошибаться, то чего можно ожидать отъ другихъ?

Да будетъ мнѣ позволено привесть еще нѣсколько примѣровъ, для доказательства всеобщности отсутствія основательныхъ знаній. Вотъ г. Струве, въ сочиненіи своемъ Zur Entstehung der Seele, 1862, «высказываетъ на стр. VII слѣдующую премудрость: «человѣкъ можетъ только то познавать, что̀ соотвѣтствуетъ его объэктивному природному расположенію».—Не говоря уже о томъ, что это аподиктическое изреченіе во *всѣхъ* отношеніяхъ выхвачено изъ воздуха, имѣетъ-ли оно, по переводѣ на честный нѣмецкій языкъ, иной смыслъ, какъ тотъ, что человѣкъ можетъ познавать только то̀, что̀ онъ можетъ познавать. Не тривіальная-ли это тавтологія!

Или, тамъ же: «человѣкъ не абсолютенъ, и потому, въ своей конечности, онъ не можетъ постигать абсолютное».— Человѣкъ не абсолютенъ? Что̀ же значитъ здѣсь—не абсолютенъ? Ничего, потому-что слово «абсолютенъ» выражаетъ только относительное понятіе (ка̀къ, напр. степени сравнительная и превосходная), которое безъ того, къ чему оно относится, ничего не означаетъ. Конечно, человѣкъ «абсолютенъ,» т. е. онъ абсолютно человѣкъ. И почему же онъ, не будучи самъ абсолютнымъ, не можетъ постигать абсолютное? Не значитъ-ли это, что человѣкъ не растеніе, не звѣрь, не планета и пр. и потому, какъ человѣкъ, не можетъ онъ постигнуть растеніе и пр. Все это фразы и фразы, а смысла нѣтъ и слѣда.

Далѣе: «въ глубокихъ законахъ природы обнаруживается безусловно духовная потенція»; «духъ—это потенціальное (вторая или третья потенція?) возвышеніе и усиленное развитіе существующихъ силъ природы».—Что̀ это, какъ не слова̀, поставленныя однѣ подлѣ другихъ, безъ всякаго смысла?

Еще далѣе идетъ рѣчь о «феноменальныхъ явленіяхъ»; отъ чего не о «ботаническихъ растеніяхъ» или «зоологическихъ родахъ животныхъ и т. д.».

Приведенная въ началѣ этой статьи фраза изъ *Молешота:* «человѣкъ есть *итогъ* его родителей и кормилицы, мѣста и времени и пр.» принадлежитъ также къ этому разряду. Не открылъ ли *Молешотъ* искусство слагать 3 яблока и 5 зайцевъ, или мы должны указать ему на первоначальную азбуку точности, т. е. на 4 первыя правила ариѳметики, гдѣ онъ можетъ узнать что̀ такое значитъ *итогъ*?—Столько же неудачно и неточно употребляетъ *К. Фохтъ*, въ выше приведенномъ его предложеніи, слово *продуктъ* (результатъ изъ соединенія *всѣхъ* факторовъ).

Но довольно; я могъ бы легко набрать тысячи примѣровъ,

еслибъ это стоило труда. Таковы печальныя послѣдствія ложно употребленной юности или, лучше сказать, несчастіе, преслѣдующее тѣхъ, у кого жалкая псевдофилософія не допустила здороваго и полнаго развитія способности мышленія, или возбудила къ нему ненависть.

Если мы еще разъ обратимъ свой взоръ на прошедшее, то увидимъ новое возрожденіе человѣческаго духа прежде всего въ области науки о внѣшней природѣ. Новое должно было, противъ принятаго, завоевать свое значеніе, и потому оно изобрѣтаетъ свой методъ объоснованія выводовъ изъ непосредственно и первоначально достовѣрной опытности. Хотя этотъ методъ постепенно распространяется во всей области человѣческой духовной жизни, однакожъ, есть время, когда онъ имѣетъ значеніе только въ области внѣшней природы, именно время *Декарта*, *Ньютона* и *Лейбница*. Всѣ эти мужи были естествоиспытатели, великіе естествоиспытатели, строгой, точной, математической школы, но при всемъ томъ никто изъ нихъ не былъ матеріалистъ. И это отъ того, что они, вполнѣ и всесторонно духовно-развитые, хотя и не могли сами найти способа къ перенесенію новаго метода въ другія области познанія, однакожъ, знали и признавали эти другія области дѣйствительно существующими. Они не касались ихъ, предоставляя ихъ будущему изслѣдованію; но имъ очень хорошо извѣстно было, что одна ихъ область далеко не составляетъ *полнаго* знанія. Именно они были тѣ строго-точные естествоиспытатели, которые видѣли куда ихъ инструментъ еще не досягаетъ, а потому и не пытались распространять примѣненіе его далѣе подвластной уже ему области . . . . .

Постепенное проведеніе новаго метода объоснованія, какъ мы видѣли, было пріостановлено историческими событіями въ началѣ нашего столѣтія, и особыя обстоятельства содѣйствовали тому, что явилось раздѣленіе, прежде никогда

не существовавшее: съ одной стороны—философія, ничего не знавшая о математикѣ и естественной наукѣ, а съ другой—отдѣльныя дисциплины естественной науки, которыя игнорировали всё, что находилось внѣ ихъ сферы. Но и въ такомъ положеніи, естествовѣды должны были бы довольствоваться простымъ «я не знаю,» еслибъ они хотѣли *точно* дѣлать свое дѣло, и мы были бы избавлены отъ страннаго явленія новѣйшаго матеріализма. Но вмѣсто того, чтобы какъ человѣкъ, имѣющій въ карманѣ мѣдный грошъ, сказать: «*здѣсь* нѣтъ золота», естествовѣды ошибочно утверждаютъ, что «*вовсе* нѣтъ золота». Это можно объяснить только другимъ явленіемъ, постепенно обнаруживавшимся въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ. Извѣстно изъ исторической опытности, что человѣчество рѣдко и всегда только въ продолженіе короткаго времени слѣдуетъ постепенному и безпрерывному развитію. Обыкновенно же оно колеблется то туда, то сюда; одна крайность вызываетъ другую; изъ ихъ борьбы возникаетъ нѣчто среднее, ведущее вскорѣ къ новымъ противоположностямъ и новой борьбѣ; и такимъ образомъ человѣчество движется впередъ по своему пути, какъ планета по своему; но здѣсь изъ всѣхъ явленій выходитъ, какъ нѣчто среднее, поступательное движеніе по правильному элипсу, между тѣмъ какъ сами явленія, состоящія изъ безпрерывныхъ уклоненій то въ ту, то въ другую сторону отъ настоящаго пути, представляются то замедленіемъ, то ускореніемъ. Такъ и въ человѣчествѣ. Послѣднимъ продуктомъ прошедшаго столѣтія, вѣка просвѣщенія, явился въ области (нѣмецкой) церкви, конечно, немного сухой, тощій, нецѣлостный и непослѣдовательный *раціонализмъ*. Въ противоположность ему, возсталъ новый духъ, пылко устремившійся къ живому исполненію религіозныхъ формъ; но чѣмъ больше онъ въ свою задачу углублялся, тѣмъ больше изчезалъ раціонализмъ, и такимъ образомъ новый

духъ, освободившись отъ благодѣтельнаго противовѣса, сталъ болѣе и болѣе увлекаться въ односторонность своего воззрѣнія и наконецъ превратился въ слѣпаго врага всѣхъ, такъ-называемыхъ свѣтскихъ наукъ, и вступилъ въ фанатическую, почти ребяческую, борьбу съ естественными науками.

Я называю эту борьбу ребяческою, потому-что она похожа на безсильный гнѣвъ мальчика на зрѣлаго, сильнаго человѣка. Естественныя науки пробились, такъ сказать сквозь огонь и воду; онѣ стоятъ непоколебимо пока развѣ новое нашествіе народовъ опять уничтожитъ все пріобрѣтенное образованіе; но такое событіе невѣроятно, даже невозможно послѣ того, какъ просвѣщеніе проникло уже и въ Америку. Чрезъ военное искусство, кораблеплаваніе, желѣзныя дороги, телеграфы и пр. соединяется съ занятіями естествовѣда жизнь общественная, а чрезъ технику, промышленность и врачебное искусство—жизнь частная; отъ того ему вообще уже нечего болѣе опасаться насилія власти. Естественныя науки развиваютъ могущество, которымъ онѣ сами не пользуются, а только передаютъ его правителямъ народовъ и частнымъ лицамъ для употребленія въ дѣло. Паръ—повидимому вещество слабосильное, превратить въ величайшую физическую силу, желѣзо—повидимому малоцѣнное, перевесть въ золото и пр.—вотъ дары естествовѣда, за которые ему, въ знакъ скудной благодарности, конечно, не откажутъ въ защитѣ, тѣмъ болѣе, что уже всѣмъ стало извѣстно, что естественныя науки скрываютъ въ лонѣ своемъ неисчерпаемыя сокровища. Можетъ быть еще нѣкоторые близорукіе глупцы будутъ пытаться, въ маломъ видѣ, оказывать свое пособіе пошлому фанатизму, но въ большихъ размѣрахъ это уже невозможно, и тотъ, кто рѣшился бы на такую попытку, нанесъ бы собственно себѣ наибольшій вредъ, потому-что лишился бы источниковъ силы и богат-

ства.—Мнѣ никогда не случалось слышать, чтобъ кто-нибудь изъ фанатиковъ-преслѣдователей естественныхъ наукъ, называемыхъ ими дьявольскимъ порожденіемъ, по этой причинѣ загасилъ у себя газовый фонарь, или, чтобъ подлѣ желѣзной дороги пошелъ пѣшкомъ.

Между тѣмъ это рвеніе фанатиковъ имѣло послѣдствіемъ новое возбужденіе къ противоположному и противорѣчивому. Естествовѣды, выведенные изъ терпѣнія этими безсмысленными нападками, ста̀ли защищаться и дошли до отрицанія «духа, Бога и церкви», конечно безъ такого же основанія и пра̀ва, какъ и противники ихъ, преслѣдовавшіе естественныя науки. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовало невѣжество.

Я указалъ историческое происхожденіе матеріализма и разъяснилъ появленіе его, какъ грустный, хотя и объяснимый, обратный шагъ въ области духовнаго образованія. Этимъ самымъ онъ ужѐ вполнѣ разобранъ и осужденъ. Однакожъ, въ заключеніе, я хочу еще хотя одними намеками, разсмотрѣть, ка̀къ матеріализмъ возникаетъ въ *собственной* области единственно изъ непослѣдовательности и неясности, ка̀къ именно настоящій и точный естествовѣдъ никогда не можетъ сдѣлаться матеріалистомъ въ томъ смыслѣ, какой ему придаютъ теперь, т. е. отрицателемъ духа, свободы, Бога, и ка̀къ это возможно только въ томъ случаѣ, когда онъ не понимаетъ своихъ собственныхъ дѣйствій, когда онъ измѣняетъ своимъ собственнымъ законамъ. Я выше объяснилъ ужѐ, что такое непониманіе своихъ дѣйствій, такая непослѣдовательность въ своей области, есть необходимое послѣдствіе исторически обусловленной нецѣлостности и ограниченности его духовнаго образованія, и потому его, какъ частнаго человѣка, отъ котораго невозможно *требовать*, чтобъ онъ былъ превыше своего времени, чтобъ онъ исправлялъ ошибки своего времени, или отыскивалъ и возстанов-

лялъ то̀, что его время зарыло въ пыль и грязь,—нельзя обвинять; напротивъ, его должно уважать, если онъ въ своей тѣсной области оказываетъ замѣчательную дѣятельность. Приводимые мною ниже примѣры касаются не *лица*, а единственно представителя и знамени его *времени*.

Самый странный симптомъ этого времени заключается особенно въ томъ, что есть много матеріалистовъ, которые сами того не знаютъ, или не хотятъ ими быть или, высказывая матеріализмъ самымъ положительнымъ образомъ, не только не признаютъ его, а напротивъ, ревностно ограждаютъ себя отъ такого упрека. Внутренняя непослѣдовательность, глубоко лежащее противорѣчіе, скрываются отъ нихъ за неопредѣленностію и двусмысленностію словъ, за сбивчивостію отвлеченностей и неясностію понятій. *Фирховъ*, напр. никакъ не допускаетъ, чтобъ онъ былъ матеріалистъ, хотя онъ рѣшительно таковъ. Сто̀итъ только изъ его «Vier Reden etc.» сопоставить слѣдующія предложенія.

Стр. 79. «И *духовное* развитіе есть неотдѣлимая часть *жизни*». — Стр. 54. «Всякая *жизнь* зависитъ отъ *клѣточки*, она сама живая часть».—Стр. 12. «Клѣточка есть часть самостоятельная, гдѣ *извѣстныя химическія вещества*, съ ихъ *обыкновенными свойствами*, особымъ образомъ сложены, и въ этомъ сложеніи и *соотвѣтственно* своимъ свойствамъ приходятъ въ дѣятельность» .... «Напрасно трудятся найти противоположность между *жизнью* и *механикой*».—*Слѣдовательно*, «духовное развитіе есть неотдѣлимая часть механики совершенно обыкновенныхъ химическихъ элементовъ». Можетъ ли заключеніе быть вѣрнѣе? Это, безъ сомнѣнія, самый рѣзкій матеріализмъ, какой только можно придумать, доказанный самымъ неукоризненнымъ силогизмомъ (если допустить основанія); но онъ скрывается для *Фирхова* за спутанностію понятій, соединяемыхъ

нмъ со словамп: субстанція, сила, матерія, причинность, косность и т. д., все слова, которыя частію со временъ *Лейбница*, частію со временъ *Ньютона*, и наконецъ трудами *Канта* (еще яснѣе *Фрисомъ*) пріурочены и въ естественной наукѣ къ положительно - опредѣленнымъ понятіямъ, такъ-что отъ нихъ нельзя отрѣшиться, не введя полнѣйшее замѣшательство въ весь естественно-научный языкъ. Я возьму, для примѣра, слово «матерія». *Фирховъ* говоритъ:

Стр. 14.« Механическое пониманіе жизни—не матеріализмъ; ибо что иное можно подъ этимъ словомъ разумѣть, какъ не желаніе объяснить все сущее и творящееся изъ *извѣстной* матеріи» —Развѣ есть неизвѣстная матерія, напримѣръ, матерія внѣ пространства? Матерія—то, что наполняетъ пространство и потому движется въ пространствѣ. Виды матеріи мы называемъ *веществами*. По этому можно говорить о неизвѣстныхъ веществахъ (недавно еще цезій и рубидій были неизвѣстныя вещества), которыя, однако, все-таки должны быть матерія,—но уже никакъ о неизвѣстной матеріи. *Все* что наполняетъ пространство—матерія, и внѣ пространства *точному* естествовѣду нечего искать.— Матерія, наполняющая *опредѣленную* часть пространства, есть *тѣло*; количество матеріи въ этой опредѣленной части пространства—составляетъ *массу* (толщу) тѣла, т. е. продуктъ *объема* и *плотности* и пр. Не грустно ли, что послѣ гегелевой духовной заразы, должно даже естествовѣду напоминать эту азбуку точной ньютоновой естественной науки.

Фирховъ говоритъ на стр. 21: «свобода не произволъ дѣйствовать какъ угодно, а способность дѣйствовать разумно». Тождество двухъ, чрезъ «не=а», противопоставленныхъ предложеній скрывается только за неясностію понятій и словъ. *Произволъ* дѣйствовать какъ угодно (слѣдовательно и разумно) не иное что, какъ *способность* дѣйствовать разумно (слѣдовательно и неразумно); ибо способность

къ чему-нибудь—это *возможность*, а не *необходимость*, дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ. *Произволъ* (*возможность рѣшиться* на какой-либо поступокъ) и *способность* (*возможность поступать* сообразно съ этимъ рѣшеніемъ) не противоположны другъ другу, но оба противоположны *необходимости* естественнаго закона. Впрочемъ, и совершенно несправедливо, что человѣкъ, какъ родъ, повсюду и всегда обладаетъ способностію дѣйствовать разумно; всякая галлюцинація, всякій лихорадочный бредъ и пр. уничтожаютъ эту способность, но отнюдь не существованіе и понятіе человѣка. Это-то противорѣчіе между *чувствомъ свободы* (на чемъ основана вмѣняемость въ совѣсти) и *неспособностію* дѣйствовать всегда разумно, вноситъ всѣ тѣ безконечныя затрудненія въ ученіе о нравственной свободѣ, которымъ занимались изстари всѣ величайшіе мыслители. Но объ этомъ *Фирховъ* очевидно ничего не знаетъ, и еслибъ онъ когда-нибудь принялъ на себя трудъ просмотрѣть, въ метафизикѣ *Апельта*, классическую главу о свободѣ, то онъ убѣдился бы, что о такихъ затруднительныхъ предметахъ, если вообще о нихъ приходится говорить, нельзя отдѣлаться нѣсколькими на удачу брошенными полупонятными фразами.

Фирховъ самъ высказывается такъ благородно, стр. 37 и д. объ уваженіи, которое долженъ имѣть каждый къ величайшей святынѣ націи, т. е. къ ся языку. Но для соблюденія этого, прежде всего не слѣдуетъ играть словами, какъ пустымъ наборомъ буквъ, а должно всегда имѣть въ виду, что слова суть знаки для *понятій*, что *понятіе* должно быть ясно, вразумительно и неизмѣнно соединено съ однимъ и тѣмъ же словомъ, что тогда только можно измѣнить слово, когда измѣнится *понятіе*, и наконецъ, что для новыхъ понятій должно изъ общежительнаго языка избирать слова, коихъ смыслъ наиболѣе подходитъ къ новому понятію.

Короче сказать, все дѣло заключается въ *понятіяхъ* и онѣ должны быть строго-научно установлены.

Указанная неясность и сбивчивость основныхъ понятій (у другихъ еще хуже, чѣмъ у *Фирхова*) ведетъ къ тому, что точные естествовѣды лишаются вовсе своей точности.—Первое правило точнаго естествовѣда состоитъ въ томъ, чтобъ онъ не касался предметовъ, которые не входятъ и не могутъ входить въ область его постиженія и опытности, не отрицалъ ихъ и не утверждалъ. Какой астрономъ возметъ на себя отрицать существованіе тантала или лантана и пр.? Духъ, свобода, Богъ, никогда не являются въ области возможныхъ изысканій естествовѣда; по какому же поводу говоритъ онъ объ нихъ? Будетъ ли онъ ихъ утверждать или отрицать, въ обоихъ случаяхъ, онъ обнаружитъ свою непослѣдовательность, сбивчивость. Если же естествовѣду, какъ человѣку, придется говорить объ этихъ предметахъ, то онъ долженъ помнить другое правило, а именно, никогда не судить и не рѣшать о вещахъ, не изучивъ ихъ такъ основательно, какъ тò позволяетъ современное состояніе науки; что для сужденія о предметахъ астрономіи, химіи, философіи, необходимо прежде изъучить *основательно* астрономію, химію, философію; иначе вы сдѣлаетесь смѣшнымъ въ собственныхъ глазахъ.

Изъ выше сказаннаго обнаруживается еще противорѣчіе и въ самомъ словѣ; ибо, именно чрезъ отрицаніе идей, естествовѣдъ признаетъ ихъ дѣйствительность, такъ-какъ то, чтò вообще было-бы недоступно человѣческой опытности, невозможно бы человѣку и отрицать. Но матеріализму, особенно высказанному въ наиболѣе рѣзкой формѣ, можно еще опредѣлительнѣе возразить. Мысли онъ прямо называетъ выдѣленіями, дѣятельностію мозга; очень хорошо, слѣдовательно идеи «Богъ, свобода, духъ», какъ равно убѣжденіе въ ихъ объэктивной реальности, суть также выдѣленія

мозга, и именно выдѣленія нормальныя, здоровыя, потому-что существовали и еще существуютъ покрайней мѣрѣ у $^9/_{10}$ всѣхъ человѣковъ. Поэтому отрицаніе ихъ со стороны матеріалиста доказываетъ только разстройство въ немъ одной нормальной функціи, болѣзнь. Можетъ ли естествовѣдъ отрицать существованіе желчи, въ отношеніи которой онъ также не имѣетъ другаго ручательства, какъ то̀, что убѣжденіе въ ея существованіи есть нормальное выдѣленіе его мозга.

Матеріализмъ, высказанный въ грубой формѣ, граничитъ до-нѐльзя съ пошлостію, съ безнравственнымъ легкомысліемъ въ изслѣдованіи важныхъ вопросовъ. Грубые-то матеріалисты больше всего и хвастаютъ *точной* наукой, между тѣмъ, какъ они-то менѣе всѣхъ понимаютъ что̀ такое точная наука.—Всѣ выдѣленія въ тѣлѣ не иное что, какъ химическіе элементы, которые уже прежде находились въ выдѣляющихъ о̀рганахъ, или онѣ составлены изъ такихъ элементовъ. Я не желаю ставить этихъ господъ въ затрудненіе задачей, чтобъ они мнѣ подробно объяснили процесъ, посредствомъ котораго, напр. чувство прекраснаго, выдѣляется изъ мозга. Нѣтъ, пусть они докажутъ мнѣ только, какимъ образомъ возможно, покрайней мѣрѣ *когда-нибудь*, самое простое представленіе, напр. дерево, законъ и проч., узнать какъ существующій въ мозгу химическій элементъ, или какъ составленное изъ этихъ элементовъ. Точно тоже относится до пониманія представленія, какъ дѣятельности мозга, т. е. какъ элементарнаго (пространственна́го) движенія, или комбинаціи такихъ движеній. Но естествовѣдъ, судящій и рѣшающій о природѣ вещей, которыхъ *возможность* (не говорю дѣйствительность) онъ не въ состояніи доказать, является уже не какъ точный естествовѣдъ, и вообще не какъ естествовѣдъ, а просто какъ поверхностный пустомеля. Замѣчательно притомъ, что матеріалисты, такъ дерзко глу-

мящіеся надъ флософіей, сами заимствуютъ кое-что отъ такъ-называемой философіи и именно свои наиболѣе непростительные промахи; ибо отрицаніе духа и проч. точно такая же нелѣпость, какъ гегелево доказательство, что не можетъ быть астероидъ.

Наконецъ, я долженъ еще упомянуть о самомъ печальномъ фактѣ матеріализма, *о глубокой безнравственности его ученій*. Я не упрекаю отдѣльныя лица въ безнравственности, я вижу только пагубное ихъ дѣйствіе въ томъ, что они распространяютъ ученіе, которымъ подкапывается и уничтожается то, что̀ они сами признаютъ въ жизни необходимымъ, что̀ они сами исполняютъ. Матеріалистическія ученія морально испорченнаго общества, какія переносятся къ намъ, напр. изъ растлѣннаго парижскаго общества (*), не представляютъ опасности. Онѣ осуждены самою жизнію ихъ представителей; каждый нравственный человѣкъ отворачивается отъ нихъ. Совсѣмъ иное, когда представители такихъ ученій имѣютъ пра̀во въ общежитіи требовать уваженія къ себѣ; въ такомъ случаѣ они, своею личностію, придаютъ дѣлу рельефность, за которой до времени не замѣтна грозящая опасность. Во всякомъ матеріалистическомъ ученіи и духовное дѣйствіе человѣка подчиняется естественному закону неизбѣжно; человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не дѣлаетъ ужѐ того что̀ ему *слѣдуетъ* (soll) дѣлать,—причемъ дѣлаемое именно отъ того и получаетъ нравственное значеніе, что оно *можетъ* быть иначе исполнено или, покрайней мѣрѣ, иначе мыслимо,—но дѣлаетъ то, что̀ онъ по необходимости дѣлать *долженъ* (muss), чего нельзя иначе и мыслить, слѣдовательно что̀ ни хорошо, ни худо. Такимъ обра-

---

(*) Хотите видѣть образецъ, читайте Густава Флобера «Madame Bovary» или его «Salambò». Только морально растлѣнное общество можетъ находить удовольствіе въ такой грязи.

зомъ самый кровожадный убійца нисколько не хуже и не лучше падающаго камня, который убиваетъ человѣка: оба они лишенные воли рабы естественнаго закона. Только чрезъ умышленное презрѣніе всякой логики, всякой законоположности въ связи мыслей, можетъ матеріалистъ устранить отъ себя подобный выводъ, который, однакожъ, не можетъ быть ни уничтоженъ, ни удержанъ въ неизбѣжныхъ его послѣдствіяхъ тѣмъ, что матеріалистъ нелогически протестуетъ противъ него, или скрываетъ его отъ себя за рядомъ перепутанныхъ мыслей.

Если мы сведемъ всѣ результаты нашихъ разсужденій, то придемъ къ заключенію, что при обсужденіи этого дѣла, должно имѣть въ виду слѣдующіе главные пункты:

Систематическій или философскій матеріализмъ побѣжденъ въ исторіи. Онъ составлялъ низкую ступень познавательной теоріи и *Локка* сенсуализмъ былъ его послѣднимъ значительнымъ явленіемъ.

Безнравственный матеріализмъ Французовъ, напр. въ L'homme machine или Thérèse philosophe и проч. не заслуживаетъ не только опроверженія со стороны образованнаго человѣка, но даже никакого вниманія.

Матеріализмъ новѣйшей нѣмецкой естественной науки основывается на исторически-обусловленной недостаточности полнаго, всецѣлаго образованія и недостаточномъ примѣненіи естественно-научнаго метода.

Онъ прекратится въ томъ моментъ, когда методъ опытности примѣнится вполнѣ во всей области постигаемаго.

Тогда эмпирическое естествовѣдѣніе и психическая антропологія, индукція и кантова критика, теоретическая естественная наука и метафизика, явятся тотчасъ, бокъ-о-бокъ, совершенно равноправными и вторыя станутъ даже выше первыхъ, потому-что эти, безъ познавательной теоріи, не имѣютъ должной твердости.

Происхожденіе полу-образованности объясняется исторіею нѣмецкой философіи, такъ-какъ съ начала нынѣшняго столѣтія появились люди, которые безъ всякихъ реальныхъ познаній, безъ математическаго образованія, и безъ всякой способности понимать своихъ предшественниковъ, пріобрѣли ложную славу и вытѣснили истинную философію.

Затѣмъ, широковѣщательная, ни къ чему негодная болтовня дала естественной наукѣ полное право отдѣлиться отъ нея съ отвращеніемъ, чѣмъ она хотя и предохранила себя отъ тяжкихъ заблужденій, однакожъ, съ другой стороны, смѣшивая каррикатуру съ оргиналомъ, безъ всякаго права отвергла вообще философію и тѣмъ лишила себя общаго взгляда.

Непослѣдовательность и внутреннія противорѣчія въ самой естественной наукѣ были необходимымъ послѣдствіемъ этого.

Законченныя зданія астрономіи и математической физики нисколько не потерпѣли ни отъ шеллинговой болтовни, ни отъ упомянутой полу-образованности; но сильно пострадали отъ нихъ, только что начавшія свое развитіе, органическія естественныя науки.

Противъ этого матеріализма можно найти противоядіе только въ эмпирико-психологической основѣ и построенной на ней логикѣ. И то и другое — естественная исторія и математика — должны составлять существенные предметы преподаванія въ высшихъ классахъ училищъ, реальныхъ и ученыхъ.

Надежды на уничтоженіе матеріализма въ ближайшей будущности я не имѣю. Укоренившееся и нѣкоторымъ образомъ извинительное отвращеніе нашего естественнонаучно - индустріальнаго времени отъ философскихъ изслѣдованій, не скоро позволитъ себя преодолѣть. Есть еще много задачъ, которыя могутъ быть рѣшены вполнѣ, или отчасти,

прежде нежели недостаточность и невѣрность основъ обнаружится въ яркомъ свѣтѣ. Новый *Кепплеръ* и *Ньютонъ* вновь пробудятъ духъ и обратятъ его къ истиннымъ основамъ; а мы, называющіе себя настоящими учениками Канта, въ выше развитомъ смыслѣ, мы можемъ только безпрерывнымъ напоминаніемъ свидѣтельствовать, что нить еще не совсѣмъ порвана, и ожидать довѣрчиво лучшей будущности.

СОДЕРЖАНІЕ.

---

3. Болѣзненная односторонность матеріалистическаго принципа познаванія.
4. Поруганіе законовъ здраваго мышленія.
5. Неспособность матеріализма къ построенію прочной научной системы.
6. Несостоятельность матеріалистическаго сомнѣнія во всякой истинѣ.
(Статьи IV и V извлечены изъ сочиненія Бёнера «Naturforschung u. Kulturleben etc. 1859»).

VI. Взглядъ Шлейдена на матеріализмъ (изъ сочиненія его «Ueber den Materialismus etc. 1863»).

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Надлежитъ читать.*
79 сверху	4 строка	приноситъ	приноситъ.
83 —	19 —	наказываемыя	называемыя.
138 —	12 —	какъ и нибудь	какъ—нибудь.
141 —	1 —	противорѣчіе самимъ	противорѣчіе съ самимъ.
155 —	6 —	первъ	первовъ.
157 снизу	3 —	цѣлоснаго	цѣлостнаго.
172 —	2 —	содержимо	содержимое.
190 сверху	14 —	чемъ	чѣмъ.
202 —	15 —	отвѣтъ	отвѣтъ:
217 —	13 —	эвкливоды	эвклидовы.
225 снизу	1 —	«абсолютное =	«абсолютное=».
— —	2 —	«1 = 8»	«$1 = \infty$ ».

